

КНЯЖЕНІЕ
ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО,

ПО РУССКИМЪ И ИНОСТРАННЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ДАШКЕВИЧА.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1873.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1873 года.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Введеніе	1
I. Реформа въ политическомъ строѣ югозападной Руси въ княженіе Даниіла Галицкаго	10
II. Культура югозападной Руси въ это княженіе.	78
III. Враги самостоятельнаго ея развитія.	105
IV. Общее замѣчаніе объ историческомъ значеніи княженія Даниіла Галицкаго	143
V. Характеристика Даниіла.	146

КНЯЖЕНІЕ ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ.

(Сочиненіе студента историко-филологическаго факультета Николая Дашкевича, удостоенное золотой медалію).

„Начнемъ спасти бесчисленныя рати, и великия труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая постанія, и многія митежи, възлада бо не бы имъ покой“.

„Дѣтѣмъ по Ипатскому списку“, г. 1227.

„Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый“.

Ibid. г. 1264.

До второй четверти XIII стол., въ теченіе двухъ почти вѣковъ, Россія представляла собою федерацію всѣхъ отдѣльныхъ земель, и жизнь вездѣ шла одинаково. XIII вѣкъ ознаменовался разрывомъ этого единенія, при чемъ каждой изъ воплѣ обособившихся частей Руси достался особенный жребій. Въ югозападной Руси поворотъ на новую дорогу обозначился задолго до татарскаго нашествія, которое почти всѣ ученые принимаютъ, какъ грань двухъ различныхъ періодовъ русской исторіи, именно—съ самаго начала Даниловой дѣятельности¹⁾; въ княженіе же Данила воплѣ выработались и условія новой жизни. Такимъ образомъ, княженіе его представляетъ совершенно отдѣльную, весьма важную эпоху въ исторіи всей югозападной Руси. Прибавимъ, что эта эпоха во многихъ отношеніяхъ была одною изъ самыхъ блестящихъ.

Вотъ чѣмъ выдѣляется княженіе Данила изъ множества другихъ княженій и вотъ почему заслуживаетъ особеннаго вниманія.

¹⁾ Читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что всѣ перемены, которыя мы отмѣчаемъ въ княженіе Данила, начали проявляться до татарскаго нашествія и независимо отъ него,

Обращаясь къ ученымъ трудамъ, касающемся этого времени, относясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, мы должны однако сказать, что не находимъ въ нихъ обстоятельнаго и отчетливаго указанія существенно важныхъ явленій этого княженія и всесторонняго опредѣленія его значенія. Они заняты, главнымъ образомъ, изложеніемъ политическихъ событій въ болѣе или менѣе послѣдовательно-хронологическомъ порядкѣ.

Но, и съ ихъ точки зрѣнія, эти труды не могутъ быть названы вполне исчерпавшими предметъ. Это произошло вслѣдствіе того, что въ нихъ или мало, или недостаточно обращено вниманія на доступный изслѣдователю иностранныя извѣстія. Галицко-волынская лѣтопись¹⁾, которою они пользовались по преимуществу, составляетъ драгоценнѣйшій матеріалъ, потому что: 1) находящіяся въ ней свѣдѣнія сообщены лицами современными²⁾, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, при-

1) Такое мы принимаемъ названіе для начинающагося съ 1201 г. отдѣла лѣтописи, извѣстной обыкновенно подъ именемъ Ипатьевской.

2) Въ части ея, обнимающей Данилово время, легко безъ особеннаго углубленія замѣтить вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ (см. его «Лекціи по русской исторіи, ч. I. Спб. 1861», стр. 50—51) распаденіе на два отличныя и потому принадлежащія разнымъ лицамъ повѣствованія. Второе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за рассказомъ о первомъ нашествіи Бурандая (съ 561 стр. по новому изданію подъ заглавіемъ: «Лѣтопись по Ипатскому списку», Спб. 1871) и написано во Владимірскомъ княжествѣ, или вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра Волынскаго. Оттого въ немъ сказано такъ мало о Даниловой дѣятельности послѣ Бурандаева нашествія и объ его смерти, а такъ кратки похвалы ему, чего бы не было, еслибы продолжалъ писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предшествующее; напротивъ, на первомъ планѣ Даниловъ братъ Василько. Авторъ первой части такъ ревниво относится къ своему герою, что, постоянно называя Данила княземъ до его коронованія, со времени послѣдняго всегда титуловалъ его королемъ; авторъ же второй части отступаетъ отъ этого (см., напр., «Лѣт. по Ип. сп.», которую мы съ этого времени всегда будемъ обозначать *Ип.*, стр. 562, вар. 1 и 5 и прим. *); стр. 567, строки 9 и 31; 590, вар. 1 и прим. **); конечно, это мелочной признакъ, но его нельзя оставить безъ вниманія. Во второй части рассказъ не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи. Нельзя не замѣтить также значительнаго различія въ языкѣ (даже термины другіе; Владимірецъ сказывается въ употребленіи названія «Сань» вм. «Сянь» (Ип. 588, 591; сл. 529, 532, 533), въ приемахъ рѣчи, Всѣмъ связаннымъ мы не думаемъ утверж-

нимали даже весьма дѣятельное участіе въ описываемыхъ ими событіяхъ¹⁾, были близки къ Даниилу, постоянно при немъ пребыва-

дать, что только двумъ лѣтописцамъ принадлежитъ рассказъ о занимающемъ насъ времени; мы говоримъ только, что несомнѣнно составленіе его не однимъ лицомъ, и не отвергаемъ того, что первая часть, въ свою очередь, могла выдти изъ-подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сложенной *однимъ* лицомъ *по нѣсколькимъ* извѣстіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы отъ одного лѣтописца вышелъ рассказъ, обнимающій 54 года и во всемъ своемъ теченіи отличающійся полнотою и подробностями, вездѣ указывающими на автора-современника (въ началѣ только пропущены нѣкоторые факты, находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ); упоминаются даже цвѣта коней (Ип., 491, 515) и ихъ качества (ib., 498). На то, что эта часть была проредактирована *однимъ* лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, указываютъ упоминанія при случаѣ вещей, имѣвшихъ мѣсто не особенно скоро послѣ того времени, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Наприм., подъ 1207 г. мы встречаемъ: *«...люже нынѣ святу нарѣчаютъ, именовемъ Альжьбитъ, преднее бо ими ей Кянека: много бо послужи Богуви по мужи своемъ и святу нарѣчаютъ»* (Ип., 484); а эта Елисавета умерла въ 1231 г. (Pertz. Monumenta Germaniae historica. Scriptorum t. XVIII. Hannoverae MDCCCLXVI. P. 547.³⁰; 699.⁴⁰), канонизована въ 1238 г. (ib., p. 552.³⁰; другія показанія ib., 632—633.²⁰; 691.³⁰), родилась въ 1207 г. (ib., p. 700.³⁰). Говоря подъ 1213 г. объ убіеніи Кліма Хрестинича, лѣтописецъ прибавляетъ: *«его крестъ и донныи стоять на Сухой Дорогви»* (Ип., 490). Подъ 1217 (вм. 1221 г.) читаемъ: *«Богу же того не терпящю, во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Филя»* (Ип., 492), а это случилось въ 1245 г. Сообщая подъ 1255 г. о сожженіи Стѣкинтова дома, лѣтопись замѣчаетъ: *«аже и донныѣ пусто стоять»* (Ип., 549). Тѣмъ же, вѣроятно, редакторомъ включено въ лѣтопись и сказаніе о Романѣ; думать такъ заставляютъ слѣдующія его слова: *«По великомъ бо князѣ Романѣ, никтоже не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускихъ князихъ, развѣ сына его Данила... якоже сказахомъ о ратяхъ многихъ си же написахомъ о Романѣ: древле бо (бѣ) писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть в послѣдняя»* (Ип., 554). Предполагаемый нами редакторъ несомнѣнно зналъ Данила и жить не позже его. Отдѣльныя сказанія, занесенныя въ эту часть галицко-волинской лѣтописи, принадлежатъ ей, этому краю и этому времени. День перехода Днѣпра русскимъ ополченіемъ въ 1224 г. обозначенъ только въ сказаніи, находящ. въ галицко-волинской лѣтописи: *«перендоша же Днѣбрь во день во вторникъ»* (Ип., 496). Сл. о нихъ К. Н. Бестужева-Рюмина *«О составѣ р. лѣтописей до конца XIV в.»*, стр. 154—155. Упомянемъ здѣсь о томъ, что, по мнѣнію Д. И. Зубрицкаго (*«Исторія древняго Галицко-русскаго княжества»*, ч. III. (Львовъ 1855), стр. 99, прим. 78), событія около 1226 г. по Ип. сп. описаны Метиславовымъ (Удалого) духовникомъ Тимошеемъ.

¹⁾ Нѣкоторые думаютъ, что лѣтопись писана духовными лицами

ли¹⁾; замѣтимъ при этомъ, что отъ такой близости правда не пострадала,

(напр., такого мнѣнія держался И. В. Лашнюковъ. Унив. Изв. 1872, № 5). По нашему убѣжденію, вѣрнѣе другое предположеніе, приписывающее составленіе ея свѣтскимъ лицамъ; его держителъ, между пр., и Н. И. Костомаровъ («Лекціи», 48); особенно убѣдительно оно развито въ статьѣ (г. Знаменскаго?): «Обзоръ р. лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ», помѣщенной въ «Прав. Собес.» 1860, № 4 (стр. 408—413). Въ пользу его говорятъ: полное погруженіе и душевное участіе писателя въ разсказываемыхъ имъ событіяхъ, подробности на каждомъ шагѣ, изобличающія челоуѣка, сидѣвшаго не въ келіи, сочувственное изображеніе военныхъ дѣйствій и вообще воинской храбрости, второстепенное положеніе церковно-историческаго элемента, немногочисленность правоучительныхъ сентенцій. Въ одномъ мѣстѣ есть прямое указаніе на свѣтскость писателя и участіе въ запесенныхъ въ лѣтопись происшествіяхъ: «онѣмъ (ъ) же позоровавшимъ насъ, говоритъ лѣтописецъ, и ехаша Угрево станы своя» (Ип., 500). Можетъ быть, нѣкоторые мѣста принадлежатъ и духовнымъ лицамъ; такъ, однажды лѣтописецъ приписываетъ успѣхъ Даниїла св. Николаю, а спустя нѣкоторое время, когда Даниїлъ не могъ взять Звенигорода, она объясняетъ этотъ неуспѣхъ слѣд. образомъ: «города же хотяца и нѣ взята: бѣ бо святая Богородица въ немъ чудная икона» (Ип., 517); въ такомъ случаѣ эти лица принадлежали къ бѣлому духовенству.

¹⁾ Первая большая часть галицко-волинской лѣтописи, касающейся разсматриваемаго нами времени, прямо можетъ быть названа частію лѣтописью, занимающеюся Даниїломъ. Лѣтописи слѣдили обыкновенно за князьями съ того времени, когда они выступали въ качествѣ дѣятелей; разбираемый же нами памятникъ съ самаго начала сосредоточиваетъ повѣствованіе около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на нее, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе, а потомъ дважды прямо заявляетъ, что ея предметъ—*ихъ* исторія [въ первый разъ—словами, поставленными нами въ качествѣ эпитафиа: «начнемъ сказати...»; во второй разъ повторяетъ нѣсколько фразъ изъ этой тирады: «Посемъ скажемъ многій мятежь, великия лести, бесчисленныя рати» (Ип., 508)]. Во всемъ разсказѣ видна глубокая любовь и уваженіе къ Даниїлу. Лѣтописецъ ликуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это былъ особенный челоуѣкъ, не любитъ его враговъ, обличаетъ ихъ недостатки, главныхъ изъ нихъ—галицкихъ бояръ называетъ «безбожными», «нечестивыми», «невѣрными», а противъ одного вельможи раздражается проклятіемъ въ цѣлой тирадѣ (Ип., 499). Каждый успѣхъ Даниїла онъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Даниїлъ находился подъ Божією охраной. Вотъ какъ, напр., говоритъ онъ объ одномъ нападении Венгерскаго короля: «Вшедшу же ему во горы Угорскыѣ, посла на нь Богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя, конемъ же потонающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ на высокая мѣста,

чего не видимъ, наприм., у Кадлубка¹⁾; 2) эта лѣтопись состоитъ изъ сухихъ, отрывочныхъ погодныхъ записей разнообразнѣйшихъ собы-

оному же одинако устремившися прияти градъ и землю... Богъ попусти на нѣ рану Фараопову... Богъ бо попустилъ бѣашеть рану, ангель бѣашеть ихъ... ушедшию же ему за невѣрство бояръ Галичскихъ, Даниль же, Божьею волею, одержжа градъ свой Галичь» (Ип., 508—509). Нѣкоторые признаки наводятъ на мысль, что эта лѣтопись не была лишена официальности. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ имѣлъ подъ руками договоръ Данила съ Белою IV, но не вписать его по его пространности (Ип., 545). И. Д. Бѣлиевъ («Временникъ М. О. И. и Др. Р., V, ст. »О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей», стр. 9) видитъ слѣды официальныхъ лѣтописей въ описаніи многихъ мятежей и ратей въ Галицкой землѣ съ 6738 (1230) по 6743 (1235) г. Авторъ указанной нами статьи въ «Прав. Собес.» обращаетъ вниманіе на постоянныя перечисленія убитыхъ, именъ пословъ, татарскихъ воеводъ, литовскихъ князей, участвовавшихъ при заключеніи мира, и проч., также видитъ, на основаніи всего этого, въ лѣтописи доказательства веденія въ югозападной Руси официальныхъ временниковъ и высказываетъ предположеніе, что галицко-волинскую лѣтопись «вели княжескіе писцы, подобные Ѳеодорцу, составившему завѣщаніе Владиміра Васильковича, или тому писцу, который внесъ, по повелѣнію Мстислава, грамоту Берестянъ въ лѣтопись» (стр. 413—414). Это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли объ официальной помѣ отчасти характерѣ галицко-волинской лѣтописи Данилова времени, равно какъ и то, что лѣтописецъ этой части смотритъ на себя, какъ на хронографа, все обязаннаго записывать, и говоритъ объ этомъ съ важностью. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ хвалитъ Данила нескрпно, а не ex officio только, и глубоко преданъ своему дѣлу.

1) Лѣтопись желаетъ выставить съ самой лучшей стороны своего героя, по-для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ. Иногда только она, можно сказать—неумышленно, впадетъ въ пѣкоторую утрировку фактовъ. Такъ, по ея словамъ, посолъ венгерскаго короля «възвонилъ глаголюмъ великомъ и рече: «слышите словеса великаго короля Угорьскаго, да не устаиваетъ васъ Демьянъ, глаголю: изъ (ъ) земля изыметь ны Богъ, ни да уповасть вашъ Даниль на Господа, глаголю: не имать предати градъ сесь королевѣ Угорьскому; только ходилъ на ны страны, то кто можеть одержати отъ руку моею и отъ снѣ полковъ мовхъ?» (Ип., 507). Когда Даниль взялъ однажды Галичь, то Галичане, говоритъ лѣтописецъ, (Ип., 517—518), «пустишася яко дѣти ко отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жакоуци воды ко источнику». Не одно только хорошее говоритъ лѣтописецъ о Данилѣ: въ одномъ мѣстѣ читаемъ о немъ: «пѣкое слово похвално рекшу, его же Богъ не любитъ» (Ип., 511). Враги Данила награждаются иногда не совсѣмъ лестными эпитетами, но это не мѣшаетъ лѣтописцу соблюдать правдивость въ разсказѣхъ объ ихъ дѣяніяхъ. Единство то на первой части лѣтописи, по всей вѣроятности, — дѣло принимаемаго нами редактора.

тій, а носятъ характеръ цѣльнаго, группирующагося около извѣстныхъ личностей разсказа, отличающагося живостію, чрезвычайною полнотою и удивительною, въ сравненіи съ другими лѣтописями, пластичностію обрисовки, яркостію и рѣзкостію характеристикъ, въ чемъ ей отдаютъ справедливость и за что ее цѣнятъ всѣ ученые ¹⁾. Но, при этихъ достоинствахъ, она: 1) не даетъ историку прямыхъ хронологическихъ указаній ²⁾; 2) при всей своей обстоятельности, она все-таки не мо-

¹⁾ Сводъ мѣстній о ней, довольно полный, желающіе могутъ найти въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-вол. лѣтописи, помѣщенномъ въ его изданіи послѣдней («Волынско-Галицкая лѣтопись. Издавъ и объяснилъ А. С. Петрушевичъ. Вып. I. Львовъ, 1871»). Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ выражаетъ вотъ какой взглядъ на свое дѣло: «хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же во(з)ступати в задняя: чѣтый мудрый разумѣеть» (Ип., 544).

²⁾ Тѣ, которыя находятся въ Ипатскомъ спискѣ (въ др. спискахъ вовсе нѣтъ означенія лѣтъ, нѣтъ также годовъ, когда, по словамъ Ип. сп., ничего не случилось. См. варианты Хлѣбник. и Погод. сп. въ послѣднемъ изд. гал.-вол. лѣтоп. на всемъ ея протяженіи; сл. «О составѣ...» К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 70, прим. 2) не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія (многіе историки напрасно до сихъ поръ еще продолжаютъ обращать на нихъ вниманіе) и поставлены наугадъ переписчикомъ Ипатскаго списка, который хотѣлъ, чтобы и въ галицко-волынскій лѣтописи событія были также расположены по годамъ, какъ это онъ видѣлъ въ Киевской лѣтописи, приписанной имъ къ галицко-волынскій (подобнаго мнѣнія, высказаннаго прежде всѣхъ Карамзинымъ (т. III, прим. 113), держится и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «О составѣ...», стр. 153). Составитель лѣтописнаго сборника прямо говоритъ: «число же лѣтомъ здѣ не писахомъ» (Ип., 544). Какъ бессмысленно иногда разставлялъ годы переписчикъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Первую половину одного похода онъ кладетъ въ одномъ году, другую въ другомъ (такъ, на стр. 492 одинъ и тотъ же походъ Мстислава къ Галичу отнесенъ къ 1217 и 1219 гг.; подъ 1218 же г. говорится: тишина бысть»; на стр. 512 (см. прим. ††) онъ разрываетъ и ставитъ подъ двумя годами одну битву). Собираясь говорить о бракосочетаніи Романа съ Гертрудою, онъ ставитъ опредѣленно годъ 6762 и не уничтожаетъ при этомъ слѣдующихъ словъ подлинника: «В таже лѣта, времени минувшу,—хронографу же нужа есть писати...» (извѣстное мѣсто), а переписываетъ ихъ рядомъ съ своею хронологическою датою (Ип., 544). Вопреки показанію текста лѣтописи объ одномъ походѣ на Ятвяговъ, что онъ былъ до войны черниговской, онъ кладетъ его подъ 1248 (Ип., 531). Въ лѣтописномъ текстѣ смерть Владиміра Васильковича показана подъ 1289 г. (Ип., 606), а переписчикъ поставилъ ее подъ 1288 г.

жетъ быть названа единственными, затмѣвающимъ другіе источники для историка, стремящагося къ возможно подробному изученію этой эпохи, такъ какъ ею оупунено или не помѣщено немало частныхъ.

Для возстановленія времени различныхъ событій этого княженія, необходимо прибѣгать къ отысканію хронологическихъ указаній въ разсказѣ самой лѣтописи ¹⁾ и къ сличенію ея съ другими русскими лѣтописями ²⁾ и нѣкоторыми иностранными ³⁾. Для пополненія пробѣловъ въ содержаніи, можетъ служить, кромѣ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ ⁴⁾, значительное количество иностранныхъ источниковъ. Обиліе ихъ для разсматриваемой нами эпохи, въ сравненіи съ незначительнымъ ихъ количествомъ для времени предшествовавшихъ, объясняется усиленіемъ сближенія Даниловой Руси съ западомъ. Изъ иностранныхъ матеріаловъ упомянемъ прежде всего о сочиненіи Стрыйковскаго. Его трудъ—сводъ первоначальныхъ извѣстій, составленный въ позднѣйшее время, но тѣмъ не менѣе, при отсутствіи этихъ первоначальныхъ извѣстій ⁵⁾, онъ весьма важенъ для разъясненія отношеній Руси и Литвы. Обратимъ вниманіе при этомъ на добросовѣстность Стрыйковскаго въ передачѣ содержанія памятниковъ, которыми онъ пользовался, обнаруживающуюся изъ сличенія его хроники съ дошедшими до насъ литовскими лѣтописями; онъ вездѣ увѣдомляетъ о своихъ уклоненіяхъ отъ нихъ. У Длугоша находимъ извѣстія, заимствованныя изъ дошедшихъ до насъ русскихъ ⁶⁾ и отчасти изъ польскихъ лѣтописей ⁷⁾. Къ

1) Само собою разумѣется на основаніи вышесказаннаго, что хронологию Ипатскаго списка должно оставлять въ сторонѣ.

2) Мы разумѣемъ лѣтописи новгородскія и суздальскія и лѣтописные своды.

3) Именно:—польскими, помѣщенными у Пертца и у Сомерсберга, австрійскими, помѣщенными у Пертца и у Пеца, венгерскими, помѣщ. у Швадтнера.

4) Лѣтописи: Воскресенская и Никоновская, «Исторія» Татищева.

5) Изъ нихъ для Данилова княженія у насъ имѣется одна только лѣтопись Быховца.

6) Сколько можно видѣть изъ сравненія его разсказа съ галицко-волынскою лѣтописью, для югозап. Руси у него была лѣтопись, отличная отъ дошедшей до насъ. О томъ, что онъ пользовался русскими лѣтописями, свидѣтельствуютъ его собственныя слова: «*sano jam capite ad perdiscendas literas Rutenas me ipsum appuleram, quatenus Historiae nostrae series certior redderetur*» (Joannis Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae. Anno MDCCXI. Auctoris epistola dedicatoria).

7) Изъ послѣднихъ, по всей вѣроятности, взяты: находящееся

сожалѣнію, опъ далеко не такой безпристрастный чловѣкъ, какъ Стрыйковскій. Опъ любитъ изображать Русь и ея дѣятели въ дурномъ видѣ ¹⁾, относится недружелюбно къ порѣ славы русскихъ при Данилѣ, которая, очевидно, была ему весьма неприятна, не затрудняется представлять ихъ варварами; къ такой тенденціозности нужно прибавить склонность перѣдко къ эффектамъ и красивымъ описаніямъ и неумѣніе иногда сладить съ громаднымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его рукахъ, отчего происходятъ повторенія и невольныя искаженія. Менѣе имѣютъ значенія для содержанія другія польскія лѣтописи ²⁾. Къ занимающему насъ времени относятся одно иностранное путешествіе ³⁾. Наконецъ, есть не мало иноземныхъ актовъ, преимущественно папскихъ ⁴⁾.

Къ нашему прискорбію, до насъ не дошелъ отъ времени Данила ни одинъ русскій актъ, хотя несомнѣнно, что было много такихъ документовъ. Авторъ галицко-волинской лѣтописи имѣлъ передъ собою договоръ Данила съ венгерскимъ королемъ относительно Романа и Гертруды ⁵⁾. Данилъ письменно сносился съ папою ⁶⁾. Тогда развилась уже и дѣловая письменность ⁷⁾. Эти памятники погибли во время

подъ 1233 г. (lib. VI, columna 649) извѣстіе объ изгнаніи католиковъ изъ Кіева и извѣстіе подъ 1238 г. объ основаніи доминиканскаго монастыря въ Галичѣ (lib. VI, col. 661—662).

¹⁾ См., напр., его рассказъ о сношеніяхъ Данила съ папою.

²⁾ См. прим. 11-е.

³⁾ Пано-Карпини. Записокъ о путешествіяхъ къ татарамъ Anonymus'a Anglus'a (1243; см. Nakluy's Collection, I) и товарища Пано-Карпини—поляка Бенедикта (его рассказъ изданъ въ 1836 г. географическимъ обществомъ въ Парижѣ въ IV-мъ т. «Recueil de voyages et de mémoires»; см. Лелевеля «Polska wiekow średnich», 1854, t. IV, str. 426) мы, несмотря на все стараніе, не достали и потому не можемъ сказать, есть-ли что-нибудь въ нихъ о Россіи того времени. Не видали мы и сомнительнаго Яцкова описанія разоренія Кіева татарами (Кар. IV, прим. 9), а также сочиненія Рикарда (ок. 1240 г. «Mat» Кешлена, II, № 32).

⁴⁾ Въ собраніяхъ: Тургенева, Даниловича, Напьерскаго, Догеля, Тейнера. Венгерскіе акты помѣщены въ собраніи Фейера.

⁵⁾ Ип., 545.

⁶⁾ Historica Russiae monumenta, deprompta ab A. J. Turgenewio. T. I. Petropoli. 1841. № LXXXVIII.

⁷⁾ «Курилови же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ княземъ и Василкомъ исписати грабительства печестивыхъ бояръ, утиши землю». Ип., 526. Можетъ быть, и Данилъ, какъ и Левъ, выдавалъ боярамъ грамоты на владѣніе землею. Въ грамотѣ 1361 г.

войнъ и пожаровъ въ XIV в. и позже, а отчасти были умышленно истреблены ¹⁾. Исчезли, можетъ быть, и лѣтописи, трактованія объ югозападной Руси отличпо отъ галицко-волинской: слѣды ихъ можно найти у Длугоша ²⁾ и у Татищева ³⁾.

Задача настоящаго труда—указать и объяснить, посредствомъ сравнительно-критическаго изученія источниковъ русскихъ и иностранныхъ въ возможно большемъ ихъ количествѣ, замѣчательнѣйшія явленія княженія Данила Галицкаго, которыми опредѣляется историческое значеніе этого княженія ⁴⁾.

Казиміръ говоритъ: *»пришедши предъ наше обличіе слуга нашъ вѣрный Ходко Быбелскій и указалъ есть князя Львовы листы, и иныхъ старыхъ князій листы...«*

¹⁾ Д. И. Зубрицкаго *»Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси«* (М. 1845), стр. 80—84. *»Наук. сборн., изд. литер. общ. Галицко-русской Матицы«*, 1865, вып. III, стр. 182.

²⁾ См. прим. 14-е.

³⁾ Татищевъ пользовался для исторіи Галича и Волыни не галицко-волинскою лѣтописью, которой ему было извѣстно только начало (именно характеристика Романа, находящаяся въ Ип. подъ 1201 г. См. М. П. Погодиша *»Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ«* (М. 1866), II, 126), а какою-то другою (сл. его *»Исторіи Россійской«*. Кн. I, ч. I (М. 1768), стр. 59, 61—62 и кн. III (М. 1774), прим. 589, 602), писанною не на мѣстѣ. Оттого у него, при подробностяхъ, отсутствующихъ въ галицко-волинской лѣтописи, встрѣчаются перѣдко неточности въ извѣстіяхъ, понятныя только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія. Такъ, о Владимірѣ Игоревичѣ онъ говоритъ, что послѣдній самъ изгналъ Романовичей изъ Владиміра-Вол. (кн. III, 351; сл. Ип., 481); Мстиславъ беретъ у него Галичъ и въ первый разъ съ боя (тоже у Длугоша: *lib. VI, col. 605*; сл. Ип. подъ 1212, 489); Татищевъ не знаетъ изгнанія Игоревичей Венграмъ при помощи Галичапъ (о немъ см. Ип., 1205, 483; сл. Тат., III, 364—365 и потомъ 371—372) и т. п.

⁴⁾ Эпоху Данила, ознаменовавшуюся поворотомъ въ жизни югозан. Руси, мы начинаемъ съ перваго выступленія Данила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, т. е. со времени перваго прибытія Мстислава въ Галичъ. Оно же случилось въ 1219 г. [Полное собраніе р. лѣтописей, т. III (Спб. 1841), 37, и I (Спб. 1846), 216, а также VII (Спб. 1856), 126; Соф. Врем. по изд. Строева (1820), ч. I, 229; въ этихъ лѣтописяхъ неправильно только говорится о плѣненіи Коломана, которое совершилось не въ этотъ разъ; этотъ рассказъ повторенъ подъ

I.

Въ концѣ XII уже столѣтія мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ передовыхъ русскихъ людяхъ сознание необходимости болѣе прочнаго строя, чѣмъ тотъ, который господствовалъ въ тогдашней Руси. Пѣвецъ Игоря Святославича такъ объясняетъ причину невзгодъ русской земли: «...Убудн жирпя времена. Усобща княземъ на поганыхъ погыбе, рекоста бо брать брату: се мое, а то моеже, и начяша князи про малое се великое

1218 г. и въ Никоновской лѣтописи («Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подѣ смотреніемъ Императорской Академіи наукъ». Ч. II, Спб. 1768, стр. 341); у Татищева (III, 417) первое занятіе Галича Мстиславомъ также отнесено къ 1218 г.; можетъ быть, эти противорѣчія можно примирить, допустивъ, что походъ Мстислава былъ предпринятъ въ концѣ 1218 (мартовскаго) и въ началѣ 1219 (мартовскаго). И. Д. Бѣляевъ («Разказы изъ р. исторіи», кн. 2-я, изд. 2-е, гл. 1-я, М. 1861, стр. 286) и С. М. Соловьевъ («Исторія Россіи», т. II, изд. 3-е, М. 1862, стр. 359) относятъ его ошибочно къ 1215 г.; ихъ соблазнило, вѣроятно, свидѣтельство нѣкоторыхъ лѣтописей, что еще въ 1215 г. Мстиславъ Мстиславичъ удалялся изъ Новгорода въ Кіевъ (П. с. р. л., III, 32; I, 211)—просить Галича, по словамъ нѣкоторыхъ (П. с. р. л., VII, 119; Ник. III, 318; сл. Татищ. III, 382—383, 401—402); въ Ник. (III, 317); о томъ же говорится еще подѣ 1214 г., къ которому отнесено это событіе и въ Воскрес.]. А. С. Петрушевичъ кладетъ занятіе Галича подѣ 1217 г. («Галицкій историческій сборникъ, изд. общ. Галицко-русской Матицы», вып. II, Львовъ 1856, стр. 20). Съ нами согласны: Н. М. Карамзинъ («Ист. Госуд. Росс.», изд. Эйперлинга, кн. I, т. III, прим. 189, стр. 86), Зубрицкій («Ист. гал.-р. княж.», III, 67) и П. И. Шараневичъ («Исторія галицко-володымирской Руси», Львовъ 1863, стр. 75)]. Около этого же перваго занятія Галича Мстиславомъ, мать Данила, видя его уже взрослымъ, принимаетъ монашество (Ип., 490), хотя послѣ того не отрелась совершенно отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, касавшихся ея сыновей (см. Ип., 492 и 548). Умеръ Данилъ не ранѣе осени 1263 г. и не позже осени 1264 г. Мы такъ думаемъ потому, что объ его смерти говорится въ гал.-вол. лѣт. вскорѣ послѣ описанія убійства Миндовга и передъ описаніемъ кометы (Ип., 570), а эта комета была видна въ теченіе 30 дней въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1264 г. (см. Annales Wratisl. у Pertz'a, XIX, p. 528; см. ibid., 601; ibid., IX, p. 560. Pertz. »Scriptores rerum Austriacarum T. I. Lipsiae. MDCCXXI«, p. 464 и т. д.). Въ Густынской лѣт. смерть Данила показана подѣ 1262 г. (П. с. р. л., II, Спб. 1843, стр. 343); у Сарпицкаго (Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituatorum libri octo. MDLXXXVII, p. 283: »1264. Russi et Tartari fusi et profligati a Polonis ad Pietam campum.

мѣвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую... О! стонати Руской земля, помянувши пръвую родину, и прѣвыхъ князей ¹⁾».

Быть можетъ, такое сознание, хотя, конечно, не вполне пришедшее въ ясность, не мало помогло въ началѣ XIII в. одному изъ волынскихъ князей Роману Мстиславичу, отцу Данила, при созданіи имъ изъ югозап. Руси одного сильнаго княжества, успѣвнаго сдѣлаться страшнымъ для соседей въ самое короткое время.

Для южной Руси готовилась, повидимому, самая счастливая будущность, и недаромъ летописи говорятъ о Романѣ нѣсколько разъ съ глубокимъ уваженіемъ, а въ народѣ жила память о немъ сохранилась 80 лѣтъ спустя послѣ его смерти ²⁾. Но новый порядокъ, введенный Романомъ, держался силою его личности и еще долго нуждался въ поддержкѣ его самого или лица, подобнаго ему. Романъ же, къ несчастію, скоро умеръ, оставивъ своего малолѣтняго наследника подъ опекою матери, не могшей, конечно, совладать съ громаднымъ количествомъ трудностей, которыя не замедлили явиться передъ нею. И вотъ дѣло Романа рушилось вслѣдъ за его отходомъ въ могилу, и югозападная Русь возвратилась къ прежнему состоянію раздробленія. Этому мало: иноземцы прочно утвердили въ ней свое вліяніе и стремились подчинить себѣ значительную ея часть.

Но въ то время, какъ, казалось, мысль объ ея сплоченіи совершенно исчезла и перестала тревожить возможностью своего осуществленія тѣхъ, кому это было непріятно, чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Романа, выросшій его сынъ Данилъ, имѣя въ своемъ распо-

Dux autem Russorum erat Svarno. Nam Daniel Romanides paulo ante mortuus erat, licet Micehoniensis mortem eius in annum 1266 referat.—подъ 1264 г.; въ Ann. Polon. I, IV. (Pertz, XIX, 636—637) и у Башко (Sommersb. II, 76)—подъ 1266 г., послѣ извѣстія о разбитіи русскихъ, упоминаетъ въ Ин. подъ 1268; у Длугоша—подъ тѣмъ же годомъ (lib. VII, col. 779). Такимъ образомъ, наше повѣствованіе будетъ касаться времени отъ 1219 г. по 1264-й.

¹⁾ У Татищева (III, 94) подъ 1155 г. приводится любопытная рѣчь о единовластїи; см. также на стр. 337—338 интересное предложеніе будто-бы Романа Мстиславича—о переустройствѣ Руси.

²⁾ Ин. подъ 1288, 605: по Владим. Васильков. «плакахуся лѣпниши мужи Володимерьскїи, рекуче: добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ башеть отъ всихъ обидъ».

ряженіи—и то по милости Лешка 1)—одинъ Владиміръ 2), вновь поднимаетъ этотъ вопросъ, возобновляетъ попытку отца и болѣе или мѣнѣе успѣваетъ въ своихъ стремленіяхъ этого рода.

Окончательное уничтоженіе двухвѣковаго почти раздробленія въ югозападной Руси и подчиненіе ея власти только двухъ сыновей Романа—первое по времени изъ обращающихъ на себя вниманіе явленій этого княженія: главнымъ образомъ, оно наполняетъ первую его половину и составляетъ сущность ея событій 3). Это же явленіе было исходнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго.

Исторія утвержденія власти Романовичей въ югозападной Русѣ весьма интересна, наглядно показывая политическія воззрѣнія и стремленія различныхъ членовъ тогдашняго русскаго общества.

Посмотримъ же, какъ произошло это соединеніе земель. Кромѣ Владиміра Вол., Данилу досталась, помимо его стараній, только часть восточной Волыни 4), именно—по завѣщанію весьма полюбившаго его Мстислава Нѣмага, его родственника 5). Но и тамъ Данилу пришлось добывать себѣ силою нѣкоторыя части этого отошедшаго къ нему по завѣщанію удѣла 6). Все остальное приобрѣтено постепенно самимъ

1) Ип., 489.

2) Округъ Владиміра Вол. былъ въ то время незначителенъ. Вся западная украиня, Белзь и Червень, Берестье къ нему не принадлежали.

3) Историки обыкновенно этого не замѣчаютъ.

4) Луцкъ, Пересопница, Черторыйскъ. Ип., 501—502.

5) Прежде Мстиславъ былъ очень расположенъ къ Даниловому отцу: «ужика сынъ Роману отъ племени Володимери, прирокомъ Маномаха, бѣ бо велику любовь нѣбѣ ко отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, даи князю Данилови» Ип., 497.

6) И. И. Шараповичъ («Исторія», 81) говоритъ, что, послѣ смерти Мстислава († 1228), Понизье, въ которомъ онъ пребывалъ въ послѣдній годъ своей жизни, отошло къ Данилу. Но о Понизьи трудно сказать что-нибудь рѣшительное. Съ одной стороны, оно постоянно принадлежало къ галицкой землѣ (Ип., 501 и 525), и сдвали-бы бояре, находившіеся при Мстиславѣ Удаломъ до самой его кончины (Ип., 502), уступили его безъ боя Данилу, а лѣтописи ничего не говорятъ о такомъ столкновеніи, подъ 1229 же годомъ даетъ поводъ думать, что Понизье управляемо было галицкими боярами (Ип., 506: «князю же Данилови будущу въ Угровьщѣ, прислаша Галичанѣ, рекуще: «яко Судиславъ шель есть во Понизье, а королевичъ в Галичи оцалъ; а поиди борже»); съ другой стороны, странно, зачѣмъ, по словамъ лѣтописи, одинъ изъ галицкихъ бояръ отправился туда однажды съ войскомъ (см. сейчасъ привед. мѣсто изъ Ип.).

Даниломъ, такъ что Владиміръ былъ какъ-бы основнымъ ядромъ, къ которому примыкали покорившіяся потомъ земли.

Можно различать два періода въ его дѣятельности въ этомъ отношеніи.

Первоначально онъ стремился къ подчиненію и покорять земли, которыя были его «отчиною», но въ тоже время ему не принадлежала. Такою «отчиною» прежде всего онъ могъ считать Владимірскую землю, обнимавшую большую часть западной Волыни. Остальная часть послѣдней составляла особенный удѣлъ, главными городами котораго были Белзь и Червень. Несомнѣнно, что и въ восточной части Волыни при Романѣ были особенные князья¹⁾; онъ только привелъ ихъ къ подчиненію себѣ²⁾. Затѣмъ Данилъ болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ князей имѣлъ правъ на Галичь, потому что онъ одинъ могъ назвать Галичь своею «отчиною»; кромѣ того, его отецъ былъ въ тѣсномъ родствѣ съ сошедшею со сцены галицкою княжескою линіею³⁾ а Галичь привыкъ переходить отъ отца къ сыну по праву наслѣдства. Въ послѣднее время своей жизни Романъ владѣлъ также Кіевомъ. Но Данилъ или не считалъ за собою особенныхъ правъ на эту часть юго-западной Руси въ сравненіи съ другими князьями⁴⁾, или не хотѣлъ ихъ заявлять, не желая вступить въ утомительную борьбу, которая, быть можетъ—онъ такъ думалъ, и въ случаѣ удачи не принесла-бы ему большихъ выгодъ. Что Данилъ не имѣлъ тогда видовъ на Кіевъ, это лучше всего подтверждается тѣмъ, что Владиміръ Рюриковичъ, бывшій Кіевскимъ княземъ, боившійся было на этотъ счетъ и воевавшій потому противъ Данила, очень скоро успокоился и съ тѣхъ поръ

1) Извѣстіе Стрыковскаго (*Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi*, T. I. Warsz. 1846. Str. 212), что Романъ владѣлъ Луцкомъ, невѣрно.

2) По словамъ Длугоша (*lib. VI, col. 604*), Романъ «*ferè universae Russiae, partim tyranni'e, partim largitione et ingenio usurpauerat dominationem et principatum, Russiaeque Duces in suum coegerat obsequium et tributum*». Въ этомъ, быть можетъ, смыслъ Романъ названъ въ галицко-вол. лѣтон. «самодержьцемъ всея Руси» (Ип., 479; сл. показаніе Стрыковскаго о томъ, что Романъ называлъ себя «*monarchą wszystkiej Rusi*», I, str. 210).

3) Ип., 444.

4) Мы не встрѣчаемъ, чтобы онъ претендовалъ на него такъ, какъ претендовалъ на др. земли, т. е. чтобы онъ называлъ его своею «отчиною».

находился въ постоянномъ съ нимъ союзѣ¹⁾. Овладевши даже Кіевомъ, Даниилъ готовъ былъ возвратить его Михаилу Черниговскому²⁾.

Такимъ образомъ, въ первую половину своей жизни Даниилъ стремился въ качествѣ отчича овладѣть Владимірскимъ удѣломъ, во всемъ его составѣ, и галицкою землею.

Такія стремленія онъ проявлялъ сразу. Краковскій князь Лешко во время Даниилова малолѣтства отхватилъ нѣкоторыя забужскія земли. Породнившись съ Мстиславомъ, Даниилъ жаловался ему на это: «отчину мою держить»; говоритъ онъ, и, когда тотъ не согласился помогать ему, онъ самъ «ѣха съ братомъ и прии Берестый, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столице, Комовъ, и всю Украину³⁾». Другой походъ, съ цѣлью восстановленія прежнихъ границъ Владимірской земли, относится къ концу 1230-хъ годовъ. Даниилъ хотѣлъ идти на Ятвиговъ, но помѣшало наводненіе, о которомъ онъ узналъ у Берестыя. Тогда онъ вспомнилъ, что у него есть враги поближе. «Данилови рекышу: не лѣпо есть держати наше отчины крижевичкомъ, Темличемъ, рекомыиъ Соломоничемъ», и *поидоста на нь* в силѣ тяжкыѣ; приаста градъ мѣсяца марта, старѣйшицу ихъ Бруна яша и вон изонмаша, и возвратитися Володимѣрь⁴⁾.

1) Ип., 502—503; 511; 513—514.

2) Ип., 521: «Даниилъ же съ(ч)вѣтъ створи со братомъ си, обѣща ему Кіевъ Михайлови... Михаилъ же, за страхъ Татарскый, не смѣти Кіеву».

3) Ип., 490.

4) Большинство историковъ не рѣшало вопроса о томъ, что именно изъ Данииловой отчины было занято крестоносцами. Мы находимъ объ этомъ болѣе или менѣе подробныя соображенія только у Даниловича и у А. С. Петрушевича. Первый изъ нихъ (*Skarbiec dyplomatów*. Т. I. Wino, 1860. Str. 61 и 62 (№ 76 и 77) полагаетъ, что лѣтонисъ говоритъ о помощи Даниила литовцамъ противъ соединеннаго на нихъ ополченія, и относитъ это къ 1237 г. Но лѣтонисъ не даетъ ни малѣйшаго права на такое заключеніе. А. С. Петрушевичъ слѣдуетъ прямому ея смыслу, но затрудняется, какихъ разумѣть рыцарей, Добрыньскихъ-ли, «поселившихся въ порубежной Польнѣ для обереганія ся отъ нападений изычниковъ Пруссовъ», или настоящихъ Темларіевъ, находившихся около этого времени въ г. Луковѣ, близъ русской границы? («Гал. ист. сб.», вып. II, 108, пр. 22). Третій ученый, Н. Д. Бѣляевъ («Разск. изъ р. ист.», кн. 4-я, ч. I, М. 1872, стр. 34), думаетъ, что лѣтонисецъ имѣлъ въ виду Берестыя. Для опроверженія этого достаточно внимательно прочесть слова лѣтониси. Мы полагаемъ, что здѣсь дѣло идетъ о возвращеніи Данииломъ Дорогичина съ его

Изъ этого видно, что западная Волянь была покорена Даниломъ безъ особенныхъ трудовъ.

около, который въ 1237 г. былъ отданъ Копрадомъ Мазовецкимъ магистру Герману (разум. Балку) и братьямъ рыцарямъ Христа, пѣ-когда Добрынскимъ (*quondam Dobrinensis ordinis*). (Извлеченіе изъ грамоты Копрада находится у Даниловича: »Skarb«, № 79, str. 63; въ подлинникѣ же она помѣщена у Voigt'a II, 277). О томъ же упоминаетъ Ярошевичъ: »Obraz Litwy pod'wzglem jéj cywilizacyi«, cz. I. (Wilno 1844, str. 49). Этотъ городъ былъ, дѣйствительно, городомъ »отцовъ« Данила, какъ называетъ его послѣдній (Ип., 524) и »отчиною«, какъ называетъ Данилъ городъ, отнятый у крестоносцевъ. Дорогичинъ, занятый рыцарями, какъ видно изъ упомянутой нами грамоты, находился въ Подляхін (*castrum Drohicin et totum territorium, quod ex eadem parte castris continetur a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum*) (тутъ упоминается также о Пруссакъ). Нарушевичъ (*»Historia narodu polskiego«, t. IV, Warsz. 1783, str. 86—87*) говоритъ, что было два Дорогичина, одинъ въ Подляхін, другой въ Холмской землѣ, и что русскимъ принадлежалъ послѣдній, бывший первоначальною столицею Ятвяговъ; подляшскій же былъ основанъ ими ниже по Бугу, послѣ того какъ они были вытѣснены изъ земель, лежащихъ по верхнему его теченію; Данилъ, по его мнѣнію, былъ коронованъ въ холмскомъ (ср. t. V, Warsz. 1803, str. 397). Въ этомъ случаѣ Нарушевичъ шель не за фактами, а старался подогнать ихъ подъ заранѣе придуманную гипотезу, которую ему хотѣлось доказать, во что бы то ни стало. Наша достовѣрная лѣтопись не знаетъ двухъ Дорогичиновъ, а тотъ, о которомъ она перѣдко упоминаетъ, по всѣмъ соображеніямъ, находился въ Подляхін. Возвращаясь изъ Мазовіи послѣ тагарскаго пошествія, Данилъ идетъ къ Дорогичину, затѣмъ къ Берестью, затѣмъ въ Холмъ (Ип., 524): очевидно, въ этомъ случаѣ нужно разумѣть Дорогичинъ подляшскій. О Василькѣ говорится, что онъ, отправившись однажды изъ Владиміра, былъ въ Дорогичинѣ на третій день (Ип., 531)—разстояніе, указывающее опять на подляшскій Дорогичинъ. Въ Дорогичинѣ же Данилъ спинается на Ятвяговъ (Ип., 538 и 549), а Литва, идя воевать Ляховъ, проходитъ мимо него (Ип., 571) и т. д. Прибавимъ еще возраженіе Даниловича (*»Skarb«, str. 45, прим. 2*), что трудно отнести къ холмскому Дорогичину слѣд. слова Кадлубка: *»Norum (i. e. Pollexianorum) latrunculos quidam Ruthenorum Drohicinensis princeps fovere consueverat.«* (*»Res gestae principum et regum Poloniae«, p. II, Vars. 1824, p. 86*), потому что *»trudno, aby tak daleko zabiegało i szukało przytulku Pruskie lotrowstwo, czyli koczactwo jakie zowie Strykowski.«* Переходимъ къ опроверженію того, что первоначальною столицею Ятвяговъ былъ холмскій Дорогичинъ, а потомъ подляшскій. Если у Длугоша (lib. IV, col. 394: *»gens Jacwingorum... cujus principalis et Metropolis arx Drohiczyn...«*) и у Стрыйковскаго (t. I, str. 183) говорится о Дорогичинѣ, какъ о столицѣ Ятвяговъ (Кадлубка Нарушевичъ не понялъ), то нужно думать, что Дорогичинъ былъ главный городъ въ отвоеванной

На Галичь, составлявший цѣлую Данилову полотчину¹⁾», Давидъ долго не заявлялъ своихъ притязаній. Только послѣ удаленія

отъ нихъ землѣ; приписывать же имъ самимъ его построение невозможно: извѣстно изъ Кадлубка (II, 88), что у нихъ не было городовъ, и это продолжалось до времени Данила (Ип., 553). Стрыйковскій говоритъ еще (I, 185), что папа разрѣшилъ Болеславу Стыдливому поставить въ Дорогичинѣ епископа для Ятвяговъ и прибавляетъ, что копія папской буллы есть у Длугона, но тамъ (lib. VII, col. 771) о Дорогичинѣ нѣтъ и помину. Этотъ городъ былъ основанъ русскими поселенцами. Ярошевичъ («Образъ Литвы», I, 17) предполагаетъ, что это случилось послѣ ятвяжскаго похода Ярослава I, записаннаго въ нашей лѣтописи подъ 1038 г. вмѣстѣ съ Берестьемъ Дорогичинъ былъ причисленъ къ Туровской системѣ (Татищевъ, «Ист. Р.», кн. II (M. 1773), стр. 170 и 179; сл. П. с. р. л., I, 112),—владѣніемъ Изяславова рода. Можетъ быть, они всегда составляли одинъ удѣлъ, что мы видимъ позже. Тогдашнія русскія граицы въ тѣхъ краяхъ опредѣляются приблизительно тѣмъ, что Ярославъ Ярополчичъ Берестскій былъ пойманъ во время бѣгства на Нурѣ (П. с. р. л., I, 117) (сл. Татищ. III, 247). По Татищеву (II, 246), Изяславу Мстиславичу отъ Вячеслава остался одинъ Дорогичинъ. По Никон. (II, 66), въ 1132 г. Дорогичинъ (въ текстѣ Ник. стоитъ «Дрочевъ», но Карамзинъ (т. II, прим. 260) утверждаетъ, что подъ нимъ нужно разумѣть Дорогичинъ; сл. Арцыбашева «Повѣствованіе о Россіи», т. I, M. 1838, кн. II, № 453) былъ отданъ Ярополкомъ Изяславу Мстиславичу вмѣстѣ съ Туровомъ, Пинскомъ и др. Въ 1142 г. Всеволодъ Киевскій предлагалъ Берестье, Дорогичинъ, Черторыйскъ, Ключскъ, братьямъ и отдалъ первые два города Давидовичамъ. (Ип., 222—223). Въ 1149 г. въ Берестѣ съ Дорогичинымъ сѣлъ, по словамъ Татищева (III, 2), Владиміръ Андреевичъ (Инатскій списокъ, дѣйствительно, упоминаетъ подъ 1153 г. о немъ, какъ о Берестскомъ князѣ. Стр. 321). Потомъ онъ утратилъ ихъ (Тат. III, 52; Ип., 365). Въ 1171 г. Берестье и Дорогичинъ, по словамъ Татищева (III, 177), были уступлены Васильку, но въ 1173 г. мы застаемъ въ Берестѣ меньшаго Романова брата (Ип., 383). Если вѣрить Татищеву (III, 2478), то упомянутый Василько Ярополчичъ Дроицкій владѣлъ Дорогичинымъ и забужскимъ Подляшіемъ еще въ 1182 г., а Берестье находилось тогда подъ властію Владиміра Мянскаго; они вступили въ борьбу, и Василько, не имѣя чѣмъ возпаградить поляковъ за помощь, обѣщавъ передать имъ, при своей смерти, Подляхію; узнавши объ этомъ, Романъ Вол. прогналъ изъ нея Василька и поляковъ и присоединилъ Подляхію къ своимъ владѣніямъ. Карамзинъ (III, прим. 87, стр. 44) паходитъ нѣкоторыя несообразности въ этомъ разсказѣ. Но несомнѣнно, что Дорогичинъ имѣлъ въ это время особеннаго князя и былъ центромъ отдѣльной области; это подтверждается Кадлубкомъ (см. выше), по словамъ котораго Дорогичинъ былъ завоеванъ Казиміромъ (II, p. 43 et 86). Извѣстіе Татищева о захватѣ его Романомъ заслу-

Мстислава изъ Галича онъ почувствовалъ свои руки развязанными, и съ этого времени его дѣятельность направлена преимущественно къ приобрѣтенію этой богатѣйшей и лучшей части его отчины.

живаегъ вниманія при томъ характерѣ, которымъ отличался Романъ, и при тѣхъ стремленіяхъ, которыя онъ пытался осуществить. Стрыйковскій также говоритъ (I, 211), что Романъ владѣлъ Черною Русью. вмѣстѣ съ Берестьемъ и др. украинными городами, былъ захваченъ Лешкомъ, вѣроятно, и Дорогичинъ и возвращенъ одновременно съ ними. Конрадъ взялъ его, вѣроятно, въ періодъ враждебныхъ отношеній къ Даниилу (въ 1235 или въ 1236 г.). Итакъ, Дорогичинъ, о которомъ говоритъ Конрадова грамота 1237 г., былъ отнятъ у югозападной Руси. Зная это и не встрѣчая другихъ случаевъ захвата русскихъ земель иноплеменниками въ то время, мы имѣемъ полное право допустить, что разсматриваемый нами походъ Даниила имѣлъ цѣлью возвращеніе Дорогичина, тѣмъ болѣе, что Даниилъ несомнѣнно владѣлъ послѣднимъ передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ [въ противномъ случаѣ онъ не шелъ бы къ нему, возвращаясь изъ Польши послѣ этого нашествія; Даниила не выпустили тогда въ городъ, который былъ занятъ имъ потомъ; »и обновились... и рече: се градъ мой, преже бо прияхъ и копьемъ« (Ип, 524) слово »преже« указываетъ на время, предшествовавшее занятію Дорогичина неизвѣстнымъ лицомъ, а лѣтопись ничего не сообщаетъ о взятіи его]. Всѣ почти данныя на сторонѣ нашего предположенія. Наша лѣтопись говоритъ о взятіи *одного* города («приста градъ мѣсяца марта...», стр. 517); походъ былъ совершенъ Данииломъ въ непродолжительное время: *весною* онъ пошелъ на Ятвяговъ и, не могши идти на нихъ по случаю разлитія рѣкъ, отправился на крестопосцевъ и побѣдилъ ихъ *въ мартѣ*; это согласуется съ тѣмъ, что Дорогичинъ былъ по соседству съ Берестьемъ, изъ котораго Даниилъ пошелъ на Ятвяговъ. (Конрадъ даетъ крестопосцамъ округъ »usque ad metas Ruthenorum«, т. е. до границъ Брестской земли); записавшіе Дорогичинъ рыцари были, дѣйствительно, »Теплича«, т. е. Templarii, потому что, по словамъ Нарушевича (t. V, 1803, nota 86 do ks. II, str. 439), прежнихъ »braci Dobrzyńskich na proźbę biskupa Płockiego złączył w jeden zakon z krzyżakami w roku 1235 Grzegorz IX papież« (къ тевт. ордену причисляетъ этихъ Добрыньскихъ рыцарей въ своемъ актѣ и Конрадъ); наконецъ, Конрадъ какъ-бы опасался какихъ-то нападеній и боялся, чтобы Дорогичинимъ не овладѣлъ кто-нибудь другой («My nawzajem zobowiązaliśmy się bronić rzeczonej ziemi Drohicin od nieprzyjacielskich natarczywości. Prócz tego, rzeczeni bracia uroczyście zobowiązali się nie lokować w ziemi Drohicickiej nikogo z możnych (neminem potentium) ku naszej szkodzie i uciskowi, ani tej ziemi ustępować, przedawać, zamieniać, darować, lub jakkolwiek przelęwać na kogo, bez naszej zgody i rady«. Весьма правдоподобно толкованіе Даниловича («Skarb.», 63): »Wyraz *potentes* może ściągać się do zakonu niemieckiego, jak mniema Voigt; może też pod nim rozumiani są książęta Ruscy, pragnący podbić Drohiczyn, któ-

Не скоро и не легко пришлось ему окончательно въ ней утвердиться. Дѣло въ томъ, что онъ тамъ натолкнулся на весьма сильный отпоръ, тогда какъ на Волыни народъ былъ всегда на его сторонѣ ²⁾.

То же мы видимъ и въ Галичѣ. Но народное сочувствіе здѣсь немного значило. Было важно, какъ отнесутся къ Даниилу галицкіе бояре.

Это потому, что они пользовались въ своей странѣ особенною силою, такъ что община не имѣла права рѣшающаго голоса.

— Первоначальный складъ общественной жизни въ Червонной Руси ³⁾,

rego niemogąc obronić Konrad, darował zakonowi, aby miał od niego wsparcie przeciw Rusinom»). Затрудненіе можетъ быть только относительно времени, въ которое совершился Данииловъ походъ. Лѣтописецъ ставитъ его передъ возведеніемъ на Конрада Лпты (которое случилось въ 1236 г.) и передъ поѣздкой Даниила въ Венгрію въ 1235 г., а Дорогичинъ находился во владѣніи рыцарей еще въ 1238 г., какъ видно изъ папечатанной у Даниловича найденной тамъ надгробной надписи. Но подъ 1235 г. въ галицко-волынской лѣтописи сбито въ кучу множество разновременныхъ событій, такъ что она не можетъ стѣснять насъ въ этомъ отношеніи, и изслѣдуемый походъ Даниила мы имѣемъ право отнести къ 1238, или даже къ 1239 г. По лѣтописи можно обозначить время занятія Дорогичина поляками только приблизительно: передъ войною черниговскою онъ находился еще во владѣніи Романовичей (Ип., 531). Должно быть, покушенія крестоносцевъ этимъ не ограничились. Данииль просилъ папу, чтобы тотъ запретилъ крестоносцамъ и другимъ духовнымъ лицамъ поселяться и приобрѣтать какія-нибудь имѣнія въ русскихъ земляхъ безъ княжескаго позволенія [см. *Historica Russiae Monumenta*, I, докум. LXIX-й (1247 г.)]. Что рыцари бывали во владѣніяхъ Даниила, можетъ быть — съ коммерческою цѣлью, это видно изъ папской буллы 1248 г., въ которой Иннокентій IV просилъ послѣдняго, при первомъ извѣстіи о шествіи татаръ на христіанскія земли, сообщать о томъ *»dilectis filiis fratribus de domo Theotonica, in Russiae partibus commorantibus«*. (H. R. M., I, № LXXVII).

¹⁾ Ип., 535: *»Приславшу же Могучѣви послать свой къ Данилови и Василькови, будущю има во Дороговскы: »дай Галичь!... и поѣха во Батыеви, река: »не дамъ полуотчины своей«...*

²⁾ Волынскіе бояре являлись на помощь Даниилу даже въ то время, когда были на службѣ у другаго князя. Ип., 457: *»Приде король в Галичь, и приведе ятровъ свою великую княгиню Романовую, и бояре Володимерскыи і Ингваръ приде из Лучска, внии князи«. Во Владиміръ княжилъ тогда Александръ Белзскій.*

³⁾ Она образовала изъ себя отдѣльную землю не позже 80-хъ годовъ XI-го стол. Первое указаніе на этотъ фактъ мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1086 г. (П. с. р. л., I, 88; въ Ип. сп., стр.

насколько мы имѣемъ право судить о немъ при крайней скудости извѣстій, не послать на себѣ никакого особеннаго отпечатка. Отношенія между общественными элементами: княземъ, дружиною и общиною, были тѣже, что и въ остальной Руси. Бояре составляли непремѣнную часть дружины, въ которой они занимали только высшее мѣсто¹⁾; дружина же едва ли была тѣсно связана съ землею²⁾. Она упоминается довольно часто и ревностно поддерживает князя еще при Владимірѣ, который *съ помощію ея* подавляетъ возстаніе въ Галичѣ и усаживается въ немъ, несмотря на сплнную реакцію горожанъ. Изъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи видно, что народъ тогда былъ на одной сторонѣ, а князь и дружина стояли на другой³⁾.

Иное замѣчаемъ въ Галичѣ при преемникѣ Владимірка, Ярославѣ Осмомыслѣ. При князѣ продолжаетъ пребывать постоянно его собствен-

145, подъ 1087). У Татищева (II, 136) Володаръ Ростиславичъ названъ Перемышльскимъ еще въ 1081 г. Надѣлялъ Ростиславичей Червонною Русью Всеволодъ Ярославичъ. Мы такъ думаемъ на основаніи слѣдующихъ словъ княжескаго опредѣленія на Любечскомъ съѣздѣ: «а имъ же роздалъ Всеволодъ города, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володаревн, Теревовль Василькови». (П. с. р. л., I, 109). Намъ кажется, что такое объясненіе этого мѣста вѣрнѣе, нежели предлагаемое Д. И. Зубрицкимъ (см. II-ю ч. «Ист. др. Гал.-р. княж.», стр. 20): въ лѣтописи говорится: «роздалъ», а не раздѣлилъ. Сл. Тат. II, 189, гдѣ Ростиславичи говорятъ Свигополку: «какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ преступя отцово клятвенное обѣщаніе и Стрию своего Всеволода увѣщаніе, насъ Владимира лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда далъ, а братъ твой клятвою утвердилъ». Приобрѣтеніе Ростиславичей было окончательно утверждено за ними на Любечскомъ съѣздѣ.

¹⁾ Они составили старшую дружину. См. слова Василька: «...реку брату своему Володаревн и Давыдовн: дайте ми дружину свою молодшюю, а сама пійта и веселится; и помыслихъ: па землю Лядскую наступлю на зиму...» (П. с. р. л., I, 113).

²⁾ У Татищева въ числѣ Васильковыхъ дружинниковъ упоминается одинъ иностранецъ. Знаменитый Петръ, плѣннвшій Володаря, былъ принятъ весьма радушно Ростиславичами, потому что могъ украсить собою ихъ дружину (см. сочин. Кадлубка, I, 252).

³⁾ Во время возстанія *вся* дружина поддерживала князя. «Послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ, и въведоша къ собѣ въ Галичъ. Володимерь же слышавъ съвкупи дружину, и прииде нанъ къ Галичю, и ста около города.... выступи на нѣ Иванъ с Галичанъ...» и т. д. Ип., 226.

ная дружина ¹⁾, которую должно отличать отъ собиравшагося на время земскаго ополченія—«полка ²⁾», фигурировавшаго при вѣшнихъ столкновеніяхъ ³⁾, но верхній слой служилаго сословія, несмотря на то, что однажды названъ «дружиною» попрежнему ⁴⁾ и въ разговорѣ съ княземъ опредѣляетъ свои обязанности такъ, какъ это подобало настоящимъ дружинникамъ ⁵⁾, въ сущности уже отличенъ отъ дружины въ собственномъ смыслѣ этого слова, отъ «княжихъ слугъ ⁶⁾». Онъ не чувствуетъ себя болѣе тѣсно соединеннымъ съ княземъ и представляетъ нѣчто совершенно отдѣльное. Онъ желаетъ и начинаетъ вліять на князя не такъ, какъ вообще вліяли тогда дружинники. Эта сила и авторитетъ высшаго класса галицкаго служилаго сословія по отношенію къ князю видны при Ярославѣ сразу. Извѣстно, что его отецъ захватилъ нѣсколько Изяславовыхъ городовъ. Ярославъ хотѣлъ ихъ возвратить, но бояре не позволили ⁷⁾. Они не терпятъ, чтобы дѣлами управлялъ по милости князя кто-нибудь посторонній, и потому возстаютъ въ 1173 г. противъ Ярослава и такихъ его любимцевъ, названныхъ въ лѣтописи «чарговою чадью», по всей вѣроятности—людей незнат-

¹⁾ Въ 1157 г. Ярославъ послалъ за Берладникомъ Святополка и Кенятина «съ многою дружиною». Ип., 385.

²⁾ «Полкъ» разграничивается отъ «дружины» въ слѣдующихъ словахъ Ярослава Осмомысла: «а полкъ его (т. е. Ярославова отца) и дружина его у мене суть». Ип., 320.

³⁾ О Ярославѣ Осм. говорится въ лѣтописи: «Бѣ... славенъ полкъ: гдѣ бо бѣшетъ ему обида, самъ не ходяшетъ полкъ своими...» (Ип., 441—442). Въ 1153 г. Ярославъ вышелъ противъ Изяслава «полкъ своими» (Ип., 321).

⁴⁾ «И начашася слати къ ней Святополкъ и ина дружина (къ Ярославовой женѣ), вабиче ю опять...» Ип., 384.

⁵⁾ Такіе дружинники должны быти «искать себѣ чти, а князю славы» (см. «Слово о п. Иг»). Въ 1153 г., передъ битвой съ Изяславомъ, «Галичскіи мужи» говорили Ярославу: «а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити» (Ип., 321).

⁶⁾ Ип., 319: «Петръ же поѣха въ градъ, и приѣха на княжъ дворъ, и ту снадоша противу ему съ сѣнѣй слугы княжи вси в червяхъ мятлехъ... и яже взиде на сѣнп, и види Ярослава сѣдница на отни мѣстѣ в черни мятли и въ клубуцѣ, такоже и вси мужи его».

⁷⁾ Тат. III, 77: «бояре его не восхотѣли, говоря: «мы не хотимъ гѣмъ князю своему порока папести, но, положась на Бога, будемъ его всею нашею возможностью защищать, доколѣ Богъ изволить. И съ тѣмъ посла Изяслава отпустили». Сл. Ип., 320.

нихъ 1). Намъ кажется, что главнымъ поводомъ къ возмущенію было желаніе устранить ихъ преобладаніе; но, не рѣшаясь прямо высказаться, бояре привязались къ семейной жизни князя. Во всякомъ случаѣ вмѣшательство въ его семейныя дѣла указываетъ на значительную ихъ силу 2). Впрочемъ, они не вполне восторжествовали надъ Ярославомъ. Несмотря на то, что онъ цѣловаль крестъ поступать по ихъ волѣ 3), его жена принуждена была навсегда покинуть Галичь 4), а сынъ былъ однажды имъ изгнанъ 5). Такую силу по отношенію къ князю проявилъ при Ярославіи вышій классъ галицкаго служиваго сословія. Съ другой стороны, мы видимъ, что онъ присвоилъ себѣ и началъ пользоваться тѣми правами, которыми въ другихъ областяхъ пользовалась община, самъ сталъ распоряжаться за галицкую общину. Передъ своею смертію Ярославъ созываетъ весь народъ. «И ко преставленію своему в болезни тяжцѣ познася худъ, и созва мужа своя и всю Галичкую землю, позва же и зборы вся и монастыри, и нищія, и сильныя и худыя». Онъ кается во грѣхахъ своихъ передъ всѣми: «и тако глаголаше плачася ко всѣмъ: отци, и братья, и сыновѣ! се уже отхожу свѣта сего суетьпаго и иду ко Творцю своему, а сгрѣшихъ паче всехъ якоже

1) Г. Хлѣбниковъ («Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи», Спб. 1872, стр. 105) о времени до 1055 г. говоритъ: «нарочитыми людьми назывались горожане, а сельскіе-чадью»; въ примѣч. къ этому мѣсту читаемъ: въ самомъ словѣ «чадь» слышится явный слѣдъ родового быта, когда всѣ члены рода были чадами, дѣтьми родового старѣйшины. Теперь, хотя на развалинахъ родовъ образовались сотни, или боярскія имѣнія, но слово чадь не пропало; жители сотенъ назывались въ общемъ смыслѣ чадью; такъ назывались и полукрѣпостные бояре: «мирошкипа чадь» и т. д. Сл. для опредѣленія значенія этого слова П. с. р. л. I, 74, 97, Ип., 242, 372, 375, 384. Карамзинъ полагалъ, что подъ этимъ словомъ должно разумѣть *людей* (III, пр. 24).

2) Нѣкоторые полагаютъ, что это было возстаніе всего народа. Можетъ быть боярамъ удалось поднять народъ, но несомнѣнно, что главными дѣятелями были они. Такими они являются въ летописи. Святополкъ и др. члены дружины говорятъ женѣ Ярослава, что они схватятъ его. Когда это совершилось, извѣщаетъ о томъ опять Святополкъ и притомъ слѣд. образомъ: «поудѣ стратеть, отца ти *есмы яли...*» Ип., 384—385.

3) Ип., 385: «князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду, и тако уладившеся».

4) Она прожила остатокъ дней и умерла на сѣверѣ. Ип., 415, 422.

5) Ип., 428: «выгнавъ башеть отцемъ своимъ изъ Галича».

инъ никтоже сгрѣши; а отци и братья! простите и отдайте*. Посмотримъ теперь, къ кому онъ обращается, когда зашло дѣло о столонасѣдѣн: »и се молвашеть *мужемъ* своимъ: ...а се приказываю мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимѣру даю Перемышль*; и съ *мужами Галицкими*, а не съ кѣмъ другимъ, *закмочаетъ* Ярославъ о томъ *рядъ* 1). Точно также послѣ обращался къ нимъ Романъ Мстиславичь, желая занять Галицкій столъ 2).

Это довольно опасное для князя измѣненіе въ отношеніяхъ къ нему высшаго служилаго класса совершилось постепенно и довольно незамѣтно, и потому-то княжеская власть не приняла противъ него во время мѣрь. При Владиміркѣ въ галицкой землѣ установилось единовластіе и правило передачи стола отъ отца къ сыну. Попытка Берладника при Ярославі получитъ удѣль въ галицкой землѣ окончилась неудачей. Другія же княжескія вѣтви не простирали своихъ притязаній на Галичь до конца XII-го стол. Такимъ образомъ, съ 1144 г. въ Галичѣ не было той смѣны князей, какая имѣла мѣсто въ другихъ областяхъ, а правилъ одинъ князь—безъ конкурентовъ. Князь былъ одинъ, а земля была обширна 3). Естественно, что бояре получили въ ней самую широкую власть. Они сидѣли не только въ незначительныхъ городахъ, но и въ первостепенныхъ 4). Они могли оставаться на однихъ мѣстахъ очень долгое время, потому что не было обстоятельствъ, которыя могли-бы ихъ заставить покидать ихъ: послѣ смерти отца они продолжали служить у заступавшаго его мѣсто сына; такъ, у Ярослава были »мужи« его отца 5). Мы встрѣчаемъ въ лѣтописи лицъ, служившихъ князю въ теченіе 20-ти лѣтъ 6). Управленіе областими должно

1) Ип., 442: »и урядивъ и, и приводи Володимѣра ко хресту и мужи Галичкыя на семь, яко ему не искать подѣ братомъ Галича*.

2) Ип., 444.

3) Какъ рѣдко было подобное обстоятельство въ то время (подчиненіе *одному* князю такой большой области), видно изъ слѣдующихъ предсмертныхъ словъ Ярослава Осмомысла: »се азъ *одиною* худою своею головою ходя, *удержалъ* всю Галицкую землю* (Ип., 442).

4) Въ 1146 г. въ Звенигородѣ сидѣлъ »воевода Володимиръ мужъ* (Ип., 228).

5) См. ниже.

6) Гудоръ Елуичъ упоминается въ лѣтописи въ 1160 (Ип., 347) и въ 1180 год. (Ип., 417). Кенятинъ Сѣрославичь въ первый разъ упоминается въ 1157 г. (Ип., 335), а въ послѣдній разъ въ 1173 (Ип., 384).

было дать имъ особенную силу. Вслѣдствіе всего этого «княжи мужи» сдѣлались крѣпкими земля¹⁾ и получили въ ней важное значеніе; ставши же не только «княжими», но и «Галицкими» мужама, успѣвши достигнуть въ своей землѣ могущества, они начали существовать, какъ нѣчто постоянное, помимо воли князя.

Прямымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго о процессѣ образованія «Галицкихъ мужей», являющихся въ кievской лѣтописи съ половины XII в., могутъ служить собственныя ихъ слова Ярославу. Они говорили ему передъ битвой съ Изяславомъ: «ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будешь отецъ твой кормиль и любилъ, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити»; и рѣша князю своему: «ты еси у насъ князь одинъ, оже ся тобѣ што учинитъ, то што намъ дѣяти? а поѣди, княже, къ городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ, а кто насъ будетъ живъ, а приѣзгнетъ къ тобѣ, а тогда ся затворимъ в городѣ с тобою²⁾». Изъ этихъ словъ ясно: 1) что «Галицкіе мужи», о которыхъ говоритъ потомъ постоянно лѣтопись, — княжескіе дружинники, а не «лучшіе люди» земли: въ приведенномъ нами мѣстѣ лѣтописи они поставляютъ своею обязанностію ложить свои головы за честь князя; 2) что эти дружинники въ мирное время управляли городами галицкой земли: Владимірко ихъ *кормилъ*³⁾; 3) послѣ Владимірка они служили Ярославу; 4) это были люди, осѣвниевшіе на мѣстѣ, не могшіе послѣ смерти одного князя перейти за извѣстную плату къ другому: «ты у насъ князь одинъ», говорили они Ярославу. Не допуская раздробленія галицкой земли во все послѣдующее время, противодѣйствуя отчужденію малѣйшей ея части, они, напротивъ, стремились увеличивать территорію своего княжества,

1) Съ половины XII в. лѣтопись все чаще и чаще называетъ ихъ «Галицкими мужама».

2) Ип., 321.

3) Что мы правильно понимаемъ это слово и что оно въ то уже время было техническимъ [такъ думаетъ и М. П. Погодинъ: «Историческія замѣтки и лекціи о русской исторіи», т. VII (М. 1855), стр. 139, пр. 35], это доказывается употребленіемъ его въ такомъ смыслѣ еще въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип., 514: Даниль «прия землю Галичскую и розда города бояромъ и воеводамъ, и *сташе корма у нихъ много*»). В. И. Сергѣевичъ («Вѣче и князь», М. 1867, стр. 274) говоритъ о періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада: «Получить хорошую волость и быть сыту—это синонимы».

потому что, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширялось пространство, подлежащее ихъ управленію; вотъ почему они удержали Ярослава отъ возвращенія городовъ, занятыхъ его отцомъ. Позже польскіе паны, въ борьбѣ за Червонную Русь, Подолію и Волинь, руководились тѣми же самыми соображеніями.

Приобрѣтая въ странѣ первенствующее положеніе, дружинники пользовались имъ не какъ лучшіе члены общины, не разрывавшіе съ нею связи, а независимо отъ нея и даже въ ущербъ ей. Несмотря на то, они не встрѣчали отъ нея сильнаго сопротивленія, потому что она была рано подавлена въ Галичѣ. Усмиривши возстаніе, *Владиміръ княжилъ на ильню въ двухъ важнѣйшихъ городахъ своей земли*, именно— въ Галичѣ и Звенигородѣ¹⁾. Реакція противъ Ярослава, судя по всѣмъ данпымъ, также исходила изъ народной массы; мы видимъ ее не въ Галичѣ только, но и на югѣ княжества, въ Берладѣ, Кучелминѣ и Ушицѣ²⁾. Изъ словъ посольства галичанъ къ Изяславу Давыдовичу можно замѣтить, что недовольные молчали подъ давленіемъ силы, но готовы были возстать при первомъ появленіи сторонней помощи, на которую могли-бы опереться. Но они ее не дождались (Ярославъ былъ очень силенъ и страшенъ потому; кромѣ того, имѣлъ среди князей весьма много союзниковъ) и безпрекословно спосили несприятную власть. Какъ опасною казалась эта реакція Ярославу по количеству ея сторонниковъ среди его подданныхъ, видно изъ его стараній захватить въ свои руки Берладника³⁾.

1) А вѣдь главные города были вожаками областныхъ общинъ.

2) Замѣчательно, что Ивана Ростиславича, котораго недовольные выставили противъ Ярослава, вездѣ встрѣчали съ сочувствіемъ. Къ нему пристало 6000 берладниковъ; когда онъ подошелъ къ Кучелмину, «ради быша ему»; Ушица не сдалась потому, что вошла Ярославова «засада», которая крѣпко билась; «а смерди скачуть чересь заборола къ Иванови, и перебѣже ихъ 300» (Ип., 341); обыкновенно этого не бывало при княжескихъ междоусобіяхъ. При осадѣ Ушицы обращаетъ на себя вниманіе немало повредившая ему его заботливость о народѣ: «и хотѣша Половци взяти городъ, Иванъ не да имъ взяти» (Ип., ib.). Можетъ быть, народъ любилъ Ивана именно за это и подобныя ему качества.

3) Какую огромную онъ составилъ однажды для этого коалицію! «Нача Ярославъ Галичскій искати Ивана Ростиславича, стрыича своего: Ярославъ бо бяше родъмолвилъ князь Рускыѣ, и короли, и Лядскыя князя, да быша ему были помощьници на Ивана, и обща-

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что галицкое боярство стало постепенно въ особенное положеніе вслѣдствіе чисто мѣстныхъ условий. Принимаемое всѣми почти изслѣдователями вліяніе сосѣднихъ странъ, Польши и Венгріи, отличавшихся аристократическимъ строемъ, могло имѣть второстепенное только значеніе. Владимірскій удѣлъ также граничилъ съ Польшею, однако мы не замѣчаемъ тамъ особенностей, собственныхъ Галичу¹⁾.

Въ послѣдующее время, именно отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Даниила въ Галичѣ, тамъ продолжали существовать мѣстные бояре, подобныхъ которымъ находимъ еще въ Новгородѣ. Князья смѣнялись, а бояре оставались одни и тѣже; ни одинъ изъ князей, занимавшихъ галицкій столъ, не могъ отодвинуть ихъ на второй планъ, затереть ихъ своими собственными боярами; если у него были свои дружинники, то они не играли въ странѣ значительной роли²⁾.

Но этотъ періодъ довольно продолжителенъ; старые Ярославскіе бояре должны были вымереть въ началѣ его. Спрашивается, откуда пополнялся этотъ классъ населенія и какъ поддерживался?

Положеніе этихъ бояръ въ странѣ было такое же, въ какомъ находились Ярославскіе бояре. Князья весьма часто терпѣли ихъ по неволѣ, встрѣчая на каждомъ шагѣ отъ нихъ стѣсненіе, готовность къ неповиновенію, личныя оскорбленія. Взгляните также на ихъ отношенія къ остальному населенію земли. Гдѣ должна была что-нибудь рѣшать сама страна, тамъ всегда выступали на сцену бояре. Изрѣдка только проглядываетъ въ лѣтописи народъ, какъ дѣятельная сила; онъ заявляетъ свой голосъ, когда налицо не было бояръ. Бояре же въ политикѣ почти всегда дѣйствовали вопреки его благосостоянію. Они были вѣковыми врагами большинства смуть въ странѣ со времени смерти Яро-

---

нася ему вси. И послаша послы Киеву къ Изяславу Давыдовичю: Ярославъ Галичскій Избигнѣва, Святославъ Олговичъ Жирослава Ивановича, Ростиславъ Мьстиславичъ, Мьстиславъ Изяславичъ Жирослава Васильевича, Ярославъ Изяславичъ Опофря, Володимерь Андрѣевичъ Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодичъ Киянина, король мужа своего, и отъ Ляховъ мужъ свой». (Ип., 341).

¹⁾ См., напр., мѣста Ип. сп. о Романовой дружинѣ. При Даниилѣ Волынскіе бояре являютъ съ прежнимъ характеромъ.

²⁾ Когда бояре возмущались противъ Владиміра Ярославича, его дружина бѣжала вмѣстѣ съ нимъ. Ип., 444.

слава Осмомысла, особенно со времени смерти Романа, тогда какъ до кончины Ярослава, во все почти продолжительное его княженіе, галицкая земля наслаждалась завиднымъ покоемъ. Они наводили вноземцевъ, которые—были мгновенія—посягали даже на народную совѣсть. Этого мало: сами бояре не особенно церемонились съ народомъ. Послѣ татарскаго нашествія «Доброславъ вокняжился бѣ и Судычъ, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и вышедъ во Бакоту все Понизье прия... Григорья же Васильевичъ собѣ горную страну Перемышльскую мысляше одержати; и бысть мятежь великъ в землю и грабежь отъ нихъ¹⁾». Народъ предстаетъ въ жалкомъ видѣ. Вотъ какую картину рисуетъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ: «приехала с великою гордынею, едуцю Доброславу во одной сорочыцѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ у стремени его...²⁾». Послѣ всего этого, намъ кажется, невозможно допустить, чтобы всѣ галицкіе бояре взятаго нами періода были «новыми», такъ сказать, людьми, постоянно выходившими изъ массы. Неужели шайка подобныхъ людей, во всякомъ случаѣ немногочисленная³⁾, могла заправлять дѣлами значительной по объему области⁴⁾? Какимъ образомъ масса спосила-бы самоуправство такихъ ничѣмъ, кромѣ буйства, не выдававшихся людей? Съ другой стороны, были ли бы эти личности опасны для князей? Да и какъ они въ такомъ случаѣ достигали боярства? Мы думаемъ, что званіе боярь удерживалось постоянно въ родахъ лицъ, пользовавшихся имъ при Яро-

1) Ип., 525.

2) Ibid.

3) Точно опредѣлить количество галицкихъ боярь нѣтъ возможности; но что оно было невелико, явствуетъ изъ всѣхъ мѣстъ лѣтописи. Это утверженіе не упадетъ и тогда, когда мы отнесемъ съ довѣріемъ къ тому мѣсту Ипатскаго списка, въ которомъ говорится (Ип., 484) что число убитыхъ Игоревичами боярь доходило до 500 [слова: «Щепановичъ (раз. былъ убитъ), инии велиции бояре; убьено же бысть ихъ числомъ 500»] паходятся въ одномъ Ипатскомъ спискѣ; см. *ibid*, вар. 5) Но, кажется, нужно согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, что «это быть можетъ позднѣйшая вставка, потому что въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу» («Историческія монографіи и изслѣдованія». Т. I. Сиб. 1863, стр. 212).

4) Они имѣли такой вѣсъ въ странѣ, что, на чью сторону склонялись, тотъ могъ рассчитывать на вѣрный успѣхъ. Оттого-то Давидъ однажды радовался, когда къ нему перешли галицкіе бояре. (Ип., 506).

славѣ,—что эти лица успѣли добиться такой силы въ странѣ, что ихъ вліяніе не могло уже быть подавленнымъ и исчезнуть и перешло къ ихъ дѣтямъ ¹⁾. Прямое указаніе на такую преемственность боярскаго достоинства въ однихъ фамиліяхъ находимъ въ галицко-волинской лѣтописи подѣ 1208 г., въ рѣчи боярина Владислава подѣ Перемышлемъ. Обращаясь, очевидно, къ боярамъ, а не ко гражданамъ ²⁾, онъ такъ убѣждаѣлъ ихъ сдать: »братье! почто смущаетеся? не сии ли *избиша отци* ваша и *братью* вапю, а инѣи *имѣние* ваше разграбиша, и дщери ваша даша за *рабы* вапа, а *отчьствои* вапими владѣша инии пришепци? то за тѣхъ ли хочете душу свою положити ³⁾«? Эти слова показываютъ, что *отци* и *братья* этихъ бояръ были также боярами, что у нихъ были *отчины*, которыми завладѣли бояре, пришедшіе съ Игоревичами ⁴⁾. Въ лѣтописи можно найти и косвенныя подтвержденія высказаннаго нами мнѣнія. Что означаютъ слова бояръ: »не хотимъ кланяться попадь ⁵⁾«? Обратимъ потомъ вниманіе на то, что въ качествѣ боярскихъ упоминаются цѣлыя фамиліи: Молибоговичи и Володрисы ⁶⁾, Арбузовичи ⁷⁾. Чѣмъ же удерживали свое вліяніе эти роды?

¹⁾ Татищевъ правильно называетъ галицкихъ бояръ постоянно »знатными«. Съ избіеніемъ существовавшихъ боярскихъ родовъ нѣкоторые князья разсчитывали достигнуть полной власти въ странѣ.

²⁾ Одного объ этомъ мнѣнія съ нами держится и В. В. Пассекъ («Княжеская и довицкая Русь» въ »Чт. въ Общ. ист.« 1870, № III, стр. 60, прим. 96). Правда, не задолго передъ тѣмъ лѣтописецъ сказалъ о бѣгствѣ бояръ изъ галицкой земли (Ип., 484), но нѣкоторые могли остаться. По крайней мѣрѣ трудно допустить, чтобы Владимѣръ говорилъ къ мѣстнымъ жителямъ: Игоревичи преслѣдовали только бояръ и указаніемъ на эти преслѣдованія едва-ли бы онъ могъ ихъ разжалобить. Но и въ томъ случаѣ, еслибы мы согласились съ С. М. Соловьевымъ, что это были Перемышляне, намъ выводъ не пострадалъ-бы; и тогда оставалось-бы несомнѣннымъ, что въ рѣчи разумѣлись бояре, па которыхъ Игоревичи воздвигли гоненіе.

³⁾ Ип., 485.

⁴⁾ У Татищева (III, 372) упоминаются ихъ »служители«.

⁵⁾ Ип., 444.

⁶⁾ Ип., 509. Что это были цѣлыя фамиліи, видно изъ того, что ихъ было схвачено 28 человекъ.

⁷⁾ Ип., 513: »Травѣ же бывши, Даниль же поиде со братомъ и со Александромъ Плѣснску и припедѣ *взя и подѣ Арбузовичи*, и великъ плѣнъ прия, обратися во Володимѣръ«. Здѣсь Арбузовичи—не мѣстность, потому что лѣтописецъ не могъ считать нужнымъ объяснять для читателей, гдѣ находился Плѣснскъ. Большинство бояръ

По всей вѣроятности, оно основывалось на ихъ эконолическихъ преимуществахъ ¹⁾. Они владѣли землями, которыя передавали въ наследство дѣтямъ ²⁾; эти земли были заселены свободными поселенца-

въ лѣтописи названо не только по имени, но и по отчеству; но изслѣдователь ничего не почерпнетъ изъ этого для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, потому что по одному отчеству, при отсутствіи указаній на фамилии *), нельзя дѣлать заключенія о родствѣ одного боярина съ другимъ, считать одного сыномъ, а другаго отцомъ. А легко можетъ родиться слѣд. вопросъ: Михалко Глѣбовичъ (Ип., 490) не сынъ-ли Глѣба Потковича (Ип., 487)? Держикрай Володиславичъ (Ип., 496) не сынъ-ли Володислава кормилчича (упом. въ Ип., 484—489) или Володислава Витовича (Ип., 491)? Володиславъ Юрьевичъ не сынъ-ли Юрія Витаповича (Ип., 484), или Юрія Домамѣрича (Ип., 496), или Юрія—Перемышльскаго тысяцкаго (Ип., 499)? Василій Гавриловичъ (Ип., 510), если только это не волынской бояринъ (упом. въ Ип., 490 и 497), не сынъ-ли Гаврила Иворовича (Ип., 491)? Григорій Васильевичъ не сынъ ли Василя Молзы (Ип., 490)? Судиславъ Ильичъ (Ип., 516) не сынъ ли Илья Щенаповича (484)? Не поднимаемъ вопроса о Василя Глѣбовичѣ и о Ѳеодорѣ Дмитровичѣ (Ип., 533 и 539), о которыхъ не знаемъ, были-ли они галицкіе бояре.

¹⁾ Кадлубекъ предполагаетъ, что Романъ могъ избывать бояръ для того, *»ut Potentioribus de medio sublatis securius imperet.«* (II, 128). Отсюда видно, что это не были неимущіе люди и что по одною храбростью они первенствовали въ массѣ. Въ одной грамотѣ Бѣлы IV Даниловича бояре названы баронами: *»Deinde cicatrice sui vulneris nondum obducta, cum Daniel Ruthenorum Rex ad campestre praelium contra ipsum nostrum generum prodiisset, strenuitas ejusdem Magistri Laurentii desidia obscuritatem abhorrens in lucem prodiit probitatis, et singulariter hostili se immiscens aciei, quandam de Rusciae Baronibus impulsu dejecit lanceali.«* (*»Imago novae Hungariae a S. Timon. Viennae Austriae, MDCCLIV.«*, p. 80).

²⁾ См. приведенное уже нами мѣсто лѣтописи. Мы можемъ указать и на другое еще, говорящее о боярскихъ отчинахъ: *»...якъ бысть величавый Филъ паробкомъ Добрыпиномъ, его же лживый Жирославъ укралъ бѣ, и обличену ему бывшю, про него же погуби отчину свою«* (Ип., 493). Изъ него видно, что Жирославъ далъ возможность Филѣ убѣжать и за то былъ лишенъ отчины.

*) Фамиліи существовали несомнѣнно, но лѣтопись называетъ ихъ весьма мало (къ вышеуказаннымъ прибавимъ еще двѣ найденныя нами въ лѣтописи; подъ 1213 въ ней упоминаются (Ип., 490) Молза и Скула; это объясняется тѣмъ, что тогда въ ходу были названія лицъ по именамъ; лѣтопись не отстала отъ этого обычая, имѣя въ виду читателей не теперешнихъ, а тогланнихъ, знавшихъ болѣе или менѣе тѣхъ бояръ, о которыхъ она говорила; предполагая это знаніе, болѣе выдававшихся лицъ она не называла даже по отчествамъ.

ми ¹⁾ и рабами ²⁾. Въ Галичипѣ землевладѣніе было весьма выгодно ³⁾, а потому у бояръ, кромѣ недвижимыхъ, были значительныя движимыя имуще-ства ⁴⁾, которыя накопились также посредствомъ управленія областями ⁵⁾

¹⁾ Изрекая на Жирослава проклятiе, лѣтописецъ говоритъ между прочимъ: »да будетъ дворъ его пустъ, и в селѣ его не будетъ живу-щаго« (Ип., 499). Онъ пользуется въ этомъ случаѣ словами одной библейской книги, но употребилъ ихъ потому, что они имѣли прило-женіе къ Жирославу.

²⁾ Ип., 485; 493: »итъ бысть величавый Фила паробкомъ Добры-ниномъ« (вироч., можетъ быть, »Добрыниинъ« — названіе самаго паробка). Въ огромномъ количествѣ рабы должны были добываться во время войны (см. Ип., 488, 504, 505, 516 и т. п. мѣста лѣтописи о захватѣ большаго количества плѣнныхъ во время войнъ). Не получали-ли иногда села названій отъ боярскихъ именъ? Въ гал.-вол. лѣтоп. встрѣчаемъ боярина Вышату (Ип., 529), а въ Переворскомъ повѣтѣ Червонной Руси есть с. Выпатычи («Русскій истор. сборникъ, изд. Имп. Общ. ист. и др. Р.», т. VII (М. 1844), стр. 115).

³⁾ Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что въ галицкой Руси было болѣе чѣмъ въ др. мѣстахъ »возможности образоваться классу богатыхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, почва была очень плодородна и про-дукты сбывались удобнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, край галицкій былъ болѣе удаленъ отъ сосѣдства кочевниковъ, чѣмъ, напр., край кіевскій, хотя не менѣе плодородный и богатый, но безпрестанно подвергавшійся разореніямъ«. («Вѣстникъ Европы» 1870, № XI, стр. 40, ст.: »Начало единой державы въ древней Руси«).

⁴⁾ Въ приведен. уже нами мѣстѣ лѣт. читаемъ: »имѣніе ваше раз-грабиша« (Ип., 485). Захватчепный венграми »Судиславъ во злато пре-менился, рекуше, много злата давъ избавился« (Ип., 487). »Михалка же Скулу убиша, согопивше на Щырѣцѣ, а главу его сосѣкоша, трои чети спяше золоты...« (Ип., 490). По словамъ Кадлубка (II, 126), Га-лицкіе »Proceres precibus accumulavit, argenti, auri talenta innumera, gemmas, Vasa, et vestes generis exquisitissimi, omne sericorum, omne pre-stantissimarum genus rerum, offerunt, et protensius illaturos pollicentur, ne Rutheni jugo subesse compellantur«. Разсуждая о причинѣ Романоваго тиранства, Кадлубекъ говоритъ, что, мож. быть, Романъ хотѣлъ, *fortunas interemptorium sperere* (ib., 128). О томъ же князѣ Стрыйков-скій сообщаетъ (I, 211), что онъ »wielkie skarby zebrał, pobierając dobra i majątności usiekających i wywołanych panów Ruskich«.

⁵⁾ Оттуда, вѣроятно, богатства, видѣнные Даниломъ на дворѣ у Судислава: »Данилъ же взя дворъ Судиславль, якоже вино, и овоща, и корма, и коней, стрѣлъ пристранно видити« (Ип. 506). Тѣмъ же спо-собомъ обогатился бояре, пришедшіе съ Игоревичами. Тат. (III, 372) говорятъ: »Романа и Владимира повѣсили предъ градомъ, служителей же ихъ Галичане всѣхъ побили, а иныхъ ограбл отпустили, и взявъ отъ имѣнія ихъ болѣе 1000 гривенъ серебра, дали Венграмъ, и въ

и торговли¹). Притязанія галицкаго боярства опирались только на это фактическое превосходство: бояре управляли страной потому, что были сильнѣе. Они не провели юридически исключительности своихъ правъ на это, юридически не обособились отъ массы, и послѣдняя не считала себя разотавшеюся съ своими вѣчевыми правами; такъ, она призывала нѣсколько разъ Данила²). Въ этомъ главное отличіе галицкой боярщины отъ западной³). Оттого, хотя галицкое боярство было

королю послали съ благодареніемъ». Города и въ галицкой Руси служили средствомъ содержанія: «Прибѣже исъ Царягорода братаиъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь, и прияи Ярославъ с великою любовью, и да ему Ярославъ нѣколко городовъ на утѣшеніи» (Ип., 359).

1) Н. И. Костомаровъ сходно съ нами принимаетъ бояръ за богатѣй; но въ то же время онъ думаетъ («Моногр.», I, 208), что это богатство и давало имъ боярство, что бояре выходили изъ класса состоятельныхъ людей, и далеки отъ мысли о наследственности этого званія. Но богатство переходило отъ отцовъ къ дѣтямъ. Что бояре галицкіе не были просто состоятельными людьми, но при этомъ происходили отъ правительственныхъ лицъ, это видно изъ того, что они на управленіе областями смотрѣли, какъ на главную свою профессию, постоянно добивались участія въ немъ и вообще считали за собою какое-то право на это; князья удовлетворяли ихъ желанію: занявши однажды Галицкую землю, Даниилъ «розда города бояромъ и воеводамъ» (Ип., 514). Нѣкоторые бояре получили свои прозванія отъ мѣстностей, которыхъ были правителями (Ип., 515: «Борисъ же *Межибожскій*...» О Климатѣ утвержденіе И. И. Шараневича («Исторія», стр. 105) ошибочно: слова «съ Голыхъ горъ» должно отнести къ его бѣгству съ нихъ). Замѣчательно, что Кадлубекъ (II, 127) и Богуфаль (стр. 53 въ изд. Соммерсберга: «Silesiacarum rerum scriptores». T. II. Lipsiae 1730) называютъ бояръ сатрапами (т. е. областными правителями).

2) Ип., 501, 506, 514, 517.

3) Укажемъ, какъ на общую обѣимъ черту, на то, что тѣ и другіе аристократы должны были, въ случаѣ надобности, являться къ своему господину на помощь съ вооруженными отрядами. Подъ 1231 г. читаемъ въ гал.-вол. лѣтоп. о Даниилѣ слѣдующее: «устремися изыти со маломъ ратникъ, и Мирославу пришедшу къ нему на помощь с маломъ отрокомъ, *невтрниши же вси на помощь ему идяху*...» (Ип., 509). Боярскіе «поля» упоминаются еще въ XII в. (Ип., 444: «Мужи же Галичевыи приимше с(ъ)вѣтъ Романовъ, *совокупивше поляи своя*...»). Подъ 1213 г. въ Ип. сп. (стр. 490) упоминаются въ Городкѣ «люде Судислави» (впрочемъ, можетъ быть, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Городокъ принадлежалъ Судиславу).

родовымъ, все-таки оно не представляло изъ себя замкнутого сословія, и доступъ къ этому званію не былъ огражденъ и простымъ людемъ. Въ лѣтописи упоминается нѣсколько бояръ происходившихъ изъ низшихъ классовъ, хотя разсказъ ея объ этомъ даетъ знать, что это были довольно рѣдкіе случаи ¹⁾. Такимъ образомъ, даже относительно Галича остается вѣрнымъ то положеніе, что «древняя Россія не знала сословій. Это явленіе царской эпохи нашей исторіи; только первые зародыши его относятся къ концу княжескаго періода. Въ княжескую же эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго—достоинствомъ, а не правами... Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется какъ человѣкъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ,—характеризуется эпитетомъ «меньшаго» человѣка ²⁾).

Вотъ какихъ бояръ мы будемъ разумѣть при разсказѣ о событіяхъ въ періодъ отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Даніила въ Галичѣ. Галичскіе бояре Даніилова времени—лица, пользовавшіяся такимъ же могуществомъ въ странѣ, какимъ обладали бояре Ярославскіе. Послѣ Ярослава боярство не утратило ничего изъ своихъ преимуществъ.

Понятно, что для Даніила должно было быть весьма важнымъ то или другое настроеніе бояръ и что народное сочувствіе еще не обезпечивало ему владѣнія Галичемъ.

Со стороны же бояръ Даніиль встрѣчалъ сопротивленіе.

Оно носитъ характеръ постоянства. Иногда бояре добровольно

¹⁾ Объ одномъ бояринѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ «поповъ внукъ» (Ип, 525), а о двухъ другихъ, что они были «безаконники отъ племени смерды» (ibid.). Прибавленіе въ обоихъ случаяхъ указанія на незнатность происхожденія, тогда какъ вообще лѣтописецъ не упоминалъ о послѣднемъ, заслуживаетъ вниманія; по нашему мнѣнію, оно свидѣтельствуетъ объ исключительности подобныхъ явленій. Обращаемъ также вниманіе на то, что сказано: «поповъ внукъ», а не «поповъ сынъ»; объ отцѣ лѣтописецъ не говоритъ, а о дѣдѣ; значить, отецъ Судыча былъ уже бояриномъ. Когда Лазоръ Домажиречь и Иворъ Молибожичъ получили отъ Доброслава Коломыю, то княжескій посоль замѣтилъ: «си бо еста недостойна ни Вотьнина держати», и по связи рѣчи можно замѣтить, что это недостойство, по его мнѣнію, истекало изъ незнатности ихъ происхожденія: значить, въ Галичинѣ смотрѣли на то, изъ какого званія выходилъ человѣкъ.

²⁾ «Вѣче и князь», стр. 31.

какъ бы подчинялись Данилу; но, выкпувъ поглубже въ лѣтопись, можно замѣтить, что они никогда не переходили искренно на его сторону, а признавали его власть въ томъ только случаѣ, когда предвидѣлась полная его удача ¹⁾. Подчинившись Данилу по необходимости, они тотчасъ же начинали искать средствъ отдѣлаться отъ него ²⁾: то составляли заговоры на его жизнь, то вели тайные переговоры съ русскими князьями или съ иностранцами и приглашали ихъ въ галицкую землю. Если и дѣйствовали за одно съ нимъ противъ его враговъ, то въ душѣ все-таки были измѣнниками ³⁾ и отнадали отъ Данила, когда его дѣло начинаю казаться проиграннымъ, или у его соперниковъ появлялась малѣйшая надежда на успѣхъ.

Полное перасположеніе боярства къ Данилу и стремленіе не допустить его до утвержденія въ Галичѣ очевидно. Чѣмъ же оно обуславливалось? можетъ быть—образомъ дѣйствій Данила относительно ихъ? Но Данилъ въ отношеніи къ классу бояръ ничѣмъ не разнился отъ

¹⁾ Во время перваго похода взрослого Данила на Галичъ они явились въ его станъ тогда, когда Судиславъ бѣжалъ передъ Даниловымъ тысяцкимъ и былъ осажденъ въ Галичѣ (Ип., 506). Нашего утвержденія не можетъ подорвать слѣд. извѣстіе, паходящееся въ Ип. сп. подъ 1234 г.: »Иступи Глѣбъ Земерѣвичъ отъ королевича къ Данилови. Данилъ же и Васялко и одна поидоста къ Галичю, стрѣтоша и болюаа половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, инии бояре мнози...« (Ип., 514). Повидимому, здѣсь въ пользу Данила рѣшилъ дѣло переходъ Глѣба, а Глѣбъ перешелъ на его сторону безъ всякихъ принуждавшихъ извнѣ обстоятельствъ; но обратите вниманіе на непосредственно предшествующій этому рассказъ лѣтописи, помѣщенный подъ 1233 г.: »Оттуда же идоша ко Перемилю, Андрѣй королевичъ, Длинный и Угре, бишася о мость со Володимѣромъ и Даниломъ, и *отблизнишася имъ, Угре же воротнишася къ Галичю и пороки помоташа. Володимѣръ же и Данилъ поидоста по нихъ...*« (Ип., 513); перевѣсь, очевидно, началъ склоняться на сторону Данила. Этимъ опровергается взведенное И. И. Шараневичемъ на галицкое боярство обвиненіе въ легкомысліи.

²⁾ Насъ опять могутъ упрекнуть въ несправедливомъ распространеніи на все случаи того, что бывало иногда только, и могутъ сослаться, напр., на 1229 г. по Ип. сп. Но и тогда венгры были приведены боярами. Лѣтон. говоритъ о королѣ: »*Ушедию же ему за невѣрство бояръ Галичскихъ, Данилъ же, Вожкою волкою, одержжа градъ свой Галичъ*...«. Пригласивъ короля, бояре не оказали ему поддержки, потому что неудачи постигали его съ самаго начала похода.

³⁾ См., напр., Ип. сп. подъ 1231 г. (стр. 509).

остальныхъ тогдашнихъ князей и ни въ чемъ не нарупаль выработанныхъ до него порядковъ. Мы даже думаемъ, что сдвали какой-либо князь древней Руси обращался такъ мягко съ постоянными своими врагами. Мягкость—черта Данилова характера, рѣзко отличающая его отъ его отца. Притомъ мы видимъ, что волынская боярщина горячо поддерживала Данила.

Въ томъ-то и дѣло, что галицкое боярство не довольствовалось тѣмъ, чѣмъ могли быть удовлетворены бояре остальной Руси. Оппозиція его Данилу находилась въ связи съ особеннымъ его направленіемъ, вытекавшимъ изъ тѣхъ особенныхъ условій, въ которыя оно стало въ странѣ, и была продолженіемъ той борьбы, которая велась уже въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія.

Достигши виднаго положенія въ своей землѣ, галицкіе бояре, естественно, стремились удержать его за собою и выше всего ставили свое личное благо, для котораго не затруднялись жертвовать интересами остального населенія. Вотъ чѣмъ опредѣлялись всѣ ихъ дѣйствія со времени Ярослава Осмомысла.

Пока не угасла династія Ростиславичей, это боярство готово было и даже желало держаться ея по преимуществу: послѣ смерти Ярослава, изгнавъ его сына Олега, бояре провозгласили своимъ княземъ брата послѣдняго; заставивъ бѣжать и этого, когда подговорившіи ихъ къ тому Романъ принужденъ былъ отказаться отъ Галича и уступить его Венграмъ, они обратились вновь къ князю мѣстной линіи—сыну Берладника. Но и при Ростиславичахъ уже бояре не стѣснялись тѣмъ, что этотъ родъ былъ освященъ въ глазахъ народа давнею связью съ Галичемъ, и готовы были стать выше преданій, какъ скоро имъ не нравился посаженный ими князь. Такимъ образомъ, и династію, укрѣпившую свой авторитетъ въ странѣ долгимъ властвованіемъ, они сумѣли заставить входить съ ними въ компромиссъ!

Съ прекращеніемъ этого рода ¹⁾, Галичъ не могъ остаться безъ князя, который вездѣ считался необходимымъ лицомъ и безъ котораго

---

¹⁾ Въ концѣ XII в. перестали существовать собственно законные его представители; но дѣти Владиміра Ярославича отъ погрома были еще живы и скитались въ Венгріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ документъ, помѣщенный въ «*Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*» Тейнера (Roma 1859). Выдержка изъ него есть въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-волынской лѣтописи.

всякой отдѣльной землѣ казалось, что она беззащитна¹⁾; о введеніи другой формы правленія никто и не помышлялъ; не думали о ней и галицкіе бояре даже тогда, когда попытались удержать верховную власть въ своихъ рукахъ, не приглашая никого извнѣ²⁾. Но понятно, что, при оставленіи ими княжескаго института, для нихъ всякій разъ было далеко не безразлично, какое лицо садилось на княжескій столъ и какими средствами оно его добывало. Они могли вполне сохратить свои преимущества только при князѣ, посаженномъ по ихъ выбору и инициативѣ; при немъ они могли пользоваться даже еще большимъ значеніемъ, чѣмъ при Ростиславичахъ. Наоборотъ, всякій князь, который бы сѣлъ на столъ помимо воли бояръ, не сталъ-бы съ ними церемониться и поступаться въ ихъ пользу правами, которыя въ остальныхъ земляхъ, въ томъ числѣ и въ его собственной, считались неотъемлемою принадлежностію князя и нарушались болѣе или менѣе только въ Галичѣ. Какой князь до-монгольской Руси безъ особенной необходимости помирился бы съ такимъ порядкомъ, какой однажды бояре водворили— было на мгновеніе при Данилѣ, когда они его «княземъ собѣ называху, а самъ всю землю держажу»³⁾? Такое положеніе дѣлъ составляло предметъ постоянныхъ ихъ домогательствъ; и они могли поладить на этомъ пути окончательно развѣ съ венгерскими королевичами, въ отечествѣ которыхъ аристократія въ то время уже процвѣтала. На основаніи всего этого, галицкіе бояре допускали спокойно править Галичемъ и поддерживали только тѣхъ князей, которые занимали страну по соглашенію съ ними. Впрочемъ, они руководились въ этомъ случаѣ не однимъ только желаніемъ сохранить *statu quo*; они являлись при этомъ и бойцами за автономію страны, которой, съ прекращеніемъ установившейся

1) Очупившись однажды безъ него, галичане высказали именно это опасеніе. Ник. II, 293.

2) «Мѣстиславъ, убо, увѣдавъ королеву рать великую, избѣжа из Галича, Володиславъ(ъ) же воѣха в Галичъ, а *во княжися и спде на стель*». Ил., 488. Это покняженіе лица, происходившаго не изъ владѣтельнаго рода, сильно оскорбило и осѣлвшихъ иностранцевъ (Лешка), и своихъ: «Лестько же посла посла своего Лѣсьтича и Пакослава воеводу, рекый: «не есть лѣпо боярину *княжити* въ Галичи... король Андрѣй... пославъ и я Володислава в Галичи, заточи и, и съ томъ загоченъи умре, нашедъ зю племени своему и дѣтемъ своимъ, *княженія дѣла: вси бо князи не прирряху дѣтій его того ради*». Ил., 489.

3) Ил., 525.

линіи, естественно было возвратиться къ самостоятельному распоряженію собою и поставленію князя по собственному выбору: и то, и другое существовало на пространствѣ всей Руси, хотя перѣдко случалось, что князья брали перевѣсъ надъ общинами. И бояре провозгласили принципъ избранія на мѣсто прежняго принца преемственнаго наследованія и стали примѣнять его немедленно послѣ того, какъ остались безъ князя изъ Ростиславичей. Прося помощи у Рюрика для изгнанія Венгровъ изъ Галича, Романъ при этомъ сказалъ: *»ведутъ (в) мя Галичане к собѣ на княжение 1)*«. Онъ опирался на избраніе съ ихъ стороны, какъ на одинъ изъ вошедшихъ уже тогда въ обычай путей къ занятію столовъ, и въ поступкѣ бояръ видѣлъ обыкновенный фактъ самоопредѣленія общины, на которое она имѣла полное право. Только въ Галичѣ это самоуправленіе земли въ сущности простиралось, какъ мы видѣли, на одинъ боярскій классъ, считавшій себя представителемъ ея, чего не было въ другихъ земляхъ. По смерти Владиміра Ярославича, бояре опять хотѣли допустить замѣщеніе своего стола лишь выбрапнымъ ими княземъ 2), и затѣмъ такъ было постоянно.

Еслибы боярамъ удалось утвердить въ Галичѣ какого-нибудь посаженнаго ими самими князя, то въ странѣ, быть можетъ, водворилось бы спокойствіе. Но, къ ихъ несчастію, съ перваго же разу, какъ только Галичъ остался безъ своего давняго княжескаго рода, не переставали являться сильныя претенденты, желавшіе добиться этой области во что бы то ни стало, входя или не входя въ соглашеніе съ боярствомъ. Таковы были на первыхъ порахъ сосѣдніе Венгры, задолго до того пришедшіе въ столкновеніе съ этимъ княжествомъ и желавшіе увеличить чрезъ присоединеніе его свою территорію; но они стѣснялись сразу лишить его и тѣни самостоятельности и потому, не нарушая, повидимому, старыхъ порядковъ, оставили въ немъ отдѣльнаго князя. Таковъ былъ и Романъ Мстиславичъ.

Бояре не поддавались, желая поставить на своемъ. Ни одинъ изъ состязавшихся элементовъ не одолевалъ, и, вслѣдствіе этого, борьба тянулась, не имѣя конца и обнаруживалась, какъ своимъ результатомъ,

1) Ип., 445.

2) Тат., III, 327—328. Онъ говоритъ о «Галичапахъ», но несомнѣнно, что подъ этимъ словомъ должно разумѣть бояръ. Вообще русскія извѣстія о ближайшемъ времени, слѣдовавшемъ за смертію Владиміра Ярославича, сохранились только у Татищева.

постоянною смѣною князей, подобную которой находимъ еще въ Новгородѣ. Обыкновенно эту смѣну приписываютъ почти исключительно боярамъ, какъ будто-бы у нихъ образовалась привычка и страсть постоянно мѣнять князей. Но не одни они были причиною частаго удавленія князей изъ Галича; нѣкоторыхъ они и поддерживали, но тѣ были низвергаемы врагами боярства.

Сказанное нами уясняетъ отношеніе послѣдняго къ сыновьямъ Романа, которые съ самаго малолѣтства были одними изъ претендентовъ на Галичь.

Бояре изначала должны были ратовать противъ нихъ, потому что ихъ хотѣли посадить въ Галичѣ не по милости боярства, а ссылаясь на то, что это была ихъ отчина. Кромѣ того, отецъ Романовичей былъ хорошо памятенъ боярству, какъ одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ его враговъ; въ Галичѣ онъ утвердился несомнѣнно вопреки всѣмъ усиліямъ бояръ помѣшать ему въ этомъ и послѣ того въ копецъ хотѣлъ истребить ихъ. Если непосредственно вслѣдъ за смертію Романа они «цѣловаша крестъ къ сыну его Данилу ¹⁾» и защищали его противъ Рюрика, то это объясняется тѣмъ, что «по смерти Романовѣ снимался король со ятровою своею, во Санюцѣ: пріялъ бо бѣ Данила како милого сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду, Могля великаго слѣпоокаго, и Корочюна, Выплта и сына его Витомира, и Благиню, ппыи Угры многи, и за н.о не смѣша Галичанъ ничтоже створити, бѣ бо инѣхъ много Угоръ ²⁾». Но вскорѣ обстоятельства дали возможность боярамъ освободиться отъ ненавистныхъ имъ Романовичей, которыхъ они потомъ являются постоянными врагами. Двукратное приглашеніе ими Данила въ Галичь не было съ ихъ стороны измѣною этой политикѣ. Въ первый разъ они звали Данила, надѣясь составить въ силу обаянія его имени грозное ополченіе противъ прибѣгнувшихъ къ образу дѣйствій Романа враговъ своихъ Игоревичей, въ чемъ и не ошиблись ³⁾. Уничтоживъ Игоревичей, бояре готовы были терпѣть Данила и терпѣли только подъ условіемъ, чтобы вся власть

¹⁾ П. с. р. л., I, 179.

²⁾ Ил., 480—481.

³⁾ Тогда только они вспомнили, что Давидъ былъ ихъ отчичъ: «Наидоша Данила во Угорскую землѣ дѣтска суца, и просиша у короля Угорьского: дай намъ отчича Галичу Данила, ать с нимъ приимемъ и отъ Игоревичевъ». Ил., 484.

была предоставлена имъ; мать Данила стѣсняла ихъ, и они ее прогнали, хотяща бо княжити сама 1)». Во второй разъ 2) они хотѣли Данила противопоставить шедшему на Галичъ Мстиславу: взять перваго было выгоднѣе, потому что онъ былъ-бы обязанъ столомъ имъ, а не оружію, и сидѣлъ-бы уже не какъ отчичъ.

Когда Данилъ выросъ и самъ сталъ поддерживать свои права, то онъ продолжалъ опираться на то же, что прежде выставляли на видъ его сторонники, т. е.—на то, что онъ отчичъ. Княжить въ Галичѣ онъ хотѣлъ такъ, какъ княжили въ своихъ волостяхъ другіе и какъ онъ самъ княжилъ на Волини; въ сознаниіи своего достоинства, онъ желалъ отъ бояръ повиновенія: «князь вашъ азъ есмь, сказалъ онъ имъ однажды, повеленія моего не творите 3)». Распоряженіе по сосѣдству обширными землями обезпечивало ему возможность успѣшно поддерживать такіа притязанія и въ Галичѣ. Наконецъ, Данилъ былъ также энергиченъ, какъ и его отецъ.

Очевидно, опасность съ его стороны была велика, и боярство, не утомившись продолжительностію предшествовавшей борьбы, съ новымъ жаромъ принялось отражать этого противника, относительно котораго оно было—успокоилось, изгнавъ его изъ Галича во время его малолѣтства.

Такъ объясняемъ мы поведеніе боярства въ отношеніи къ Данилу и къ князьямъ вообще.

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что, по нашему мнѣнію, бояре постоянно имѣли въ виду интересы цѣлаго общественнаго класса, къ которому принадлежали. Мы не говоримъ, что это было сознательное сословное единодушіе; мы только утверждаемъ, что не было никакого раздѣляющаго бояръ элемента.

Намъ кажется, что такое объясненіе дѣйствій галицкаго боярства имѣетъ за себя болѣе всего данныхъ.

Большинство современныхъ ученыхъ (Н. И. Костомаровъ, И. Д. Бѣляевъ, М. Смирновъ и др.), напротивъ, важною и коренною отличительною чертою галицкаго боярства считаютъ постоянное раздѣленіе на партіи, изъ которыхъ каждая выставляла и поддерживала своего

1) Ип., 487.

2) См. Ип., 489.

3) Ип., 525.

претендента, при торжествѣ котораго могла разсчитывать на преобладаніе въ странѣ и, выѣстѣ съ тѣмъ, на обогащеніе; каждая изъ нихъ старалась при этомъ изгнать изъ Галича князя другой партіи; такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, въ дѣйствіяхъ галицкихъ бояръ вовсе не видно сословнаго единодушія, а на первомъ планѣ у нихъ были всегда частныя интересы; каждая отдѣльная кучка стремилась подняться выше остальныхъ, и въ Галичѣ происходила только борьба разныхъ боярскихъ партій.

Но, изучая внимательно весь періодъ времени отъ смерти Ярослава Осмомысла до окончательнаго утвержденія Данила въ Галичѣ, нельзя не видѣть, что въ большинствѣ случаевъ не было подобнаго раздѣленія, и князья были вводимы въ Галичъ, или изгоняемы изъ него не отдѣльными партіями, но всѣмъ болрствомъ. Отъ всего, напр., боярства исходила смѣна князей въ Галичѣ послѣ Романа. У его дѣтси въ Галичѣ не было сторонниковъ, и потому ихъ бѣгство не было результатомъ борьбы партій ¹⁾. Съ удаленіемъ Романовичей изъ Галича для бояръ, если только они дѣлились на партіи, открывался полный просторъ: вслѣдствіе могъ выставить своего кандидата. Но на самомъ дѣлѣ они поступали не такъ: мы не видимъ, чтобы одинъ изъ нихъ вел одного князя, а другіе другаго. Напротивъ, *сначала*, по инициативѣ венгерскаго короля ²⁾, они пригласили Ярослава Всеволодовича Переяславскаго, а *потомъ*, *послѣ общаго совѣщанія*, послали за Игоревичами ³⁾. Съ водвореніемъ послѣднихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

¹⁾ Лѣтописи не упоминаютъ о томъ, чтобы съ ними бѣжалъ кто нибудь изъ Галича; объ этомъ говорить крайне неопредѣленно только Татищевъ; да и послѣ не замѣтно изъ партій среди галицкихъ бояръ

²⁾ О ней говорятъ всѣ упоминающіе объ этомъ событіи источники

³⁾ Что послѣдніе были призваны такъ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ мѣстная лѣтопись: «... и приведоша кормиличича, иже бѣ загналъ великій князь Романъ, невѣры ради: славяху бо Игоревича *Послушавше же ихъ Галичкыи бояре, и послаша по нихъ и посадиша и...*» (Ип., 481). И. И. Шараневичъ (стр. 63) представляетъ дѣло такъ, что въ Галичѣ были различныя партіи, и одна изъ нихъ отправила посольство къ Ярославу, а другая къ своимъ кандидатамъ Игоревичамъ. Но источники не даютъ права такъ думать. Такъ какъ всѣ они (Лавр. спис., лѣт. Ник. и Воскрес., Тат.) передаютъ дѣло согласно нѣсколько не противорѣча умалчивающей о многихъ подробностяхъ событій этого времени мѣстной лѣтописи, то мы приведемъ рассказъ одного какого-нибудь изъ нихъ. Вотъ что говорится, напр., въ Лавренті

противъ нихъ не было никого. А вѣдь, еслибы какіе бояре захотѣли посадить другихъ князей, то не встрѣтили-бы къ тому особенныхъ препятствій. Игоревичи ссорились даже между собою, при чемъ одинъ згналъ другаго,—знакъ, что они чувствовали себя на твердой почвѣ. (потомъ самъ Романъ былъ изгнанъ Венграми при участіи бояръ¹⁾). Только поверхностный наблюдатель можетъ сказать, что въ Галичѣ существовала партія, думавшая возвыситься съ помощію Мстислава Бересовицкаго²⁾. Не слѣдя изъ года въ годъ за смѣной галицкихъ князей, мы скажемъ, что въ лѣтописи прямо иногда говорится о совокупномъ дѣйствіи *всѣхъ* бояръ³⁾, и затѣмъ рассмотримъ еще въ этомъ

вскомъ спискѣ (П. с. р. л., I, 180): *«Галичане же видѣвше короля дуща прочь, убоишася полковъ Рускихъ, еда өзвратятся на нь опять, князя у нихъ пѣту, сдумавше, послашася по Володимера Игоревича тай, Володимеръ же вѣсть пріимъ отъ Галичанъ, украдѣся изъ полковъ отъ своее братьи, гпа обь ночь въ Галич; бяху бо столша полци тъ Галича за 2 дни, бяше бо король съ Галичаны сдумавъ переже, осмалъ въ Переяславль по Ярослава Всеволодича, и ждаша его 2 нельи»*. О раздѣленіи на партіи говорится только у одного Длугоша (col. 604), но онъ весьма бѣгло проходитъ это время, общей своей амѣтви не подтверждаетъ фактами, которые были-бы намъ неизвѣстны, а во и извѣстныя событія не представляетъ совершившимися иначе и вообще наклоняетъ все къ тому, что утомленные, наконецъ, распрямивъ бояре рѣшили обратиться къ иноземцамъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что о послѣднихъ они стали думать гораздо позже.

1) Приглашая потомъ опять Игоревичей, они говорили: *«сгрѣшиомъ к вамъ....»* (Ип., 484). Дѣйствительно, еслибы бояре не помогали Венграмъ, то было-бы непонятно, какимъ образомъ послѣдніе захватили Романа совершенно врасплохъ—*«в бани мыющася»* (Ип., 483).

2) И. И. Шараневичъ, вопреки своему обыкновенію тщательно относиться къ изслѣдуемому предмету, и здѣсь позволилъ себѣ поступить иначе. Онъ (стр. 70) говоритъ: *«одна часть бояръ задумала была прогнати Романа за угорскою помощію»*. Но историкъ долженъ быть далекъ отъ категорическаго тона въ тѣхъ случаяхъ, когда высказываетъ собственное предположеніе, не подтверждаемое прямо источниками. Можетъ быть, Романъ вооружилъ противъ себя боярскую массу, какъ и послѣ всѣ Игоревичи, своимъ неуживчивымъ характеромъ, которымъ, кажется, онъ отличался.

3) Ип., 1208, 486: *«Тогда же бояре Володимѣрьстии и Галичкыи, Вячеславъ Володимѣрьскій, и Володиславъ Галицкій, и вси бояре Золодижерстии и Галичкыи, и воеводы Угорьскыи, и посадиша князя Данила на столъ отца своего великаго князя Романа»*... Вопреки этому свидѣтельству лѣтописи о томъ, что *всѣ* галицкіе бояре были на сторонѣ Данила, Татищевъ (III, 371) упоминаетъ о какихъ-то пріятеляхъ

отношеніи время, спеціально настъ занимающее, т. е. время борьбы Данила за Галичъ.

Можетъ быть, хотъ тогда видны враждующія между собою боярскія партіи?—Нѣкоторые ученые ¹⁾ замѣчаютъ между галицкими боярами и партію Данила. Но изъ лѣтописи этого не видно. Послѣ того какъ въ борьбѣ Данила съ Судиславомъ перевѣсъ видимо сталъ оказываться на сторонѣ перваго (1230), къ нему явились *все бояре* ²⁾; если среди нихъ были искренніе его сторонники, отчего они не присоединились къ нему раньше? Нѣсколько времени спустя, Данилу остаются вѣрными только 18 отроковъ ³⁾, которыхъ лѣтописецъ отличаетъ отъ бояръ. Являются Венгры (1231), и что же? »И приймъ король Ярославль, и поиде к Галичю. Кляматы же с Голыхъ горъ убѣжа отъ князя Данила ко королеви, и по немъ *все бояре Галичкыи предашася* ⁴⁾«. Послѣ этого нельзя думать, чтобы говорили въ пользу существованія особенной Даниловой партіи ⁵⁾ слѣдующія слова лѣтописи: »Володимеру же ятому бывшу в Торцькомъ и Мирославу, с(ъ)вѣтомъ безбожьнаго Григоря Василевича и Молибоговичевъ, инѣмъ боярѣмъ многимъ ятымъ бывшимъ... Узрѣвше же бояре Галичестви Василка отшедша с полономъ, воздвигоша крاملу ⁶⁾«. Эти »многіе бояре«⁷⁾ вовсе не галицкіе сторонники Данила, которыхъ не могло быть много, какъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ вышеприведенныя мѣста лѣтописи; это *могли быть волынскіе бояре*, каковымъ и былъ Мирославъ. Такимъ же волынскимъ бояриномъ былъ, по всей вѣроятности, и Василій Гавриловичъ, сопротивлявшійся сдачѣ Перемышля Венграмъ ⁷⁾. Изъ галиц-

---

Игоревичей; впрочемъ, неизвѣстно были-ли это бояре; въ другомъ мѣстѣ они названы »служителями«. Ип., 1212, 489: »Галичани же *все* и Судиславъ послашася по Данила«.

¹⁾ Напр., И. И. Шараневичъ (стр. 84).

²⁾ Ип., 506: »и приде же Дѣмьянъ *со всіми бояры Галичкыи*, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими бояры Галичкыи«.

³⁾ Ип., 509: »Самому же Данилу созвашу вѣче, *оставшуся* въ 18 отрокъ вѣрныхъ, и съ Дѣмьяномъ тысяцкымъ своимъ«...

⁴⁾ Ип., 510.

⁵⁾ Какъ думаетъ, повидимому, И. И. Шараневичъ.

⁶⁾ Ип., 515—516.

⁷⁾ Въ лѣтописи два раза прямо обозначенъ волынскимъ бояринъ этого имени (Ип., 490 и 497). Данилъ могъ посадить въ Перемышль волынскаго боярина, не слишкомъ полагаясь на галицкихъ воеводъ. Въ 1229 по Ип. сл. въ Галичѣ былъ оставленъ Даниломъ Демьянъ

вѣхъ бояръ остается еще Судиславъ Ильичъ, заявившій свою преданность Даниилу, но мы думаемъ, что едвали можно придавать особенную цѣну подобной преданности ¹⁾. Болѣе вѣтъ въ лѣтописи намековъ на Данииловыхъ сторонниковъ. Но если даже допустимъ, что у Даниила было еще нѣсколько ихъ, то, во всякомъ случаѣ, по крайней своей малочисленности, они не составляли партіи. Въ отсутствіе Даниила, въ Галичѣ стоялъ съ полкомъ его братъ на случай возмущенія, и послѣднее началось немедленно послѣ его удаленія ²⁾.—Но, можетъ быть, галицкіе бояре, сходясь во враждѣ къ Даниилу, дѣлились и составляли различныя партіи въ отношеніи къ другимъ претендентамъ? Но мы видимъ, что эти другіе претенденты выступали не одновременно, а послѣдовательно: первыми были Венгры; когда же они потерпѣли рѣшительное пораженіе, ихъ смѣнилъ на короткое время Александръ Всеволодовичъ Белзскій; за нимъ слѣдовали черниговскіе князья. Однѣ и тѣже особы составляли партіи всѣхъ этихъ лицъ, и «новая Михаилова партія», какъ называетъ ее Н. И. Костомаровъ ³⁾, или «партія князей Черниговскихъ», какъ говоритъ И. И. Шараневичъ ⁴⁾, явившаяся только послѣ окончательнаго оставленія Венграми притязаній на Галичъ, очевидно, заняла мѣсто и превратилась въ эту партію изъ партіи венгерской. Есть-ли основаніе причислять сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ къ враждующимъ между собою партіямъ, можно видѣть изъ того, что всѣ они дружатъ. Очевидно, все боярство преслѣдовало дилемму: или Данииль, или одинъ какой-нибудь боярскій кандидатъ изъ перечисленныхъ нами.

Конечно, мы не доказываемъ, что бояре *всегда* дѣйствовали дружно въ отношеніи къ князьямъ; мы только думаемъ, что такъ было *въ большинствѣ случаевъ*, между прочимъ—и въ рассматриваемое нами время.

(Ип., 507), бывшій, подобно Мирославу, въ теченіе долгаго времени правою рукою Даниила (см. Ип., 485, 488, 498, 502, 506—507, 511—512).

¹⁾ Вотъ слова лѣтописи: «Узрѣвше же бояре Галичѣстии Василка отшедша с половомъ, воздвигоша крاملу. Судиславу же Ильичю рекушу: «княже! лъстивъ глаголь нмѣю(ть) Галичанѣ; не погубисе, поиди прочь» (Ип., 516). Можетъ быть, онъ хотѣлъ поскорѣе выпроводить Даниила изъ Галича.

²⁾ Ип., 515—516.

³⁾ «Моногр.», I, 214.

⁴⁾ «Исторія», 84.

Но и въ тѣ моменты, когда мы замѣчаемъ отдѣльныя партіи, дѣло шло вовсе не преобладаніи одной кучки бояръ надъ другими. Возьмемъ, напр., фактъ изгнанія Владиміра Ярославича, изъ разказа лѣтописи о которомъ¹⁾ ясно видно, что одна часть бояръ держалась стороны этого князя, другая возстала противъ него. Какими соображеніями руководилась послѣдняя? Лѣтопись прямо говоритъ, что возстаніе возникло вслѣдствіе насилій князя; но не видно, чтобы въ этихъ насиліяхъ принимали участіе сторонники князя въ средѣ бояръ; самое насиліе состояло въ томъ, что Владиміръ »улюбивъ жену, или чью дочь, помахаетъ насильемъ«, и, очевидно, съ подобнымъ характеромъ могло принадлежать только князю; что оно этимъ и ограничивалось, а не распространялось на имѣніе и общественныя преимущества недовольныхъ, явствуетъ изъ того, что послѣдніе сохраняли свое значеніе: у нихъ были полки. Вѣроятно, возстали именно обиженные такимъ образомъ²⁾. Вотъ поводъ возстанія. Взглянемъ теперь на то, чего добивались возставшіе. »Восташа на князь свой«, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи; не разсчитывая изгнать его открыто, они заявили ему намѣреніе убить его жену—попадью³⁾; »и се рѣкоша, говоритъ лѣтописецъ, вѣдаючи, ажъ ему не пустити попадѣи, по абы имъ како прогнати его, и смѣ ему пригрозиша: о какихъ-нибудь боярахъ, которыхъ они хотѣли изгнать вмѣстѣ съ нимъ,—ни слова. И въ концѣ концовъ мы видимъ, что съ княземъ, кромѣ жены и сынової, бѣжала только »дружина«, которую нѣтъ основаній считать, что дѣлаетъ И. И. Шараневичъ⁴⁾, тѣми боярами, которые были преданы Владиміру: стали-ли бы они бѣжать, если прежде ихъ боялись грозившіе⁵⁾? По

1) См. Ип., 444.

2) Такъ понимаетъ возстаніе и Татищевъ (III, 285): Романъ »увѣдавъ, что Галичане пенавидѣли Владиміра за его непотребства, что насильно бралъ женъ и дочерей къ себѣ, а притомъ болѣе въ пьянствѣ упражнялся, послалъ вѣрныхъ отъ себя въ Галичъ уговаривать, чтобъ Владиміра изгнали, а его самого на княженіе приняли. На сіе многіе оскорбленные Вельможи Галичкіе не трудно согласались«...

3) Относительно убійства попадѣи были согласны, если вѣрить Татищеву (III, 285), всѣ: фактъ, показывающій, какъ развито было у бояръ чувство гордости.

4) »Исторія«, 57.

5) »Восташа на князь свой, и не смѣша его изымати, ни убити, зане не вси бяхуть в думѣ той, бояхубося приятелиозъ Володимѣрьвыхъ« (Ип., 444).

Татищеву ¹⁾, приятели Владиміра продолжали жить въ Галичѣ послѣ его отхода.—Когда въ Галичѣ утвердились Венгры, мы видимъ опять двѣ партіи: одна держалась ихъ, другая послала за Ростиславомъ ²⁾. Поищемъ причины раздѣленія. Бояре вообще желали русскаго князя ³⁾; только «чи бяхуть сынове и братья у короля, то ти держажуться крѣпко по королевичи»: такимъ образомъ, на поддержку съ ихъ стороны Венгровъ вліялъ страхъ ⁴⁾. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если мы видимъ иногда раздѣленіе бояръ, то это бывало просто разногласіе, исходившее изъ того, что одни считали лучшимъ одного князя, другіе другого, но это еще не приводило партій къ вооруженной борьбѣ ⁵⁾, и торжество князя одной партіи не влекло за собою преслѣдованія и бѣгства другой. Вообще мы видимъ полное отсутствіе явленій, неразлучныхъ съ борьбою партій и столь часто упоминаемыхъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Бѣгая изъ страны, галицкіе бояре ожидали преслѣдованія не отъ своей же братіи, а отъ князей, и не думавшихъ опираться на какую-нибудь боярскую партію. Такъ было при первомъ возвращеніи въ Галичъ Владиміра Ярославича ⁶⁾, при Романѣ ⁷⁾ и при

1) III, 287: «Романъ услыша, что король со Владиміромъ идетъ, и вѣдая, что *отъ Галичанехъ еще много Владиміру пріятелей*, не смѣлъ онаго ожидать»...

2) Ип., 446—447.

3) «Угре же вѣдающе есть Галичскую, аже Галичане шцють со бѣ князя Русскаго, и почаша насплѣ дѣяти во всемъ»...

4) Нельзя думать, что «бывшіе у короля» служили ему и пользовались какими-нибудь выгодами; они были въ залогѣ у него.

5) Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить рассказъ Татищева (III, 327—328) о галицкихъ событіяхъ послѣ смерти Владиміра Ярославича.

6) «И слышавъ Романъ, аже король за Горою уже, и бѣжа... и бѣжа изъ Галича во Володимерь *с Галичань*... иде к Рюрикови ко цтю своему в Бѣльгородъ, и *с мужи тми, котори же его ввели бяхуть в Галичъ*» (Ип., 445). Бояре боялись возмездія не со стороны Владиміровой партіи (которая съ нимъ не возвращалась, потому что и не уходила изъ Галича: съ Владиміромъ шли, но лѣтописи, одни Венгры), а со стороны *одного Владиміра*.

7) Н. И. Костомаровъ («Монографія», I, 208—212) утверждаетъ, что и Романъ Мст., и Игоревичи, въ своихъ тиранствахъ, опирались на известное количество бояръ. О Романѣ онъ говоритъ, что иначе его господство было-бы непмыслимо. У Романа, при первомъ занятіи имъ Галича, дѣйствительно, была партія. Но мы уже знаемъ, что она не думала избивать свою братью. Еслибы онъ, послѣ втораго занятія

Игоревичахъ. Вообще же всѣ бояре оставались въ странѣ, хотя бы въ Галичѣ садился и такой князь, которому пѣкоторые изъ нихъ не почувствовали. Они покорялись необходимости, и мы не видимъ, чтобы одна партія шла на другую. Напримѣръ, въ 1189 г. Ростиславъ явился подъ Галичемъ съ малою дружиною въ надеждѣ на то, что бояре исполнятъ свое обѣщаніе: «ему обѣщать, узрѣвши полкъ его отступити отъ королевича. Бяшетъ же и во его полку неколко мужъ Галичкихъ приѣхало; и си же узрѣвши лѣсть братья своя, подѣпустивше и подѣ полкъ свой и отступиша отъ него ¹⁾». Не замѣчаемъ мы и убіенія однихъ бояръ другими и грабежей ²⁾. Владиславъ, Судиславъ, пѣтъ сомнѣнія, были первенствующими лицами въ боярствѣ. Если были партіи, то отчего не видно другихъ такихъ же въ параллель имъ выдававшихся личностей, враждовавшихъ съ ними? отчего, если власть всегда

Галича, съ нею разошелся, что легко могло статься, потому что Романъ уже не нуждался въ ней и вообще не любилъ галицкихъ бояръ, то у него была опора во вѣншней силѣ: онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы Владимірскія и др. южнорусскихъ удѣловъ, могъ получить помощь отъ Поляковъ, помогшихъ ему утвердиться въ Галичѣ, и отъ Венгровъ, съ королемъ которыхъ вошелъ въ тѣсную дружбу послѣ удачной съ нимъ борьбы (объ этой дружбѣ см. въ Ип., 480—482; о борьбѣ съ нимъ см. 300-ю стр. «Лѣтописи по Кенгсбергскому списку» (Слб. 1767) и Тат. III, 348); быть можетъ, онъ разсчитывалъ также на поддержку со стороны парода, который стоялъ и за Игоревичей, какъ видно изъ разсказа объ осадѣ Звенигорода (Ип., 486; сл. невѣрное соображеніе у В. Ильницкаго: «Стародавний Галицкіе города. Ч. I. Стародавний Звенигородъ», Львовъ 1861, стр. 17); для парода избіеніе утѣснявшихъ его бояръ было безразлично. Игоревичи также опирались, вѣроятно, на значительную вѣншнюю силу, потому что иначе не прогнали-бы Венгровъ. Бояръ, сидѣвшихъ въ Перемышлѣ, нельзя причислять къ ревностнымъ ихъ сторонникамъ и врагамъ остальнаго боярства. Сталъ ли бы Владиславъ обращаться къ врагамъ съ такою рѣчью, съ какою обратился къ нимъ, и отстали ли бы враги его, а друзья Игоревичей, такъ легко отъ послѣднихъ?

¹⁾ Ип., 447.

²⁾ Н. И. Костомаровъ («Моногр.», I, 215) приписываетъ разграбленіе двора Судислава въ 1229 г. по Ип. сп. (истинную дату мы предложимъ читателю ниже, а теперь все ссылаемся на хронологію Ип. сп., чтобы не оставлять читателя безъ хронологическихъ указаній) (см. Ип. сп., 506) озлобленію враждебной ему партіи; но вѣдь въ то время, когда разграбленъ былъ дворъ Судислава, на сторонѣ Даниила не было ни одного еще галицкаго боярина!

захватывала одна кучка, мы никогда не встрѣчаемъ оппозиціи имъ въ средѣ боярства въ пору ихъ могущества ¹⁾? Эти предводители идутъ пресмственно по одиночкѣ: сначала Владиславъ (по Ип. сп., отъ 1202 по 1211), затѣмъ Судиславъ (по Ип.: 1208—1234 ²⁾), Глѣбъ Зеремѣвичъ (по Ип. 1226—1234 ³⁾), Владиславъ (1231? 1241—49 по Ип.). Единственный случай вражды между боярами изъ-за властвованія разсказанъ въ Ипатскомъ спискѣ галицко-волинской лѣтописи подъ 1240 г. ⁴⁾. Въ заключеніе упомянемъ еще о томъ, что лѣтописецъ рѣдко говоритъ о раздѣленіи бояръ, а постоянно выражается: «Галицкыи бояре»; еслибы въ послѣднемъ случаѣ онъ разумѣлъ не всѣхъ, или вообще не имѣлъ въ виду большинства, онъ далъ-бы о томъ знать.

Мы остановились на вопросѣ о единодушіи галицкаго боярства потому, что намъ хотѣлось обстоятельнѣе выяснить причины нашего несогласія съ мнѣніемъ многихъ почтенныхъ нашихъ ученыхъ.

---

¹⁾ Владиславъ княжилъ два раза въ Галичѣ (Ип., 487 и 488) и въ оба раза лишился своего значенія не по боярскимъ просякамъ. Н. И. Костомаровъ говоритъ, что въ 1229 г. Данила, призвала партію, враждебную Судиславу («Ист. мон. и изсл.», I, 215). Дѣйствительно, сразу можетъ показаться, что бояре пристали къ Данилу изъ-за вражды къ Судиславу. Но чрезъ нѣсколько времени, когда король венг. пришелъ съ Судиславомъ, послѣднее обстоятельство не помѣшало имъ отнаться отъ Данила (Ип., 510). Вообще Н. И. Костомаровъ видитъ борьбу партій въ Галичѣ на каждомъ шагу. Насколько справедливы его объясненія, покажутъ слѣдующія его слова («Мопогр.», I, 217) о послѣднемъ утвержденіи Данила въ Галичѣ передъ татарскимъ нашествіемъ: «Данило объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Прежніе князья, да и самъ Данило, едвали могли бы рѣшиться не послѣдовать здѣсь голосу своей партіи, и всякая партія всегда требовала мести. но цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Данила. Какъ будто прежде на сторонѣ Данила не было большинства народа и такая сила, каковую приписываетъ Данилу на этотъ разъ Н. И. Костомаровъ, могла отворотить его партію отъ преслѣдованія ненавистныхъ противниковъ!

²⁾ Первенствовалъ съ 1219 г. (по Ип. съ 1212): «Галичани же вси и Судиславъ послашася по Данила» (Ип., 489).

³⁾ Выступилъ на сцену по Ип. сп. еще въ 1211 г. (правильнѣе: въ 1213 г.) (Ип., 488).

⁴⁾ Ип., 525.—Можетъ быть, и Глѣбъ Зеремѣвичъ, являющійся въ послѣдствіи постоянно въ числѣ галицкихъ бояръ, въ 1213 г. изъ-за несогласія съ Владиславомъ воевалъ противъ него (Ип., 488), но это только догадка

Безспорно, боярство было главнымъ врагомъ Даніила въ борьбѣ его за Галичъ и виновникомъ того, что онъ не удержался тамъ послѣ перваго его занятія. Оно не могло успокоиться, а постоянно подыскивало ему враговъ извнѣ, которые охотно вступали въ союзъ съ боярами и начинали борьбу за Галичъ, потому что это была одна изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ русскихъ областей и владѣніе ею было привлекательно для всякаго. Эти другіе враги Даніила по Галичу дѣйствовали всегда по приглашенію боярства, рассчитывая и опираясь на его поддержку, и безъ него едва-ли бы пошли на Даніила ¹⁾). Такъ, послѣ перваго утвержденія Даніила въ Галичѣ, Венгры возвратились вслѣдствіе уговариваній со стороны Судислава: «Андрѣви же пришедшу ко отцу си и брату, и *Судиславу многомошу непрестанно*: «изыдѣте на Галичъ и примете землю Рускую; аще не поидеши, укрѣпятся на ны ²⁾». Въ 1231 г. по Ип. сп. ³⁾ *Судиславъ* же поймасы, прииде королеви Андрѣви, и *возведе короля Угорьского Андрѣи* ⁴⁾». Александръ, замышляя возстаніе на Даніила, условливался съ боярами ⁵⁾. Михаилъ Черниговскій говорилъ Даніилу: «...аще коли хотяхъ любовь имѣти с тобою, не свѣрнии Галичанѣ не вдадахуть ми ⁶⁾» и т. п.

Такіе союзники боярства и претепденты на Галичъ при Даніилѣ, какъ и до него, были и между русскими князьями и между сосѣдними съ галицкою землею иностранцами.

Первоначально за Галичъ съ Даніиломъ боролись Венгры, притязанія которыхъ, впервые обнаружившіяся въ концѣ XII стол., не прекращались съ 1213 г. ⁷⁾. Съ 1219 г. ⁸⁾ имъ усердно начало помогать

1) Г. Смирновъ напрасно укладываетъ борьбу Ольговичей съ Даніиломъ въ рамки изстари тянувшейся борьбы между ними и Мономаховичами за Кіевъ («Судьбы Червоной или Галицкой Руси», Сиб. 1860, стр. 28). Галичъ въ глазахъ Ольговичей не замѣнялъ Кіева, но отчего, думали они, не попытаться счастья среди смуть? авось, думали они, удастся овладѣть и Галичемъ.

2) Тогда возбуждали Венгровъ, по нашему мнѣнію, кромѣ Судислава, и другіе бояре. См. выше. Ип., 507.

3) Правильнѣе: въ 1232 г.

4) Ип., 509.

5) Ibid., 508.

6) Ibid., 521.

7) Мы думаемъ, что поворотъ въ политикѣ Венгровъ относительно Галича обнаружился одновременно съ возняженіемъ тамъ Владислава. Идя на сидѣвшаго въ Галичѣ Мстислава Перссонницкаго, король осво-

боярство, потому что Венгры оставили свой прежній образъ дѣйствій въ отношеніи къ нему и сдѣлали бояръ участниками въ верховномъ управленіи страной. Когда Галичъ достался Андрею, то власть вполнѣ перешла въ руки бояръ и фактическимъ государемъ Галича былъ Судиславъ⁹⁾. Но, встрѣчая постоянный отпоръ, потерпѣвъ много неудачъ и поражений, со смертію въ Галичѣ королевича Андрея въ 1234 г.¹⁰⁾,

бодилъ боярина Владислава, котораго до тѣхъ поръ держалъ въ заключеніи, какъ главнаго врага Романовичей [до того времени онъ безкорыстно ихъ поддерживалъ] и отправился вмѣстѣ съ нимъ (Ип., 487—488). Это первый, бросающійся въ глаза фактъ, указывающій на перемѣну. Затѣмъ: король венг. не воевалъ съ Володиславомъ, когда тотъ занялъ престоль. Въ 3-хъ, Даніиль съ матерью удалился съ того времени отъ королевскаго двора (Ип., 488). Въ 4-хъ, король объявилъ войну Лешку и, сколько можно замѣтить изъ лѣтописи, вслѣдствіе того, что тотъ сталъ очень усердно покровительствовать Даніилу и, помимо короля, добывать ему Галичъ (Лѣтопись говоритъ: «...король поиде на Лестька, *Данилови же у Лестька суиу*»... Ип., 488). Поэтому намъ кажется весьма правдоподобною догадка Карамзина (т. III, стр. 100 по изд. Эйперлига), что Владиславъ управлялъ Галичемъ съ согласія и вѣдома Андрея и въ нѣкоторой зависимости отъ него. — Что касается титула венгерскихъ королей, то, сколько намъ извѣстно, «Galicia» и «Lodometia» были включены въ него послѣ 1190 г. впервые въ 1209 г. См. грамоту Андрея II, приведенную на стр. 15 «Imago novae Hungariae».

⁸⁾ По Ип. съ 1213. См. Ип., 490—491. Судиславъ успѣлъ войти въ соглашеніе съ Венграми еще прежде: «Бенедиктъ Лысы бѣжа во Угры со Судиславомъ, а Мѣстиславъ седе в Галичи» (ib., 489).

⁹⁾ Ип., 503: «*Въ бо королевичъ въ Галичъ и Судиславъ с нимъ*». — Ип., 506: «...прислаша Галичанѣ, рекуще: «яко Судиславъ шель есть во Позизьбе, а королевичъ в Галичи осталъ; а поиди борже» и т. п. По мнѣнію В. В. Пассека (цитир. статья, стр. 54), боярство прибѣгло къ венгерскому владычеству на время и не думало на немъ успокоиться. Мы, напротивъ, думаемъ, что съ 1219 г. оно благопріятствовало этому владычеству болѣе, нежели всякому другому. Худо-ли было боярамъ при Мѣстиславѣ? и однако они предпочли Венгровъ; это потому, что послѣднимъ они постоянно могли грозить русскими князьями и, так. обр., могли держать ихъ нѣсколько въ своихъ рукахъ, а русскіе князья не привыкли и не согласились-бы играть при боярахъ второстепенную роль; они воспитаны были въ другихъ понятіяхъ. Уже у Кадлубка (II, 124—125) въ уста бояръ вложены слова такого рода: «non possumus ferre nostrae Terrae Principum fastus, seditiones, invidiam».

¹⁰⁾ На этотъ разъ случайно годъ выставленъ въ Ипатскомъ спискѣ вѣрно. Андрей, дѣйствительно, умеръ въ 1234 г. Доказательства этого см. въ «Geschichte Ungarns» von L. v. Szalay; II-ter B. (Pest, 1869), S. 32—33, Ann. 3 und Amp. des Uebers.

Венгры отстали, наконецъ, отъ своихъ претензій¹⁾. Но и послѣ, не смотря на то, что Даниилъ считался другомъ Бѣлы²⁾, котораго былъ сверстникомъ и съ которымъ вмѣстѣ выросъ, и находилъ у него иногда пріютъ³⁾, Венгры вмѣшивались въ галицкія дѣла не въ его пользу. Они помогали замѣнившимъ ихъ Михаилу и Ростиславу Черниговскимъ, какъ прежде Михаилъ благопріятствовалъ имъ, когда они сидѣли въ Галичѣ⁴⁾. Венгры дѣйствовали теперь, очевидно, въ тѣхъ видахъ, ко-

1) У Татищева сохранилось извѣстіе, что король формально даже отрекся отъ Галича. Подъ 1233 г. онъ говоритъ (III, 460): «Даниилъ Романовичъ имѣя о Галичѣ съ королемъ Венгерскимъ войну тяжкую, и побѣдя Венгровъ въ горахъ, учинилъ съ нимъ миръ, отрекся король по грамотѣ Мстиславлей Галича».

2) Въ качествѣ друга онъ былъ приглашенъ на его коронацію [такъ именно смотритъ на это наша лѣтоп., которая говоритъ: «Даниилъ же в то время шель бяше со братомъ своимъ во Угры ко королеви: *бъ бо звалъ его на ч.сть*» (Ип., 517) въ 1235 г. (см. Szalay, «Geschichte Ungarns, III, S. 33) и принималъ въ пей участіе. Это участіе, по словамъ Туроча, стояло въ слѣдующемъ: «Rex Bela — — coronatus est — — in cathedrali ecclesia beati Petri, Albae, quam ipse consecrari fecit, Colomano duce, fratre eiusdem, ense regalem, ad latus ipsius, honorifice tenente, Daniele vero, duce Ruthenorum, equum eius, ante ipsum, summa cum reuerentia ducente» [«Scriptores rerum Hungaricarum. Cura et studio J. G. Schwandneri. MDCCXLVI. T. I.» P. 149]. Венгерскіе историки (между пр. и Szalay*) заключаютъ на основаніи этихъ словъ Туроча (второй, компилируя извѣстія древнѣйшихъ лѣтописей, самъ, вѣроятно, прибавилъ слова «summa cum reuerentia» — въ патріотической гордости), что Даниилъ призналъ себя вассаломъ Бѣлы. Въ такомъ случаѣ, также должно смотрѣть и на Коломаново участіе въ коронаціи брата. Венгерскіе историки и Карамзинъ думаютъ, что Даниилъ отправился къ Бѣлѣ просить помощи. Это несогласно съ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи и съ Данииловымъ характеромъ: Даниилъ никогда бы не унижился до того, чтобы признать себя вассаломъ венг. короля; притомъ мы нигдѣ не замѣчаемъ слѣдовъ подобнаго подчиненія Даниила. Въ дополненіе къ этому совѣтуемъ прочесть еще сказанное у Д. И. Зубрицкаго («Ист. др. Гал.-р. княж.», III, 124—125).

3) См., напр., Ип., 516.—Бѣла IV род. въ 1205. Отсюда видно, какъ невѣрно извѣстіе галицко-вол. лѣтоп. поды 1206 (вм. 1209): «Данилови суцю во Угрѣхъ, король же Андрѣй, и болгарѣ Угорьстѣи и вся земля, хотяше дати дщерь свою за князя Данила, обѣима дѣтскома бывшима: заве сына у него не бѣ» (Ип., 484).

4) Михаилъ былъ женатъ на Данииловой сестрѣ (Ип., 521), но это его не останавливало. О союзѣ его съ королемъ Андреемъ въ Ип. сп. говорится поды 1228 (Ип., 503).

* Съ ними согласенъ и Карамзинъ (III, прим. 348).

орне имѣли еще въ прошломъ вѣкѣ, до восьмидесятыхъ его годовъ 1). Юкровительство Ростиславу со стороны Белы было тѣмъ усерднѣе, то первый былъ помолвленъ съ его дочерью Анною 2). Что Бела не экорыстно помогала Ростиславу, это доказывается тѣмъ, что, когда езадолго до татарскаго нашествія Ростислава постигла въ Галичѣ рѣшительная неудача 3), то онъ не хотѣлъ выдать за него дочь: онъ желалъ видѣть своего зятя на галицкомъ престолѣ 4). Онъ согласился ородниться съ бездомнымъ Ростиславомъ только послѣ Батыева похода, ода значительно присмирѣлъ 5). Съ этого времени Ростиславъ дѣй-

1) Они не желали образованія сильнаго государства въ ихъ содѣствѣ. По словамъ Татищева (III, 64—65), въ 1152 г. венгерскіе ельмужи и архіепископъ говорили королю слѣдующее: »лучше намъ, то Русскихъ князей больше, а не одинъ, и они въ несогласіи другъ руга воюя намъ не вредятъ, и намъ ихъ бояться не будетъ причины, ежели Владимирка отдать въ руки Изяславу, стыдъ тебѣ предъ всѣми осудари«.

2) Первое упоминаніе объ этой помолвкѣ С. Н. Палаузовъ (въ опогр.: »Ростиславъ Михайловичъ, русскій удѣльный князь на Дунаѣ«, сб. 1851, стр. 11) относить къ 1234 г., предпочитая мнѣніямъ венгерскихъ историковъ хронологію нашей лѣтописи. Онъ говоритъ, что ослѣ помолвки Ростиславъ находился въ войскѣ Белы IV подѣ Ярославемъ, а въ Ипат. лѣтописи »Ярославль, а за нимъ Владимиръ Воынскій были взяты Белой въ 1234«. 1234-й годъ не поставленъ ли мѣ ошибочно вм. 1231, подѣ которымъ именно стоятъ въ нашей лѣтописи упомянутыя С. Н. Палаузовымъ событія (см. Ип., 510). Въ ашей лѣтописи не говорится прямо объ этомъ сватовствѣ. Но и въ ей можно найти подтвержденіе венгерскихъ извѣстій. Подѣ 1243 г. въ ней говорится о Ростиславѣ: »и вѣдсть за нь *накы* король Угорьскый дочѣрь свою«... (Ип., 528).

3) Ип., 518 и 521.

4) Онъ отказалъ и Данилу, желавшему отбить невѣсту у соперника для своего сына и нарочно для этого пріѣзжавшему въ Венгрію ередѣ самымъ татарскимъ нашествіемъ (Ип., 523: »...ѣхалъ бѣ Данило низъ ко королеви во Угры, хотя имѣти с нимъ любовь сватьства; и е бы любви межи има«; сл. стр. 537).

5) Онъ считалъ это униженіемъ для себя, равно какъ и то, что ослѣ выдалъ дочь за Льва Даниловича. При болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ онъ искалъ бы лучшей партіи для дочерей. Вотъ что нѣ писалъ къ папѣ Иннокентію IV: »Nos... propter bonum christianitatis, majestatem regiam humiliando, duas filias nostras duobus ducibus luthenorum et tertiam duci Poloniae dedimus in uxorem... Amplius... lio nostro primogenito Cumanam quandam conjunximus, ut per hoc vitemus deterius«. Szalay, II, S. 71, Anmerk. 2.

ствовалъ противъ Даниїла уже не заодно съ отцомъ, съ которымъ поссорился ¹⁾, а совершенно независимо отъ него. Этотъ Ростиславъ отличался чрезвычайно безпокойнымъ характеромъ, свойственнымъ всей черняговской линіи князей, и, по справедливому замѣчанію писавшаго о немъ С. Н. Палаузова ²⁾, былъ »рѣзкимъ выраженіемъ удѣльнаго періода ³⁾«.

Венгры и Ольговичи были главными соперниками Даниїла по Галичу. Но въ промежуткѣ между попытками тѣхъ и другихъ, равно какъ и до полного еще отреченія Венгровъ отъ видовъ на Галичъ, когда бояре не надѣялись найти поддержку у послѣднихъ, они обращались къ двоюродному брату Даниїла—Александру Всеволодовичу Белзскому человекѣ довольно неправдивому ⁴⁾. Впрочемъ, онъ всегда готовъ былъ приставать и приставакъ къ Даниїловымъ врагамъ и помимо разсчетовъ на галицкій столъ. Онъ былъ издавна недоброжелателемъ Романовичей, потому что съ самаго ихъ малолѣтства имѣлъ замыслы въ принадлежавшій имъ по праву наслѣдства владимірскій удѣлъ ⁵⁾. Онъ былъ склоненъ поддерживать Романовичей въ ихъ стремленіи подчинити себѣ Галичъ ⁶⁾, но съ крайнею неохотою уступалъ имъ что-нибудь въ Волыни. Со времени утраты Владиміра Вол., онъ присоединился къ непріятелямъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, но это ни разу и доставило ему особенной выгоды.

Также не имѣли притязаній на Галичъ, но всегда поддерживал Даниїловыхъ враговъ еще какіе-то Болоховскіе князья, мѣсто жителей

1) Ип., 528.

2) »Ростиславъ Михайловичъ«, 26.

3) Другой отзывъ о немъ С. Н. Палаузова (ib., 6), что »лицъ это едва ли не изъ замѣчате льнѣйшихъ характеровъ XIII вѣка«, вылился подъ вліяніемъ увлеченія героемъ изслѣдованія, иногда довольно замѣтнымъ (см., напр., натяжку въ объясненіи неудовольствія Михаила ш сына).

4) Ип., 508 и 514. О немъ есть особенная статья, принадлежащая В. Ильницкому—подъ заглавіемъ: »Александръ князь Белзскій« помѣщенная въ »Зорѣ Галицкой на годъ 1860«. Впрочемъ, въ ней вѣтъ ничего замѣчательнаго.

5) Онъ сталъ помышлять о Владимірѣ съ тѣхъ поръ, какъ изъ него былъ изгнанъ Святославъ Игоревичъ.

6) Это обнаруживается изъ того, что въ 1208 г. по Ип. сп. онъ присоединился къ ополченію, шедшему добывать Галичъ для Даниїла (Ип., 485).

тва и происхожденіе которыхъ до сихъ поръ еще удовлетворительно не выяснены ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что они боялись

¹⁾ Большинство современныхъ ученыхъ (И. И. Шараневичъ: »Исторія«, 83 и 104; А. С. Петрушевичъ: »Гал. ист. сб.«, II, 110; Д. И. Зубрицкій: »Исторія«, III, пр. 112-е; С. М. Соловьевъ: »Исторія«, III, пр. 261-е; Н. П. Барсовъ: »Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи«, В. 1865, стр. 11) полагаютъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи. Но этотъ вопросъ едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ. Ученые прежде всего основываются на показаніяхъ извѣстнаго изслѣдователя русской географіи З. Д. Ходаковского, писавшаго въ двадцатыхъ годахъ. Онъ категорически заявилъ, что города Болоховскихъ князей находились въ Подоліи (Карамзинъ IV, пр. 20, стр. 10). Странно однако, что, имѣя обыкновеніе обстоятельно указывать положеніе различныхъ мѣстностей, онъ отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки и упомянулъ только о томъ, что на мѣстѣ древняго Кудипа находится Кудинка, которую мы, дѣйствительно, нашли въ Подольской губерніи, невдалекѣ отъ НовоCONSTANTИНОВА (см. 17-й и спец. карты европ. Россіи, изд. Воен. Топ. отд. Главн. Штаба. 1868). Это подрываетъ довѣріе къ основательности его свидѣтельства: не на основаніи ли одной Кудинки оно построено? Какъ нужно относиться въ настоящемъ вопросѣ къ Ходаковскому, показываетъ также то, что Бѣлобережье онъ причислилъ къ землѣ Болоховскихъ князей и, вмѣстѣ съ послѣднею, помѣстилъ въ Подоліи (о Бѣлобережьи см. ниже). Съ своей стороны, мы обращаемъ вниманіе на то, что въ средней полосѣ Волыни тянется рядъ селъ, названія которыхъ или одинаковы, или похожи на названія городовъ Болоховскихъ князей, занесенныя въ лѣтописи (см. Ин. подъ 1241, 526); къ первымъ мы относимъ: с. Деревичи (въ Новоградвол. у.; сл. мѣстное преданіе у Барсова на стр. 61. Въ томъ же уѣздѣ, вблизи слоб. »Деревичъ« и м. Черторіи мы встрѣтили »Деревичку«), »Губино« [въ Новоградвол. у.; въ Луцкомъ у. есть »Губинъ«; др. селеніе подобнаго же названія находится во Владимірскомъ у.; Н. П. Барсовъ указываетъ на с. Губкинъ, Под. губ., лежащее на южномъ Бугѣ (стр. 61), но это излишне, если есть »Губино«], Городецъ (въ Луцкомъ у., невдалекѣ отъ Болоховичъ), Дядьковичи (въ Ров. у. 2 сел. этого имени; въ лѣт. находимъ »Дядьковъ«) и Кудиновичи (въ Новоградвол. у., по р. Цѣрему, вблизи м. Яруня *); села съ похожими названіями: Кобга (въ Луцк. у.; въ лѣтописи есть »Кобудъ«), Божьевичи (въ Дубенскомъ у.) и Божевъ (въ Владимірскомъ уѣздѣ; тамъ же есть »Божанка«; въ лѣтописи читаемъ: »Божьскій«). Мы нашли даже селеніе, весьма напоминающее по своему названію древній Болоховъ; это -- Болоховичи, въ Луцкомъ уѣздѣ, въ приходѣ Полицъ, невдалекѣ отъ р. Стири и м. Чергорійска. Можетъ быть, у

*) »Кудина« мы не нашли. Карамзинъ указывалъ на Кодень, лежащій къ югу отъ Борестья (IV, пр. 20, стр. 10). Мы укажемъ на Кодню, м. Житомирскаго уѣзда.

утвержденіи Данила въ Галичѣ изъ опасенія подпасть его вліянію при чрезвычайномъ его усиленіи.

нынѣшнихъ Волоховичъ проходила сѣверная граница древней Болоховской земли. Въ связи съ этимъ считаемъ нелишнимъ указать на то, что въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ Кіевской лѣтописи упоминается Болоховъ, лежавшій на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ: «И поиде Мьстиславъ отъ Кіева второе недѣли по велики дни в по недѣлннвъ. И бысть вѣсть Давыдови, оже Мьстиславъ пошелъ, и послѣ Вододислава Ляха съ Половци по нѣмъ, и постигоша я у Болохова и ту стрѣлявшеса с ними възвратишася». Ип., 376, вар. 1. Въ Ип. сп. вм. «Болохова» поставлено «Борохова»; если чтеніе Ипатскаго списка предпочтительнѣе, то подъ «Бороховымъ» должно разумѣть теперешніе «Боруховъ»; находящійся въ Луцкомъ уѣздѣ]; находимъ также весьма интересный вариантъ у Татищева; подъ 1158 г. въ кіевской лѣтоп. говорится: «Сий бо Ярополкъ вда всю жизнь свою (Кіевонечерскому монастырю), Небѣскую волость и Дервскую и Лучскую, и около Кіева (Ип., 398); у Татищева читаемъ: «отдалъ всѣ волости свои, *Болоховскую Деревскую и Луцкую*» (III, 106).—Кромѣ показанія Ходаковскаго, ученые обращаютъ вниманіе на мѣстности, вблизи которыхъ являютсѣ Болоховскіе князья. Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что эти мѣстности также не даютъ права исключительно Подоліи присвоивать Болоховскихъ князей. Вмѣстѣ съ Болоховскими князьями Галичане приходили однаждѣ на принадлежавшій Давилу Каменецъ (Ип., 516); ученые полагаютъ, что подъ этимъ Каменцемъ нужно разумѣть Каменецъ-Подольскій (Д. И. Зубрицкій, «Исторія» III, 137; Н. П. Барсовъ, «Матеріалы», 87); несомнѣнно, что лѣтописный Каменецъ находился на мѣстѣ нынѣшней «Каменки», села Новоградвол. у., стоящаго у самой Случи, невдалекѣ отъ Колодежна; въ томъ же уѣздѣ къ сѣверу (вблизи м. Корца) встрѣчаемъ другую «Каменку», а къ востоку отъ Колодежна—«Камень». В лѣтописи читаемъ: «Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьскіи князи с ними, и *повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю*», Хоморъ—теперешняя Хомора (Хомура), лѣвый притокъ южной Случи и течетъ въ Волинской губ.; на то, что Каменецъ, о которомъ говоритъ лѣтопись, находился въ Новоградвол. у., указываетъ еще слѣдующее мѣсто лѣтописи о Батыѣ: «поиде самъ Володимерю (Вол.) и приде городу Колодяжну (о послѣднемъ см. въ II-й главѣ нашего труда). И *приде Каменцю, Изяславу; взяли я; видивъ же Кремлявѣцъ и градъ Даниловъ*... и т. д. (Ип., 523): Каменецъ здѣсь поставленъ рядомъ съ Изяславлемъ; теперешнимъ Заславлемъ, уѣзднымъ город. Вол. губ. Живя вблизи этого Каменца, Болоховскіе князья могли безъ особеннаго труда пробираться къ Бакотѣ (Бакота—селеніе на Днѣстрѣ между Ушицею и Каменцомъ Под. Барсовъ, «Мат.», 3), что мы видимъ однаждѣ (Ип., 526). Далѣе, мѣсто лѣтописи, находящееся въ Ип. сп. подъ 125 г., даетъ основаніе думать, что Болоховскихъ князей нужно искать именно въ средней полосѣ Волыни. Изъ него видно, что Мсжибожи

Всѣ перечисленные нами враги Данила въ борьбѣ его за Галичь постоянно дѣйствовали дружно.

не принадлежало къ Болоховской землѣ, равно какъ и Побожье [*•воеважутъ* людье Данилови же и Василкови *Болоховъ*, а Лвои *Побожье* и люди Татарьскыи • Ип., 555),—что Болоховская земля находилась къ сѣверу отъ Побожья [противъ нея были отпращены силы Данила и Василька, княжившихъ на Волини, а противъ Побожья воевали люди Льва, вняжившаго въ Галицкой области] и была смежна съ областью Бѣлобережцевъ и Чарнятинцевъ (*•Шварно же приде поймавъ города вся, и по немь придоша Бѣлобережцы и Чарнятинцы и вси Болоховци къ Данилу•*) (о Бѣлобережцахъ и Чарнятинцахъ см. въ наст. главѣ ниже). По словамъ лѣтописи (Ип., 527), Болоховскіе князья вторглись однажды въ Мазовецкую землю съ цѣлью грабежа (они воевали ее: *•не суть оои твои•*, говорилъ Болеславъ Данилу) и князь Мазовецкій *•хотяше разграбити е•*; на основаніи слова *•разграбить•* мы заключаемъ, что онъ хотѣлъ, въ отместку, опустошить ихъ землю [трудно допустить, чтобы оно было употреблено въ томъ значеніи, что онъ хотѣлъ забрать все находившееся при нихъ въ Польшѣ имущество]; а это показываетъ, что она находилась не на особенно далекомъ разстояніи отъ его владѣній; этого же нельзя сказать о верховьяхъ Бога (ю. Буга); вѣроятнѣе относить землю Болох. князей въ среднюю Волинь, откуда имъ легче было проникнуть въ Мазовію (обратите вниманіе на послѣднее обстоят.: Болоховскіе князья грабили не Краковскую область, на которую имъ естественнѣе было напасть, еслибы они шли съ юга, а Мазовецкую). Наконецъ, городъ Болоховскихъ князей *•Божьскый•*, по всей вѣроятности, былъ тождественнымъ съ *•Божьскимъ•*, о которомъ лѣтописи упоминаютъ еще въ XII ст. Послѣдній же въ одномъ мѣстѣ лѣтописи поставленъ рядомъ съ Острогомъ, Дубномъ и Черторыйскомъ (П. с. р. л., I, 116—117, г. 1106), а въ двухъ другихъ мѣстахъ рядомъ съ Межибожьемъ и Котельницею (Ип., 243 и 257; Котельница—Котельня Жит. у. на р. Гуйвѣ); С. М. Соловьевъ (*•Исторіи•*, II, пр. 242) говоритъ, что этотъ городъ долженъ былъ находиться на берегахъ Божка или Бужка, впадающаго въ восточный Бугъ у Межибожья; по его названію могло происходить и не отъ корня *•Богъ•* въ смыслѣ рѣки Бога (ю. Буга). Въ Кременецкомъ у. Вол. губ. есть гора Бужья или *Божья*. См. *•Вол. Губ. Вѣд.•* 1868, № 121. Одно только насъ пѣсколько смущаетъ: Владимірко *Галицкій; ида къ Кіеву*, шелъ на Болохово (изъ лѣтописи можно заключать, что такъ называлась цѣлая мѣстность), которое, по нашему предположенію, высказанному выше, лежало на одной широтѣ съ Кіевомъ, а потомъ мимо Мунарера прошелъ къ Володареву (Ип., 278); послѣдній же мѣстности находились въ южной части теперешней Кіевской губ. [о Володаревѣ см. у Барсова стр. 38; о Мунаревѣ можно судить только приблизительно; напр., онъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи упоминается певдалскѣ отъ Ярополча (Ип., 346), а Ярополчъ—Яроповца, сел. въ Сквирскомъ у. Кіевской

Вѣрнымъ союзникомъ Данила является кievскій князь Владиміръ Рюриковичъ, которому онъ помогаль противъ Черниговскихъ князей¹⁾;

губ. Барсовъ, 219; на картѣ Главн. Шт.—«Яроповичи»; еще упоминается онъ въ Ип. сп. на стр. 343]; так. обр., если принять наше мнѣніе о Болоховѣ, то придется думать, что Владимірко шелъ къ Киеву не прямымъ путемъ, а круто повернулъ съ сѣвера на югъ, для чего, повидимому, онъ не имѣлъ основаній. Впрочемъ, Яроповцы не особенно южныѣ Києва. Еще менѣе покажется извилистымъ путь Владимірка, если допустить, что Мунаревъ—теперешній Мухаровъ, Новоградъ. у., который, по широтѣ, немного выше Яроповецъ и не слишкомъ отдаленъ отъ нихъ.—Переходимъ къ вопросу о происхожденіи Болоховскихъ князей. Оно также загадочно, какъ и мѣсто ихъ жительства. Н. И. Костомаровъ («Моногр.», I, 218) считаетъ ихъ обособившимися отъ князей боярами; С. М. Соловьевъ склоняется къ тому, чтобы признати ихъ Ольговичами, поселившимися въ Подоліи [«Исторія», III, прим. 261—на основаніи слѣд. мѣста лѣтописи: «...нача посылати Михайль и Изяславъ, грозича: «дай напу братью (рѣчь идетъ о Болох. кн.), или прїдемъ на ти войною». Ип., 516],—вмѣстѣ съ Карамзинимъ (III прим. 346, стр. 127) и Арцыбашевымъ; Д. И. Зубрицкій полагасть («Исторія» III, 138), что это—крестившіеся и породнившіеся съ Черниговскими князьями Половцы, И. И. Шараневичъ («Исторія», 83 и 104) высказываетъ подобное же мнѣніе. Мы замѣтимъ отъ себя, что если это были чисто русскіе князья, существовавшіе съ древнѣйшихъ временъ, то не могло быть, чтобы они не принадлежали къ роду Рюриковичей. Рюриковичи, владѣвшіе русскою землею и признававшіи только за собою право на это, не допустили бы, чтобы какамъ-нибудь частица русскихъ земель подчинилась иному роду. Болохово въ 115 г., повидимому, принадлежало къ землямъ, признававшимъ власть Рюриковичей (Ип., 278); «Божскый» въ XII стол. также подчинился по слѣдствіямъ; если его считать тождественнымъ съ Бозкомъ вм. съ авторомъ указателя къ «Лѣтоп. по Ип. сп.», то это можно сказать по началѣ XIII (см. Ип., 487); но, кажется, что Бозкъ лежалъ западнѣе гдѣ-то, въ галицкой области. Болоховскіе князья могли быть и не Рюриковичи, но в такомъ случаѣ они явились въ періодъ смуты въ югозападной Руси в первой четверти XIII стол. Не бросаетъ ли пѣкотораго проблеска на ихъ происхожденіе слѣд. обстоятельство: въ Ип. сп. подъ 1231 г. говорится: «бѣ бо с королевичемъ Олександръ и Глѣбъ Зеремевичини князи Болоховьсци и Угорь множество» (Ип., 511); для чего употреблено слово «ипи» рядомъ съ словами «Глѣбъ Зеремевичъ». Обратимъ вниманіе на то, что въ началѣ XIII стол. Глѣбъ Зеремевичъ находился въ какой-то связи съ княземъ восточной Волыни, Мстиславомъ Пересопницкимъ (см. Ип., 488).—Что касается названій городов Болоховскихъ князей, то они—славянскаго корня, и подобныя имъ иныя встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ русской земли («Белехово поле» Ип., 407; «Кобудъ» есть въ Черниг. губ.; «Кудново». Ип., 264 и т. п.

¹⁾ Ип., 511, 513, 514, 516.

весьма часто содѣйствовали Даниилу также Половцы ¹⁾, часть которыхъ со времени татарскаго нашествія находилась у него на постоянной службѣ и была, вѣроятно, поселена въ его земляхъ ²⁾. Въ случаѣ надобности Данииль просилъ и получалъ помощь отъ Литовцевъ ³⁾.

¹⁾ Въ 1230 г. (по Ип. въ 1229) у Даниила были Котяновы Половцы, у короля—Бѣговарсовы (Ип., 507); въ 1233 г. по Ип. сп. опять помогали Даниилу Котяновы половцы (Ип., 513—514); въ 1236 г. (въ 1235 по Ип. сп., 516) они не захотѣли воевать противъ Даниила; это объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ женатъ на ввукѣ Котяна (см. Ип., 498 и 489).

²⁾ См. Ип. 528, 533, 538, 542, 543. Данииль породнился даже съ однимъ изъ хановъ, именно съ Тѣгакомъ (Ип., 543), который называется его свѣтомъ. У Длугоса подъ 1259 г. говорится: »Boleslaus Calissiensis... cum Boleslao Pudico Cracoviensi et Sandomiriensi Duce patrie, *Rathenorum et Cumanorum* habente auxilia...« (col. 756). Можетъ быть, эти Половцы были поселены на сѣверной окраинѣ Данииловыхъ земель. Ярошевичъ говоритъ объ южной части Ятвяжской земли: »sa ślady że z najdawniejszymi Ruskimi kolonistami, musieli w te strony przybyć i Połowcy, których nazwisko dochowało się do dziś dnia w kilku wsiach pogranicznych Brzeskiego powiatu« (Образъ Литвы, I, стр. 31). Въ примѣчаніи къ этому читаемъ: »Oprócz wsi i dworu Połowców, mieszkańcy wiosek Suchory, Stawiszcze, Piszczata, Hoła czyli Hoła, Suchodoł i Wólka połowiecka, od okolicznych wieśniaków pospolicie nazywani są Połowcami, którzy jednak w niczem się już dzisiaj od sąsiednich nie różnią Rusinów. Powtarzane dotąd między okolicznymi Rusinami przysłowie: »Połowców siem sioł, a odin tolko woł« nie nader korzystnie świadczy o ich przemysle rolniczym lub zamożności wiejskiej« (ibid., стр. 206). На югѣ принадлежавшихъ нѣкогда Даниилу земель мы также встрѣчаемъ села, наименованія Половцовъ; сюда относятся: »Половце« (въ австрійской Галиціи, недалеко отъ Чорткова), »Куманово« (въ Проскуровскомъ у.), »Кумановцы« (въ Летичевскомъ у.) и »Кумановка« (въ Бердичевскомъ у., недалеко отъ Махновки). Названіе Куманъ встрѣчается и въ нашихъ лѣтописяхъ (см., напр., П. с. р. л., III, 39). Половцы сразу должны были взмѣнить свой разбойническій характеръ: »Данииль же вооружився, поемъ вое свое, поиде рѣцѣ Сяну. Броду же глубоку сущу, и приѣхана Половци напередъ, и приехавше видипа стада ихъ, не бѣ бо стражъ ихъ у рѣки, *Половцемъ(ъ) же не смѣющимъ разграбити ихъ бес повеления княжа*« (Ип., 533). И. Д. Бѣляевъ (»Зап. Од. общ. ист. и древн., т. III, Од. 1853, ст.: »О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ, до водворенія въ этомъ краѣ монголовъ«, стр. 45) думаетъ ипаче объ отношеніяхъ ихъ къ Даниилу; по его словамъ, послѣ перваго татарскаго погрома »Половцы еще нѣсколько времени держались за Днѣстромъ на западъ до Дуная; они еще помогали въ разныхъ войнахъ Даниилу Романовичу до 1253 года«.

³⁾ Подробнѣе о томъ см. въ III-й гл.

Вмѣшательство Поляковъ въ русскія дѣла ограничивалось теперь тѣмъ, что они давали воевавшимъ вспомогательныя отряды, когда о томъ ихъ просили. Въ политикѣ ихъ относительно Руси не видно единадушия¹⁾ и строго выдержаннаго направленія²⁾.

Борьба Даниила за Галичъ началась весною 1230 г.³⁾ На первыхъ порахъ ему было довольно трудно состязаться съ конкурентами. Вотъ какъ описанъ въ галицко-волынской лѣтописи походъ Венгровъ вслѣдъ за первымъ занятіемъ Галича Данииломъ. «Изыде же Бѣла риксъ, рекъмый король Угорьскый, *в силъ тяжьцихъ*.... Данилови же молящуся Богу, *избави и Богъ отъ руки сильныхъ*⁴⁾». Романъ утвердился въ Галичѣ вслѣдствіе того, что одни изъ его сосѣдей боялись его, а другіе были съ нимъ въ союзѣ. Подобныя же обстоятельства доставили торжество и Даниилу. Сила галицкихъ бояръ была ему страшна въ то время, когда они получали поддержку извнѣ; равнымъ образомъ внѣшніе враги Даниила по Галичу не были для него опасны безъ боярской поддержки. Послѣ татарскаго нашествія бояре ни откуда не встрѣчали энергическаго вспомошествованія. Черниговскія волости Ростислава были опустошены; Венгрія — также; притомъ послѣдняя втянулась въ войну за австрійское герцогство⁵⁾. Уменьшилось число самихъ крамольниковъ⁶⁾.

1) Сынъ Лепка Бѣлаго, вмѣстѣ съ своею матерью, паходился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Даниилу, потому что послѣдній пребывалъ въ дружбѣ съ врагомъ его Конрадомъ Мазовецкимъ (Ип., 531 и 532).

2) Конрадъ вообще держалъ сторону Даниила [Ип. 507 и 532—534; неизвѣстно, какіе Ляхи помогали Васильку въ 1234 г. по Ип. сп.: стр. 516], но помогалъ и Михаилу, которому приходился дядею, будучи женатымъ на русской княжнѣ Агафій; на это родство указываетъ и наша лѣтопись (Ип., 521); Михаилъ и Ростиславъ нѣсколько разъ находили у него пристанище (Ип., 521).

3) По Ипатскому списку она началась въ 1229 г., послѣ помощи Даниила Конраду, *«времени минушу»*, когда Василько отправился въ Суздаль на свадьбу своего шурина (Ип., 505); Всеволодъ же Юрьевичъ, по свидѣтельству мѣстной лѣтописи (П. с. р. л., I, 193), женился 14-го апрѣля 1230 г.

4) Ип., 507.

5) И изъ выраженій лѣтописи можно замѣтить, что Венгры охладѣли къ мысли подчинить себѣ Галичъ. Они помогали Ростиславу только по его просьбамъ. Ростиславъ же *умоливъ* Угорь много, *просися* у тѣтя, да выидеть на Перемышль (Ип., 529). *«Ростиславъ молися тѣстеві своему королеви, да поплеть ему вой на Данила...»* (Ип., 531).

6) *«Ростиславъ собра князѣ Болеховьскыѣ и останокъ Галичанъ, приде ко Бакотѣ»*. Ип., 526.

И вотъ Данилъь начинаеть поступать рѣшительнѣе съ боярами: «Доброславу же и Григорю обоимъ ловящимъ на ся, слышавъ же Данилъь рѣчи ихъ, яко полны суть лъсти, и не хотять по воли его ходити, и власть его пному предати, сомыслив(ъ) же со братомъ, понужи же видя незаконис ихъ, и повелѣ его (въ Хлѣбн. и Погод.: я) изоямати¹⁾». Ярославская битва (въ 1245 г.)²⁾ окончательнѣо утвердила Данила на Галицкомъ столѣ. Замѣчательно, что въ галицко-волинской лѣтописи, на сторонѣ Ростислава въ эту послѣднюю его попытку, указывается одинъ Володиславъ, и изъ русскихъ бояръ его одного лѣтопись называетъ убитымъ по приказанію Данила³⁾. Была еще одна попытка отнять у Данила Галичъ—около 1254 года, но она была предпринята не по зову бояръ, а по старой памяти—въ надеждѣ найти въ Галичѣ пособниковъ противъ Данила, и подавленіе ея не стоило послѣднему большаго труда⁴⁾.

Побѣда Данила надъ галицкимъ боярствомъ была весьма важна: для Галича—въ томъ отношеніи, что онъ не подпалъ чужеземной власти

1) Ип., 525—526.

2) Ипатскій списокъ, по своему обыкновенію, относитъ ее невѣрно въ 1249 г.; невѣрность эту замѣтилъ еще С. М. Соловьевъ (III, пр. 322); къ сожалѣнію, писавшіе послѣ него изслѣдователи не обратили на это вниманія. По разсказу лѣтописи, эта битва случилась незадолго до путешествія Данила въ орду; путешествіе же это совершилось въ концѣ 1245 и началѣ 1246 г. (см. ниже, въ III-й гл.). Въ 1246 г. Данилъ, повидимому, помогаль уже Венгерскому королю, примирившись съ нимъ. Въ *Chronicon Salisburgense* подъ этимъ годомъ говорится слѣд: «*Rex Ungariae collecta magna multitudine pugnatorum, simulque Bruscie et Ruscie regibus, confinia Austrie invasit*» (Pertz, *Monumenta Germaniae historica*, IX, p. 789); что замѣчательно, подобное же извѣстіе находимъ подъ тѣмъ же годомъ въ Густынской лѣтописи: «Белъ, король Угорскій, имѣя рать со Фридрихомъ Ракускимъ княземъ, призва собѣ Данила въ помощь; Данило же прійде со Рускими и Татарскими полки, крѣпко бѣяшеса со Нѣмци, донелъ же побѣди ихъ и Фридриха уби (П. с. р. л., II, 341). Не разумѣется ли здѣсь подъ рускимъ царемъ Ростиславъ Михайловичъ, получившій удѣлъ въ Венгріи послѣ Ярославской битвы?

3) Ип., 534. Лѣтопись говоритъ еще о взятіи многихъ «отъ всѣхъ», т. е. сельчанъ. Густынская лѣтопись, напротивъ, говоритъ: (Данилъ) «потре его (Ростислава) вой, идѣже многихъ бояръ Галицкихъ непризнанныхъ Данилу тамо побивша, а другихъ живыхъ яша, но едпаче тыхъ всѣхъ повелѣ Данилъ побити» (П. с. р. л., II, 340).

4) Ип., 550.

и не сдѣлался добычею Венгровъ, короли которыхъ и послѣ Ярославской битвы титуловались »reges Galliciae Lodomeriacae 1)»; для южной Руси вообще это событіе было весьма благотѣльно потому, что, съ выходомъ изъ ея системы Галича, она сдѣлалась бы весьма слабою.

Помимо этого, пельзя не сочувствовать Данилу въ его борьбѣ съ боярствомъ. Оно крайне несимпатично. Выше всего ставило оно свой произволь и самовластіе. Неуваженіе къ личности оно распространяло и на особу князя, которому не стѣснялось заливать лицо чаею. Народъ, по мнѣнію бояръ, долженъ былъ быть покорнымъ орудіемъ ихъ власти и источникъ, изъ котораго они могли бы почерпнуть богатства. Н. И. Костомаровъ такъ говоритъ о преобладаніи боярства въ галицкой землѣ: »Здѣсь уже прорывались пачала того *панства*, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ козаковъ 2)«. Въмѣстѣ съ галицкимъ боярствомъ пала и единственная въ древнѣйшей нашей исторіи попытка образовать аристократію въ западномъ смыслѣ слова,—аристократію, какъ полную владычицу массы вслѣдствіе правъ, передаваемыхъ по наследству. Эта попытка была близка къ осуществленію и не удалась потому, что въ Галичѣ цѣною крайне энергическаго напряженія успѣлъ восторжествовать и вновь утвердиться строй остальной Руси; г. Смирновъ приписываетъ эту неудачу отсутствію единодушія въ дѣйствіяхъ галицкаго боярства 3), но мы показали уже, какъ неосновательно это мнѣніе: боярство ни въ чемъ не повредило своему дѣлу.

1) См. стр. 26 ст. Сума: »Историческое разсужденіе о Галиціи и Лодоміріи«, помѣщ. въ »Чт. въ И. Общ. ист. и др. р.« 1847, № 5. Впрочемъ, Бела IV не отказывалъ Данилу въ титулѣ короля. См. выше цит. письмо перваго: »Imago novae Hungariae a S. Timon, Uienae Austriae MDCCLIV.«, р. 80. Впервые Венгерскіе короли употребили этотъ титулъ въ извѣстныхъ намъ актахъ въ 1124 г. (Fejer, Codex diplom. Hungariae, II, стр. 67). Г. Бѣлѣвскій относитъ это къ Галичу Словацкой Руси (у Мадьяръ-Гачу), находящемуся надъ р. Тугрою (въ особ. ст. »królestwo Galicyi« и въ »Monumenta Pol. Hist.« Lwów. T. I, str. 514—515, прим. 57—58). Опроверженіе этого см. въ ст. А. С. Петрушевича: »Было ли два Галичи, княжескіи города, одинъ въ Угорско-словацкой области, а другій по сю сторону карпать надъ Днѣстромъ, или нѣтъ?« помѣщ. въ »Науков. Сборн., изд. литер. общ. Галицко-Русской Матицы« 1865, вып. I.

2) »Ист. мон. изсл.«, т. I, 242.

3) »Судьбы Черв. или Гал. Руси«, 32.

Рядомъ съ борьбою за Галичъ происходило присоединеніе къ Даниловымъ владѣніямъ и нѣкоторыхъ не отчинныхъ его земель. Въ первую половину своего княженія Даниль былъ далекъ отъ стремленія къ полному преобладанію въ югозападной Руси и отнятію удѣловъ у родственниковъ и вообще не имѣлъ сильнаго желанія сдѣлать возможно большею свою территорію. Получивши однажды въ Русской (т. е. кievской) землѣ г. Торцкій, Даниль отдалъ его дѣтямъ Мстислава Удалаго ¹⁾. Въ другой разъ, кромѣ Кіева, онъ готовъ былъ разстаться съ Луцкомъ ²⁾. Если нѣкоторые князья лишились своихъ владѣній, то были виноваты въ томъ сами. Такимъ былъ постоянно крамольничавшій противъ Данила Александръ Белзскій. Даниль нѣсколько разъ прощалъ ему и отдавалъ ему его Белзь и Червень ³⁾, но, наконецъ, вышелъ вѣроятно, изъ терпѣнія. Съ 1234 г., когда Александръ былъ пойманъ Даниломъ во время бѣгства въ Кіевъ, лѣтопись болѣе не упоминаетъ о немъ, а Белзь и Червень мы видимъ послѣ того во власти Данила ⁴⁾.

Утвердившись послѣ многолѣтней борьбы въ наслѣдственномъ галицко-волинскомъ удѣлѣ, Даниль не остановился. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ вѣроятно, подъ вліяніемъ татаръ, въ его головѣ созрѣла новая идея. Онъ началъ понимать, что старый порядокъ вещей былъ вреденъ для югозападной Руси и могъ привести ее къ потерѣ самостоятельности; ей нужно было быть сильнѣе, а это могло статься только при сосредоточеніи ея въ рукахъ возможно меньшаго количества лицъ и при подчиненіи одному роду всѣхъ другихъ. И Даниль началъ стремиться къ покоренію себѣ и своему брату всей югозападной Руси. Потому-то онъ былъ такъ недоволенъ на Волоховскихъ князей за то, что они подчинялись татарамъ: «Даниль же на нѣ большую вражду (держа), яко отъ татаръ болшую надежду имѣаху ⁵⁾»; по его мысли, они должны были примкнуть къ тому большому политическому союзу, который онъ готовился создать изъ всей югозападной Руси. О подобныхъ его замыслахъ извѣщаетъ также одна папская булла,

1) Ип., 511. Торцкій былъ уступленъ Данилу Владиміромъ Рюриковичемъ.

2) Ип., 521.

3) Ibid., 494, 498, 510, 513.

4) Ibid., 557 и 516.

5) Ип., 526—527.

въ которой Даниилу и Васильку разрѣшалось, согласно ихъ просьбѣ, подчинять себѣ владѣнія и земли другихъ князей, не признававшихъ церковнымъ главою Римскаго первосвященника ¹⁾.

Даниилъ жсмаль распространить свою власть на сѣверѣ до собственно-литовскихъ границъ, а на востокѣ—до Днѣпра ²⁾.

Неудачный исходъ его попытокъ овладѣть западною частію русскихъ земель, прилегавшихъ къ сѣвернымъ окраинамъ его княжества, мы увидимъ, когда будетъ говорить о борьбѣ его съ Литвою. Нѣсколько иной конецъ имѣли его притязанія на находившіяся къ востоку отъ Черной Руси Пинскія княжества. Передъ тѣмъ Пинскіе князья покушались отхватить часть лежавшихъ по сосѣдству съ ихъ территоріею земель югозападной Руси. Оттуда ихъ борьба съ Луцкими и Пересопницкими князьями ³⁾, а потомъ съ Данииломъ, противъ котораго они возбудили однажды цѣлую коалицію, не имѣвшую, впрочемъ, успѣха ⁴⁾. Окончилось тѣмъ, что они подпали вліянію Даниила ⁵⁾, отъ котораго старались освободиться, но напрасно ⁶⁾. Они сохраняли однакожь значительную долю самостоятельности.

1) Н. R. M., I, № LXVII: *«vestris justis precibus inclinati, recuperandi possessiones, terras, et alia bona ad vos hereditario, vel alio jure spectantia, que alii Reges, qui in Ecclesie devotione non permanent, contra justitiam detinent, et injurias seculari potentia propulsandi liberam vobis concedimus auctoritate predicta facultatem».* Ст. № LXXIV: *«...familia, possessiones, et alia omnia bona vestra tam mobilia quam immobilia quae in presentiarum rationabiliter possidetis, aut in futurum justis modis prestante Domino poteritis adipisci sub V. Petri et nostra protectione suscipimus»...*

2) Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить слова Миндоев: *«пришлю къ тобѣ Романа и Новгородцѣ, абы пошелъ ко Возвьяглю, оттуда и къ Киеву»* (Ип., 555).

3) Ип., 482: *«тогда же яша Володимера Пиньскаго, бѣ бо Иньггаръ с Ляхы и Мьстиславъ».*

4) Ип., 502—503.

5) Уже около 1229 г. одного изъ нихъ мы видимъ какъ-бы «не службѣ у Даниила: *«...остависта же в Берестини Володимера Пиньскаго и Угровъчаны и Берестьяны, стереши землѣ отъ Ятьвязь»* (Ип., 503) Даниилъ и Василько ѣздили въ Пинскъ, какъ въ свой собственный городъ (Ип., 530).

6) Ип., 530 (подъ 1247): *«во Пиньски Михаилъ даль бѣ Литвѣ вѣсть»*, что идетъ Даниилъ. Ип., 543: *«Данило же поиде с братомъ Василькомъ и со сыномъ Львомъ, и с Половци, со свагомъ своимъ Тѣгакомъ, и приде къ Пиньску; князи же Пиньсци имѣяху вѣсть, и поѣ со собою неволею на войну».*

Точно также и на востокѣ, рядомъ съ удачею, Данила постигла неудача. Тутъ мы замѣчаемъ такое же стремленіе къ самостоятельности, какое видѣли въ Пинскихъ князьяхъ, но оно заслуживаетъ гораздо большаго вниманія. Жители земель, прилегавшихъ къ восточнымъ окраинамъ Данииловыхъ владѣній и простирившихся до Дѣпра, не вѣютъ и не желаютъ имѣть князей—Рюриковичей, а предпочитаютъ подчиняться прямо татарамъ, подъ владычествомъ которыхъ они могли вести чисто общинную жизнь, и вступаютъ для охраны себя въ союзъ. Таковы были жители Бѣлобережья ¹⁾, Возвягля ²⁾, Чарпятинцы ³⁾, жи-

1) Мнѣнія о мѣстѣ Бѣлобережья см. на стр. 20-й книги Н. П. Барсова. Мы согласны съ предположеніемъ М. П. Погодина, что подъ древнимъ Бѣлобережьемъ нужно разумѣть теперешнее м. Бѣлобережье Дубенскаго у. Вол. губ. Мы не видимъ, чтобы это какъ-нибудь противорѣчило лѣтописи, что утверждаетъ г. Барсовъ. Лѣтопись того не говоритъ, что Бѣлобережье находилось возлѣ самой Случи. Вотъ ея слова: Данииловъ воевода «стрѣте рать во Бѣлобережь, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣки Деревное, изъ лѣса Чертова». Кого гонили, спрашивается?—отрядъ Данила; это видно изъ словъ его самого: «идуть паю» и изъ того, что, когда Данилъ повелъ на Венгровъ, они «увѣдавши *возвратившася* къ Галичу» (Ип., 511); это ясно и изъ на- правленія, въ которомъ удалялись преслѣдуемые: они отступали на востокъ, потому что Чертовъ лѣсъ находился къ востоку отъ Случи (Ип., 285). Понятно послѣ этого, что Бѣлобережье *могло находится* къ западу отъ Случи; противники встрѣтились въ немъ, Данииловъ Владиславъ отступилъ тотчасъ къ Случи, тутъ завязалась битва, Владиславъ перешелъ Случь обратно и уходилъ на востокъ.—Въ лѣтописяхъ встрѣчается еще Дѣпровское Бѣлобережье (П. с. р. л., I, 22 и 31). Бѣлобережьемъ же называются берега Луги въ предмѣстіи Владиміра Вол.

2) Простонародье и теперь называетъ Новоградволинскъ Звяглемъ.

3) Чарпятиновъ есть нѣсколько. Изъ извѣстныхъ намъ одинъ находится въ Заславскомъ у. Вол. губ., на р. Икопоти, въ 10 в. отъ Староконстантинова; другой («Б. Чернятинъ») и третій (просто «Чернятинъ») — въблизи Самгородки въ Бердичевскомъ у. Кіевской губ.; за- тѣмъ: невдалекѣ отъ Староконстантинова есть «Чернятинокъ» и «Б. Чернятина»; невдалекѣ отъ Уманова въ Под. губ. — «Чернятинцы»; на р. Ровкѣ въ той-же губ. — «Чернятинъ». Мы не можемъ сказать, которое изъ этихъ поселеній древнѣе; намъ извѣстно только о Чернятинѣ Заславскаго у., что онъ существовалъ уже въ XVI в. (см. 6-й № «Вол. Губ. Вѣд.» 1868). Значительное количество селъ съ этимъ именемъ не свидѣтельствуютъ ли объ обширности территоріи лѣтописныхъ «Чарпятинцовъ»?

тели Сѣмоця ¹⁾, городовъ по Тетереву, Городка ²⁾, Межибожья и вообще всего Побожья и Приднѣпровья ³⁾. Понятно, что Данииль, обнаруживъ желаніе подчинить ихъ своей власти, долженъ былъ встрѣтить отъ нихъ сопротивленіе, какъ и отъ извѣстныхъ уже намъ Болоховскихъ князей. Конечно, оно бы ихъ не спасло, при значительности силъ Даниила въ сравненіи съ ихъ силами. Возвѣгляне сначала смѣялись, когда увидѣли, что у Шварна только 500 человекъ. »Наутрѣя же приде Данииль со многомъ множествомъ полкомъ, со братомъ си и со сыномъ Лвомъ; видивше же гражанѣ, и ужасъ бысть в нихъ, и не стерпѣша и вдашася ⁴⁾«. Оттого-то поддались Даниилу между 1254 и 1258 гг. и остальные противившіеся ему: Бѣлобережцы, Чарятинцы, жители притетеревскихъ городовъ, Побожья и даже столько разъ крамольничавшіе Болоховцы ⁵⁾. Но, къ несчастію, онъ долженъ былъ остановиться на этомъ, потому что татары не позволили двинуться далѣе. Послѣ Батыева нашествія Данииль не владѣлъ уже Кіевомъ, который, съ удаленіемъ изъ него Михаила, былъ отданъ татарами суздальскимъ князьямъ ⁶⁾.

¹⁾ Сѣмоць, по словамъ Н. П. Барсова (стр. 194, 184, 164),—сел. Симаки, находящееся въ Заславскомъ у., къ сѣверовостоку отъ м. Полоннаго Новоградвол. у.; на картѣ »Семаки« лежатъ къ сѣверозападу отъ этого мѣстечка. Тоже названіе носятъ еще два селенія: »Симаки« въ Подольской губ., невдалекъ отъ Хмѣльника, и »Семаки« въ Жит. уѣздѣ, къ сѣверу отъ Бердичева.

²⁾ По мнѣнію Н. П. Барсова, едвали, впрочемъ, вѣрному, это—Райгородокъ, мѣст. Вол. губ., Жит. у., на дорогѣ изъ Бердичева въ Хмѣльникъ..

³⁾ О послѣднихъ находимъ извѣстіе у Пано-Карпини. По его словамъ (»Собраніе путешествій къ Татарамъ«, Спб. 1825, стр. 10), Каневъ (villa Canova) зависѣлъ непосредственно отъ татаръ, равно какъ и другое какое-то селеніе (Пано-Карпини его не называетъ); они были управляемы начальниками, которые у Пано-Карпини названы praefecti.

⁴⁾ Ип, 556.

⁵⁾ Ibid., 555.

⁶⁾ По словамъ Никоновской лѣтописи (III, 8), Батый, послѣ взятія Кіева, оставилъ въ немъ своего воеводу; это извѣстіе, вѣроятно, также несправедливо, какъ и то (ibid., 9), что онъ посадилъ своихъ воеводъ по другимъ городамъ югозападной Руси. По крайней мѣрѣ, послѣ татарскаго нашествія Михаилъ Черняговскій возвратился къ Кіеву и, повидимому, владѣлъ имъ, потому что, по словамъ галицко-вол. лѣт. (Ип., 524), онъ жилъ подъ нимъ на островѣ. Ближе къ истинѣ сказаніе Воскресенской лѣтоп. (II. с. р. л., VII, 153): въ моментъ на-

Такимъ образомъ, дѣло Романа не было вполнѣ возстаповлено Данииломъ, хотя послѣдній и называлъ себя, по словамъ Стрыйковскаго ¹⁾, государемъ всей Руси; господство линии Романовичей во всей юго-западной Руси и единеніе послѣдней длились одинъ только, такъ сказать, моментъ (передъ татарскимъ нашествіемъ). Къ тому именно времени относится сказанное въ Ипатскомъ спискѣ о Даниилѣ подь 1250

паденія татаръ «ниги затворипася во градѣхъ: то тѣ со слезами и поканіемъ Богу молишуся, ти тако отъ поганыхъ немилостиво избіены быша, а иже кряхуся въ пещерахъ, и въ горахъ и въ лѣсахъ, мало тѣхъ остася. тѣхъ же не по колницѣхъ временехъ оставиша во градѣ, сочташа а въ число, и нача на нхъ дань имати... Жизнь въ разоренномъ Кіевѣ не могла показаться пріятною Михаилу, и онъ «много плакавъ п слезы испустивъ, иде въ Черниговъ на великое княженіе» (Ник. III, 20). Это случилось, вѣроятно, вскорѣ послѣ его прибытія въ Кіевъ. Въ 1246 г. (доказательство этой даты см. ниже, въ III гл.) въ Кіевѣ сидѣлъ подъ татарскимъ надзоромъ намѣстникъ Ярослава Всеволодовича (Всеволодовичемъ называетъ Ярослава и Густынская лѣтопись: П. с. р. л., II, 341) Дмитро Еяковичъ (Ип., 535), и его-то, вѣроятно, исказивши его имя, Плано-Карпини называетъ Монгротомъ (стр. 214 «Собр. пут. къ тат.», гдѣ говорится, что Монгротъ «avec tous les siens au païs de Corrensa»); Кіевъ достался Ярославу, думаемъ, въ 1243 г., когда онъ былъ утвержденъ Батыемъ въ старѣйшинствѣ [Ник. III, 18; Густ. лѣт., описывая путешествіе въ орду Михаила Черниговскаго, называетъ его также «Кіевскимъ» П. с. р. л., II, 342]. И. И. Шараневичъ предполагаетъ, что упоминаемый галицко-вол. лѣт. Ярославовъ намѣстникъ былъ посаженъ не Ярославомъ Суздальскимъ, а Ярославомъ Ингваревичемъ («Исторія», 92—93, 104, 120); но, еслибы Кіевъ принадлежалъ Ярославу Ингваревичу, то онъ самъ бы въ немъ сидѣлъ: Ярославъ Ингвар. принадлежалъ къ числу второстепенныхъ князей и не имѣлъ хорошаго удѣла; притомъ въ нашу пользу говоритъ слѣдующее извѣстіе. Въ 1249 г. *Батый* отдалъ Кіевъ и всю русскую землю Александру Невскому, а Владиміръ на Клязьмѣ его брату [Ник. III, 31. Татин. (IV, 22) прибавляетъ: «по завѣту отца ихъ». Соображенія о послѣдней фразѣ см. въ «Исторіи» С. М. Соловьева III, 191—192 (по изд. 1862)]. Александръ хотѣлъ было отправиться въ свое новое княжество, но новгородцы отсовѣтовали ему (Тат., IV, 22). Затѣмъ до конца XIII стол. извѣстія о Кіевѣ крайне скудны. Говоря подь 1263 г. о смерти Александра Невскаго, Густынская лѣтопись называетъ его, между прочимъ, кіевскимъ княземъ (П. с. р. л., II, 343), а подь 1271 г. она такъ называетъ Ярослава Ярославича (*ibid.*, 344). Потомъ Кіевъ нѣсколько разъ упоминается только какъ резиденція митрополитовъ (см., напр., Ник., III, 58).

¹⁾ I, 286.

г., что онъ «былъ великъ, обладать Рускою землею, Кысовомъ и Володымеромъ и Галичемъ, со братомъ си инѣми странами 1)». Романовичи принуждены были довольствоваться Галичемъ и Волыною, какъ главными своими владѣніями. Къ этому основному ядру притягивались и вокругъ него группировались по сѣвернымъ и восточнымъ окраинамъ и другія земли, но вообще внѣ этихъ двухъ составныхъ частей граница перѣдко мѣнялась.

Оставались неизмѣнными только югозападные и западные рубежи.

Здѣсь при Даниилѣ Русь соприкасалась съ Венгріею и Польшею, какъ и прежде, въ слѣдующихъ пунктахъ.

Съ Венгріею она граничила на всемъ протяженіи по Карпатскимъ горамъ 2), которыя назывались или просто *Горомъ* 3), или горами *Угорскими* 4), или горами *Кавкасийскими* 5); нѣкоторыя ихъ части носили отдѣльныя названія; такъ, для одной изъ нихъ находимъ прозвище *Борсуковъ дѣль* 6). Русскія поселенія находились въ самыхъ горахъ 7).

1) Ип., 536. И. И. Шараневичъ думаетъ, что Даниилъ владѣлъ всѣми этими землями и во время путешествія въ орду; но въ лѣтописи говорится о прошедшемъ времени: «Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу (а не «обладающе») Рускою землею... странами: нынѣ сѣдять на колѣну и холопомъ называется... Ип., 536.

2) Слова Богуфала (Соммерсбергъ, II, 27): «Cui [i. e. Boleslao] Salomon, Rex Hungarorum, cum suo exercitu in montanis Russie et Hungarie ad suum Regnum volens prohibere ingressum, occurrit»; Болеславъ шелъ изъ Россіи.

3) Ип., 282, 300, 373, 495, 518.

4) П. с. р. л., I, 2, 10—вар. V, 60. Ип., 499, 507.

5) П. с. р. л. I, 2; Ип., 499. Интересныя соображенія объ этомъ названіи см. въ «Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten Völker in Aiterthum und im Mittelalter von Dr. Isidor Szaraniewicz» (Lemberg, 1871).

6) Ип., 518; теперь—*Borszek*: М. П. Погодина «Ислѣдъ», IV, 206. Дѣль—раздѣль; см. 13-ю стр. книги Н. П. Барсова.

7) Позднѣйшее извѣстіе называетъ слѣдующіе города въ Карпатскихъ горахъ: Корочюновъ камень, Сочаву, Сереть, Баню, Нечюпи (П. с. р. л. VII, 240).—Близъ источниковъ Прута, недалеко отъ Черной горы, читаемъ урочище, называемое Городкомъ и т. п. «Ислѣдованіе на поли Отечественной географіи и исторіи Д-ра Исидора Шараневича». Львовъ, 1869. Стр. 80.—Здѣсь едва ли слѣдуетъ пользоваться выраженіемъ «Сл. о п. Иг.» объ Ярославѣ Осмомыслѣ: «подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными пльки»; по смыслу этой фразы, русскіе не проникали въ горы.

Въ горныхъ ущелияхъ нерѣдко основывались монастыри; туда по преимуществу стремились благочестивые люди, потому что могли тамъ наслаждаться уединеніемъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Намъ извѣстно три такихъ монастыря: Лелесовъ ¹⁾, Сяневодскій ²⁾ и Половипскій ³⁾. Горы были покрыты большими лѣсами ⁴⁾. Было немало проходовъ ⁵⁾.

У истоковъ Ролы въ Карпатскихъ горахъ начиналась граница Руси съ Польшею. Здѣсь она была съ древнѣйшихъ временъ ⁶⁾; тутъ же, по не подлежащему никакому сомнѣнію историческому свидѣтельству, она находилась и нѣсколько позже Даніила ⁷⁾; не можемъ не думать, что

1) Ип., 487. Лелуховъ? см. »Измѣд.« Шараневича, стр. 72.

2) Ип., 523. Сяневодскъ—при впаденіи р. Опора въ Стрый. »Измѣд.« Шараневича, 72. Сл. »Гал. ист. сборникъ«, вып. I (Львовъ, 1854), стр. 82—83, прим. 24.

3) Половинами и теперь наз. часть горнаго Карпатскаго хребта въ Галпчинѣ. О монастыряхъ въ горахъ и вообще о слѣдахъ поселеній см. въ »Измѣд.« Шараневича, 72—73.

4) Швандтнера »Scriptores rerum Hungaricarum«, I. M. Rogerius de destruct. Hung. per Tartaros, cap. XX: »Rex Cadan - - per silvas iter trium dierum habens, pervenit ad divitem Rodanum... Анонимъ потарій Бели (ibid), писавшій въ XIII стол. о проходѣ Венгровъ въ Паннонію чрезъ Владимірскую и Галицкую землю на основаніи современнаго ему положенія послѣднихъ странъ (такъ смотрятъ на его сказаніе всѣ почти ученые) упоминаетъ о *silva Houos*, находившемся въ горахъ съ русской стороны; для того, чтобы Венгры могли пройти чрезъ этотъ лѣсъ, Галицкій князь »duo millia sagittariorum et tria millia rusticorum anteire praeparit, qui eis - - viam praepararent«.

5) О нихъ см. »Измѣд.« Шараневича, 72—73, гдѣ указано ихъ до шести. Важнѣйшіе проходы были укрѣплены какъ съ русской стороны, такъ и съ венгерской (ibid., 75—77, 49).

6) Съ начала XI стол. См. Anonymi gesta Hungarorum. Сл. выдержку изъ Vita S. Stephani въ »Geschichte Polens von Dr. Richard Koepeli«, I-ter Th. (Hamburg, 1840), V-te Beilage, S. 653; сл. также стр. XXII—XXIII прим. къ I-му т. соч. Казимира Стадницкаго »Synowie Gedymina« (Lwów, 1849). Тутъ-то, вѣроятно, сохранился Владиміръ Св. съ Чехами. О немъ говорится: »п бѣ жива съ князи околними мпромъ, съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихэмъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы« (П. с. р. л., I, 54). Границы Чехіи въ самое цвѣтущее ея время доходили до Татаръ. Мошн. Pol. hist., I, str. 856.

7) При его сыпѣ Львѣ. Длугошь говоритъ (lib. I, col. 35): »Bieszczad, mons prope castrum Sobiense terras Polonicales a Pannonicis determinans. In illius enim vertice situatus est lapis Ruthenicis inscriptus

она имѣла тамъ мѣсто и въ самое цвѣтущее время югозападной Руси, т. е. при Даниилѣ. Нѣкоторыя названія тамошнихъ мѣстностей также наводятъ на то, что тамъ была постоянно граница ¹⁾. При Даниилѣ упоминается въ тѣхъ краяхъ г. Теличъ ²⁾, но безъ прямого обозначенія, кому онъ принадлежалъ ³⁾; по нашему мнѣнію, больше основаній предполагать, что онъ составлялъ достояніе русскихъ. Тамъ же былъ, кажется, только нѣсколько южнѣе, Лелесовъ монастырь ⁴⁾. И въ настоящее время въ тѣхъ мѣстностяхъ живеть русское племя ⁵⁾, искони населявшее тѣ страны ⁶⁾. Передовыя поселенія его на западѣ доходятъ даже до р. Дунайца ⁷⁾ и отстоятъ въ 10 всего миляхъ отъ Кракова ⁸⁾;

litteris, et à Leone quondam duce *Russiae* locatus limites Regnorum *Poloniae et Hungariae* demonstrans. Названіе Бескидъ прилагается въ Карпатскихъ горахъ ко многимъ мѣстностямъ. См. »Изслѣд.« Шараневича, 7, прим. 4. Здѣсь же Длугошъ разумѣлъ Бескидъ указаннаго нами выше мѣста. Мы находимъ »Sobniow« ниже »Jasło« (см карту, прилож. къ »Изсл.« Шараневича). Подобныя названія въ др. мѣстностяхъ см. у И. И. Шараневича на стр. 91 (онъ, впрочемъ, ищетъ »castrum Sobiense« Длугоша на основаніи словъ послѣднихъ, слѣдующихъ непосредственно за приведеннымъ мѣстомъ, у источниковъ Сяна и Днѣстра; см. стр. 82; у Длугоша говорится вотъ что: »Ex hoc monte (i. e. Bieszczad, et ad ejus verticem hi fluvii insignes et memorabiles, orti consurgunt, videlicet *Dniestr, San, Styr, et Cissa*, et in subiectas regiones, videlicet *Poloniam, Russiam et Pannoniam*, diverso itinere ex ipsa montis summitate decurrentes franguntur«). На западъ отъ Ретну находимъ Przysłup (Шараневича »Изслѣд.«, 90).

1) »Изслѣд.« Шараневича, 90.

2) Теперь—Тыличъ, село въ Сандецкихъ горахъ. »Исторія« Шараневича, 102, прим. 59.

3) Ип., 566.

4) См. »Изслѣд.« Шараневича, 72. Если такъ, то возлѣ Телича пролегалъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ то время путей изъ Руси въ Венгрію: въ 1213 г. возлѣ Лелесова монастыря проходилъ венгерскій король (Ип., 487); въ 1240 г. тою дорогою шель въ Польшу Даниилъ (Ип., 523), а въ 1260-хъ годахъ мы видимъ его на томъ пути отправляющимся въ Венгрію (Ип., 566). По словамъ Авон. Нотарія, тою дорогою шли Венгры.

5) »Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Von D. Zubrzycki. Lemberg, 1849«, S. 23—24.

6) Ibid., 26—39.

7) Ibid., 23. См. также ст. »Русины-Лемки« въ »Зорѣ Галицкой« 1860.

8) Ibid., 25. Герберштейнъ (»Записки о Московіи«, перев. Анонимова, Спб. 1866, стр. 8) говорить: »Руссія граничитъ съ сармат-

по отодвигать туда границы югозападной Руси при Даниилѣ мы не имѣемъ основаній и думаемъ вмѣстѣ съ Д. И. Зубрицкимъ ¹⁾, что жители этихъ странъ спокойно признавали власть краковскихъ князей ²⁾. Съ окончаніемъ р. Ропы, русская граница шла по лѣвую сторону Вислова ³⁾, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—по р. Вислокѣ ⁴⁾. Отъ нижняго те-

скими горами недалеко отъ Кракова«. Такъ было и въ XVII в.; см. показаніе Красинскаго («Gränzen» 18, Anm. c). И при Мечиславѣ I (970—990) простирались »fines Russiae usq. in Cracova«; ib., 21. Приведемъ еще слова Длугоша о Тынцѣ, весьма сюда подходящія: »Pulchrum patriae ctenodium et fortis contra hostias insidias munimen, locus vetustus, et in quo etiam in prioribus aetatibus, propter eminentiam collis, nusquam arx deerat«.

¹⁾ Ibid., 28. Безпристрастный польскій историкъ г. Стадницкій («Syn. Ged.», I, przyp. 97, str. XXIII) говоритъ: »Po dziś dzień zaś osady rusko-polskie rozciągają się wzdłuż Karpat aż po nad rzekę Poprad, której przeciwne brzegi zajęte są przez ich pobratymców węgierskich Rusinów. Dopóki więc dowiedzionem nie będzie współczesnem dokumentami, że te osady rusko-polskie (sic) jeszcze przed zaborem Kazimierza wielkiego do Polski należały, przyjąć wypada, iż stanowiły część ziemi sanockiej, a przez to samo Rusi czerwonej, przez tęgoż króla zawojowanej«.

²⁾ Не мѣшаетъ вспомнить при опредѣленіи русскихъ границъ въ тѣхъ мѣстахъ, что Володаръ былъ захваченъ въ плѣнъ, по словамъ Длугоша (lib. IV, col. 418) подъ *Wissokie*, а Владимірко простиралъ свои набѣги »usque versus *Biecz*« (ibid., col. 423).

³⁾ Дер. Ропы, находящаяся въ разстояніи одной мили отъ Вислова, по лѣвую его сторону, и лежащая неподалеку отъ Кросно, въ грамотѣ Казимира В., выданной въ 1348 г., называется состоящею »in terra Russiae«. »Gränzen«, S. 6—7. См. тамъ же (S. 15) еще документъ 1434 г.—Длугошъ (ad a. 1126, col. 425) говоритъ о Владиміреѣ и Ростиславѣ Володаревичахъ: »...collecto autem qualicumque exercitu, illum (Duces soli ire parum ausi) ad vastandum Poloniam transmittunt. Qui et ipse favore percussus, vix fines Poloniae attingens, aliquot villis circa *Wisłoka* (обращаемъ вниманіе на то, что упоминается не Вислокъ, а Вислока) crematis, rediit.

⁴⁾ »Изслѣд.« Шараневича, 90, прим. 88: »Осады: Słupiec на полночь отъ Pilzna надъ Вослокою, Słupiec Wielki i Mały коло Dąbrowy, Słupia коло Limanowa, Słup Maziarza коло Nista i Jeżowa, Столпы заразъ за границею, все то въ тѣхъ сторонахъ Надвислаискихъ, где два словянскіи народы стикалися«.—Польскіе историки, за исключеніемъ г. Стадницкаго, напротивъ, отодвигаютъ границы на востокъ. Не то мы видимъ въ польскихъ сочиненіяхъ прежнихъ вѣковъ, когда писали безъ задней мысли. Д. И. Зубрицкій приводитъ изъ нихъ нѣсколько такихъ мѣстъ. Прибавимъ отъ себя пропущенныя имъ слова Бѣльскаго, жившаго еще въ XVI в. (Зубрицкій выбралъ слова писателей XVII в.),

ченія послѣдней ¹⁾ граница тянулась, по всей вѣроятности, поперечною (отъ запада къ востоку) линіею до р. Вислока ²⁾, можетъ быть, — до того мѣста, гдѣ при немъ находится *Ruska wieś* ³⁾, затѣмъ поднималась по Вислоку до впаденія его въ Сянь ⁴⁾. Русскія земли этихъ мѣстностей, расположенныя по плоской возвышенности, прилегавшей къ Карпатскимъ горамъ, носили названіе Горной страны и Подгорья ⁵⁾; также

второй говоритъ о своихъ предкахъ: »na on czas będą w poszrodku nieprzyjaciół, w ciaznym mieyscu, jako w ogrodku zamknieni, oganiali się w małym poczcie wielom nieprzyjaciół możnym, i zdobywali pod nimi wiele krajin żyznych, zwłaszcza Ruskich, Pruskich, y innych: bo na ten czas tylko samey Polski było od rzeki Odry aż do Wisłoka: od wschodu słońca Rusacy szeroko panowali, od zachodu Niemcy, na północy Mazowsze z Prusy. « *Zbiór pisarzy polskich, cz. IV. T. XI. Kronika Polska M. Bielskiego.* Warsz. 1829. Посвященіе Сигизмунду III, str. XIII. Здѣсь граница указывается все-таки ближе къ истинѣ, чѣмъ въ теперешнихъ сочиненіяхъ. Какъ вообще мала была польская территория въ разсматриваемое нами время, видно изъ слѣдующихъ выраженій письма Краковского еп. Матѳея къ Бернарду Клервосскому (1143 или 1144 г.): »Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili seu sideribus adaequata... Nec modo in Ruthenia, quae quasi est alter orbis...

¹⁾ Сл. слѣдующія слова Д. И. Зубрицкаго: »...der Fluss Wisłoka, von seinen Quellen angefangen, wenn nicht bis zur Mündung in die Weichsel, so doch wenigstens bis zur Gegend der Stadt Brzostek die natürliche Gränze zwischen dem halizisch—russinischen Königreiche einerseits, und dem Herzogthume Krakau und Sandomir, oder dem später so genannten klein-Polen andererseits bildete.« (Gränzen, S. 22).

²⁾ Въ грамотѣ 1354 г. Казиміръ В. даетъ Иоанну Пакославу *opidum Rzeschouiense cum suo toto districtu, in terra Russiae situm, secundum quod antiquitus per Serenissimos duces Russiae extitit limitatum* (изъ слѣдующихъ словъ видно, что эта земля была завоевана только Казиміромъ; именно) *quibus divina clemencia legitimus successor extitimus et eiusdem terre Russiae dominus principalis, cum omni jure et pleno dominio prout soli jus nacti sumus*.... См. также обозначеніе границъ даннаго участка въ той грамотѣ: *villa Dambrowa* (Г. Стадницкій въ »Syn. Ged.«, I, przym 97, str. XXII говорятъ: »według tych słów była to Dąbrowa dziś przyległość dóbr Wrzawa, nad ujściem Sanu do Wisły w rzeszowskim obwodzie») называется принадлежащею къ Сандомирской землѣ; Лежайскъ былъ пограничнымъ русскимъ городомъ. Русскіе живутъ тамъ и теперь («Gränzen», S. 10—12).

³⁾ См. карту, приложенную къ »Измѣдованію« Шараневича.

⁴⁾ Переворскъ, лежащій къ востоку отъ Вислока, подъ 1281 г. упоминается въ Ип. сп. (стр. 522), какъ принадлежащій Льву.—Также въ актахъ XV-го стол. онъ является городомъ русскаго воеводства.

⁵⁾ Ип., 525 и 516.

азывались смежныя польскія земли¹⁾. Отъ впаденія Вислока въ Янь²⁾ граница тянулась полями къ Вепрю мимо какихъ-то »Воротъ³⁾«, Цекарева, Сутѣйска⁴⁾ и Терпава⁵⁾ и на пѣвторомъ разстояніи шла о теченію этой рѣки⁶⁾. Извѣстны изъ лѣтописи слѣдующія пограничныя мѣстности Руси съ этой стороны: Грабовецъ⁷⁾, Орельскъ⁸⁾, Грубеовъ⁹⁾, Верщянь¹⁰⁾, Ухави¹¹⁾, Комовъ¹²⁾, Холмъ, Стольце, Угровескъ¹³⁾,

1) Пп. подъ 1244 (стр. 529): »самъ Данило воева... дворянскій е Ондрѣй по Сяпу, а Выпата воева *Подгорье*«.

2) Нижнее теченіе Сяпа принадлежало Полякамъ: въ 1244 г. по патскому списку (стр. 529) Даниловы войска опустошали его побѣжья (см. пред. прим.).

3) Ип., 572.—Соображенія о мѣстѣ ихъ нахождения см. въ »Изсл.« Гравевича (стр. 77); по всей вѣроятности, лѣтописныя »Ворота« жно искать на мѣстѣ нынѣшняго поселенія »Worotny«.

4) Ип., 492 и 585.—По словамъ соч. »Starożytna polska« (przez Babińskiego i T. Lipińskiego, t. II, Warsz. 1845, str. 783), повтореніемъ у Д. И. Зубрицкаго (»Исторія«, III, стр. 78), Щекаревъ былъ лизп нынѣшняго г. Красностана, надъ Вепремъ. Можетъ быть, онъ ходилъ за Вепремъ. См. »Гал. ист. сборн.«, II, 131.—О Сутѣйскѣ . П. с. р. л., I, 103 и 115.

5) Ип., 567 и 571.—Тернавъ не теперешнее-ли мѣстечко Терно окрестностяхъ Белза? см. »Русскій ист. сб.«, VII, 310. Ст. 196-ю р. книги Барсова.

6) По словамъ Д. И. Зубрицкаго (»Исторія«, III, пр. 76), упоминаемая въ Ип. сп. подъ 1225 г. Лысаа гора (стр. 498)—теперешній Тарногора надъ р. Вепремъ. Цѣлый рядъ Лысыхъ Горъ приведенъ даковскимъ въ »Русск. ист. сборн.« VII, 237—238. У Длугоша читатъ: »Lysa góra, mons altus civitati Leopoli imminens in terra Russiae, quo arch est magna et regia, quae alta consuevit appellari, sita est.«—пръ названъ пограничною русскою рѣкою и въ сочиненіяхъ Староускаго и Целларія («Gränzen«, S. 17 und 21). Опроверженіе мнѣнія томъ, что во время Болеслава Храбраго границею между Польшею Русью служила р. Бугъ, см. въ »Gesch. Pol.« Репелля (5-te Beilage, 651—652).

7) Ип., 572.

8) Ibid., 482.—Опредѣленіе положенія его см. въ »Изслѣд.« М. П. годана (IV, 197).

9) Ип., 550.

10) Ibid., 483 и 490.

11) Ibid., 483.

12) Ibid., 483 и 490.

13) Ibid.—Вѣльый не принадлежалъ русскимъ (Ип., 529 и 571); наемъ, на какомъ основаніи Н. И. Барсовъ (стр. 21) считаетъ его русскимъ городомъ.

Влодава 1). Полоса между Бугомъ и Вепремъ называлась Украинною 2). Впрочемъ, и за Вепремъ жило родственное намъ поселеніе, исповѣдавшее по мѣстамъ православіе, которое уцѣлѣло тамъ съ древнѣйшихъ временъ 3). Нѣкоторые, основываясь на польскихъ историкахъ, полагаютъ, что при Даниилѣ русскія владѣнія перешагнули за Вепрь, именно быть взяты Люблинъ, но это—басня 4). Въ одномъ мѣстѣ Русь граничила съ Краковскою областію возлѣ Лукова 5). Сверхъ того перечисленныхъ

1) Ип., 528.

2) Ibid., 490 и 586.

3) См. «Критико-истор. пов.» Д. И. Зубрицкаго, стр. 55—6 (прим. 35), и его же «Gränzen», S. 18—20, Anm. с. См. также «Нау сборн., изд. лит. общ. Галицко-русской Матицы» 1865, вып. IV, ст. 269, тотъ же сборникъ за 1866 г., вып. III и IV [ст. А. С. Петршевича: «Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея»] Холмскій мѣсяцесловъ 1866 [ст. архим. Амвросія: «Начало и распространеніе Христовой вѣры въ предѣлахъ нынѣшняго царства польскаго» Укажемъ тутъ читателю на то, что, когда Поляки вскорѣ послѣ смер Даниила отправились воевать Холмскую землю, «не взяши ничто ж избѣгли бо ся бяхуть в городъ, зане *тѣсть бяхуть подали имъ Ляхо украиняны*» (Ип., 571).

4) Обстоятельный разборъ этого извѣстія желающіе могутъ най въ сочиненіи г. Стадницкаго «Syn. Ged.», t. II (Dodatki, nota 13, s. 219—224). Съ своей стороны прибавимъ, что не только наша лѣтопись но и польскіе янналы, упоминающіе подъ 1244 г. (въ нѣкоторыхъ э извѣстіе помѣщено подъ 1243) объ опустошеніи русскими Люблинск земли, не говорятъ о взятіи Люблина [Pertz, XIX, pp. 598, 634—6. (гдѣ вм. «Rutheni» поставлено «Prutheni»), 666]. Какъ же можно обяснить рассказъ Длугоша? Не передалъ ли онъ по своему слѣд. слю одной лѣтописи (Pertz, XIX, Annales s. Crucis Polonici, p. 681): «124 Rutini per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et ascendunt et castrum pro se edificare ceperunt (значитъ, не выстроив вполнѣ, только *ceperunt*?) et turrim muratam fecerunt». Въ той же л тописи подъ 1253 г. читаемъ: «....Boleslaus dux Cracoviensis filius Leonis condam (вѣр., quondam) ducis Cracoviensis post mortem Nempatri sui ducatum ex integro obtinuit et Lublin a Rutinis rehabuit». Люблинскій кастелянъ упоминается въ актахъ подъ 1252 г. Роере «Gesch. Polens», 527, Anm. 79. Стрыйковскій упоминаетъ о заня русскихъ Люблина подъ 1255 г. (I, 292). О времени дѣйствительна занятія Люблина, кромѣ г. Стадницкаго, говоритъ И. И. Шарапевъ («Исторія», 119 и 122; «Изслѣд.», 69). Въ XIV стол. Люблинъ теченіе долгаго времени былъ польскимъ пограничнымъ городомъ стороны Литвы. Еще въ 1602 г. въ немъ была таможня для русскихъ

5) См. папскія буллы о Луковѣ въ «Vetera monumenta Poloniae Lithuaniae, deprompta ab A. Theiner», t. I (Romae 1860), №№ CXIX

ни упоминаемыхъ въ лѣтописи пунктовъ Руси принадлежало с. Воипъ, ходящееся недалеко отъ устья Тисмянницы въ Вепрь ¹⁾, потомъ Авбевъ ²⁾. Изъ области Вепря граница поворачивала на востокъ и изи Берестья приходила къ Бугу ³⁾, по которому поднималась вверхъ. рѣсье и Дорогичинъ упоминаются нерѣдко, какъ пограничные го- да. Послѣдній мы можемъ разсматривать, какъ самый крайній сѣве- западный пунктъ Даниловыхъ владѣній ⁴⁾.

Округъ Дорогичина простирался до Нура ⁵⁾. За Нуромъ жили яги, отъ которыхъ Русь отдѣлялась болотами ⁶⁾. Во времена Романа

ЛШ. Луковъ—мѣст. въ 7 миляхъ отъ Люблина. Ср. »Staroż. pol ska« I, str. 1159—1161.

¹⁾ Ип., 586.—»Исторія» Шараневича, стр. 102.

²⁾ По словамъ Н. П. Барсова (стр. 2), это—Андреево, м. Плоцкой . близъ границы съ Августовскою.

³⁾ Ип., 586: »Ляховъ воеваша у Берестья по Кроснѣ, и взяша ъ десять и поидоша назадъ«.

⁴⁾ Возвращаясь изъ Польши, Даниилъ пришелъ прежде всего къ рогичину. (Ип., 524). Изъ Дорогичина, какъ изъ пограничнаго го- а, предпринималъ онъ походы на Ятвяговъ (ibid., 538 и 549). Идя земли Ятвяговъ, татары проходили мимо Дорогичина (Ип., 561). ва ходила воевать Польшу мимо того-же города (ibid., 571).—Пока рогичинъ не былъ отнятъ Даниилемъ у Нѣмцевъ, такимъ погранич- ь городомъ было Берестье: »остависта же в Берестии Володимера вьского, и Угровчапы и Берестьяны, стережа землѣ отъ Ятвязь«, 503); »веснѣ же бывши, поидоша на Ятвезѣ и придоста Берестью; амъ наводнившимся, и не возмогоста ити на Ятвязѣ«.—По мнѣнію оторыхъ (см. »Учебный атласъ по русской исторіи« Е. Е. Замы- вскаго (2-е изд. Спб. 1869), Русь принадлежала и Визна, находив- ся при слияніи Бобра съ Наревомъ («Матеріалы» Барсова, стр. 30) ступленая Руси Полякамъ въ 1145 г. (Ип., 227). Но это неспра- ливо: Русскіе владѣли ею недолго. Въ лѣтописи читаемъ: »приде иилъ) ко Визнѣ и преиде рѣку Наровъ, и многи крестьяны отъ пення избависта... и придоста со славою на землю свою«... (Ип.,); изъ этого мѣста видимъ, что въ Визнѣ Даниилъ находился не своей еще землѣ. М. П. Погодинъ также признаеть Нуръ погра- вымъ пунктомъ («Исслѣд.», IV, 214).

⁵⁾ См. цитиров. нами выше грамоту Конрада 1237 г.

⁶⁾ Ип., 538: »и предоша болота и поидоша на страну ихъ«.— ьсь мы уважемъ на требующіи разьясненія рассказъ Дюсбурга объ дѣ до прихода Нѣмецкаго ордена въ Пруссію русскими въ теченіе яти лѣтъ одного замка Скаловитовъ (Dusburg. Jena MDCXXIX). Въ зи съ этимъ обратимъ вниманіе на извѣстіе западныхъ лѣтописей . »Skarbiec«, str. 36) о томъ, что Брунопъ, отправившійся пропо-

русскія поселенія находились далеко сѣвернѣе¹⁾ и доходили до Райгорода²⁾, но потомъ эти земли опустѣли.

Гдѣ граничила югозападная Русь съ собственною Литвою, мы увидимъ ниже.— За Литвою къ территоріи югозападной Руси примыкала область Пинскихъ князей.

Какъ далеко простиралась владѣнія Данила, въ послѣднее время его жизни, на востокъ и югъ?

Неизвѣстно, удержалъ-ли онъ за собою земли, завоеванныя на восточной окраинѣ между 1254 и 1258 годами³⁾. Во всякомъ случаѣ, границы Данилова княжества съ этой стороны не доходили до Овруча, не переходили за Тетеревъ, не спускались ниже верховьевъ Бога. Самымъ крайнимъ пунктомъ съ этой стороны въ лѣтописи является Межибожье⁴⁾.

По Днѣстру Данилова область доходила до Калиуса⁵⁾. Западнѣе

вѣдывать къ Пруссамъ въ началѣ XI в., былъ убитъ на границахъ Руси и Литвы. Мы не знаемъ, гдѣ тогда Русь граничила съ Пруссіею Дюсбургъ подъ 1326 г. (стр. 68) также говоритъ что Пруссія граничила, между прочимъ, съ Россіею.—Приведемъ здѣсь еще найденныя нами въ одной Богемской хроникѣ (*Chronicon Bohemiae Auctore Nepleshone Abbate Oratoviense* во II-мъ т. Пеца, col. 1031) слѣдующія слова: «Anno Domini MCCXX. Poloni a Prutenis et a Rutenis occisi, et a fossoribus aut insectis miserabiliter interierunt»; дѣло идетъ, вѣроятно, о русскихъ, жившихъ на южной границѣ Польши.

1) В. адмираль Васильковичъ «нача собѣ думати, абы кде за Берестьемъ оставити городъ... нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставити городъ. Си же земля опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ... посла Володимерь съ тозѣмца в челнохъ, возверхъ рѣкы Лосны, абы кдѣ пзнай и таково мѣсто городъ поставити... (Ип., 577—578).

2) «... Данило король повелѣ восвати землю Ятвяжскую, и домъ Стѣклипаторъ весь погубленъ бысть, еже и донынѣ пусто стоятъ. Данила же королеви идушу ему по озеру, и видѣ при берегѣ гору красну градъ бывшій на ней преже, именемъ Рай; отгуда же приде въ домъ свой» (Ип., 549). По словамъ Н. П. Барсова (стр. 172), это—Райгородъ м. въ окрестности Бѣлостока, надъ озеромъ того же имени, иначе называемомъ Лыкъ (Лук).

3) Очень можетъ быть, что онъ остался за нимъ. Подъ 1229 г. въ галицко-вол. лѣт. читаемъ: «Мстиславъ вборзѣ посла гонцѣ и Юрьѣ князи Пороскомъ, веля воротити и назадъ, послалъ бо бяшетъ возводить Татаръ на сыновца своего; тогда бо Юри Пороский служаше Мстиславу, а первое служилъ Володимиру» (Ип., 612).

4) Ип., 555.

5) Калиусъ — м. Каносъ Подольской губ., Ушицкаго уѣзда (Зубриц

южная граница шла, по всей вѣроятности, по верхнему теченію Прута и по Черемошу. Коломыя ¹⁾, Онуць ²⁾ и Бакота ³⁾ — самые южные изъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи.

Въ прежнее время земли, лежавшія къ югу отъ проведенной нами черты ⁴⁾, — вплоть до Дуная, находились въ большей или меньшей зависимости отъ галицкихъ князей ⁵⁾. Теперь онѣ были заняты татарами,

кій, »Исторія др. Гал. р. кн.», III, 139. Барсовъ, 86). Въ лѣтописи говорится: »Данилъ же хоти уставити землю, и ѣха до Бакоты и Калуса« (Ип., 527).

¹⁾ Ип., 525.

²⁾ Ип., 491. Онуць находился на Днѣстрѣ у самой теперешней нашей границы. »Исслѣд.« М. П. Погодина, IV, 201.

³⁾ См. Ип., 525 и 527; Ростиславъ и татары входили въ Даниловы владѣнія у Бакоты (Ип., 526 и 549).

⁴⁾ Собственно Галицкое княжество на югѣ простиралось (до татарскаго нашествія), быть можетъ, до истоковъ Молдавы. Рогерій (см. выше прим. 4 на стр. 65) полагаетъ границу около этого мѣста Руси: »*ex Sadau inter Russiam et Comaniam per silvas iter trium dierum habens, pervenit ad divitem Rodanum*«... Вѣроятно, этимъ путемъ ходили и Галичане: »Ростиславъ бѣжа во Угры путемъ, *имъ же идяше* на Борьсуковъ дѣль, и прииде к бани рекомѣй Родпа«... (Ип., 518). *Покутье* не переходило за Черемошъ; это также указываетъ на то, что тутъ оканчивалась галицкая земля (см. Рѣчь Шараневича: »*Zaczątki słowiańskie i stoków Karpat*«. We Lwowie 1870. Str. 5—8). Приведемъ, наконецъ, слова И. И. Шараневича: »Подобно и оныи названія осадъ русская Поляна, межи источниками Солинка а Чероки—и Рускій путь межи источниками Литорчи и Любогорки—рускій дѣль межи Черемошемъ а Визомъ, *Rous pe boui* межи Молдавою а Сочавою свѣдчатъ, що Галицкая Русь стыкалася тамъ съ землями не рускими, або по крайней мѣрѣ съ землями, которыи до иного панства и народа принадлежали«... Можно-бы допустить, говоритъ онъ въ др. мѣстѣ, что названіе Угорскихъ горъ *Holisa* и *Galacz* на Унгѣ и на источникахъ Быстрицы, Визо и Черемоша произошло отъ того, что возлѣ нихъ пролегали пути, ведшіе къ Галичу и Галицкому княжеству («Исслѣдованіе», 78 и 79).—По лѣтописямъ (Ип., 341; П. с. р. л., IX, 167; I, 135; сл. Ип., 226), на южной окраинѣ Галицкаго княж. находились Ушица, Кучельмишъ и Микулинъ. Греческіе писатели на границѣ его упоминають какую-то гору Тенуормъ (см. ихъ извѣстія въ собраніи Стриттера: »*Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septentriones incolentium*«. Т. I—IV. 1771—1779).

⁵⁾ Есть немало отрывочныхъ указаній на эту зависимость. Уже въ пзвѣстной рѣчи Василька (П. с. р. л., I, 113) Дунайскіе Болгаре являютя въ числѣ пограничныхъ народовъ. Въ одно время нынѣшняя

ходившими чрезъ эти земли на Константинополь и Болгарію ¹⁾, и прямое сообщеніе съ югомъ прекратилось ²⁾, хотя происходили иногда сношенія съ Болгарією ³⁾.

Румынія составляла даже одинъ изъ удѣловъ Галицкой земли, тянувшій къ Галичу [см. грамоту Иванка Ростиславича 1134 г., помѣщ. въ 1-мъ вып. »Наук. сб.« 1865; отвергать ея подлинность нѣтъ оснований: счисленіе лѣтъ отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра употреблялось, кажется, тогда въ юго-славянскихъ земляхъ. Содержаніе этого документа подтверждается и тѣмъ прозвищемъ »Берладника«, которое было дано Ивану Ростиславичу]. Но мы не думаемъ, чтобы эта зависимость была постоянною и полною. Во 1-хъ, въ лѣтописяхъ эти земли ни разу почти не являются театромъ какихъ-нибудь событій галицкаго княж., а вѣдь съ начала XIII в. у насъ есть очень подробная лѣтопись галицкой земли. Во 2-хъ, мы видимъ частые проходы чрезъ эти земли Половцевъ, отирававшихся воевать съ Венгрією (Schwandtner, I, p. 116, 130, 131, 132, 133, 141: извѣстія Туроча; см. также p. 141), Болгарами и Греками (см. у Стриттера и въ нашихъ лѣтописяхъ); едвали-бы они могли такъ легко пробираться чрезъ эту область, еслибы она составляла полное достояніе галицкихъ князей: послѣдніе старались-бы не пропускать Половцевъ. Какъ страдали придунайскія земли отъ Половцевъ, видно изъ словъ, сказанныхъ въ 1190 г. Черными Клобуками: »се Половць себъ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемъ Подунайци ли есмъ что ли« (Ип., 451). Несомнѣнно однако, что преобладающимъ населеніемъ въ этой странѣ было русское, родственное жителямъ галицкаго княжества и оттуда прибывавшее, быть можетъ въ XII в. въ придунайскихъ земляхъ извѣстенъ Малый Галичъ (тепері Галачъ), о которомъ упоминаетъ арабскій географъ Эдризѣ (См. ст. А. С. Петрушевича въ 1-мъ вып. »Наук. сборн.« 1865 г., стр. 37 и 40). Древнѣйшее славянское населеніе этого края, извѣстное составителю первыхъ страницъ вашей начальной лѣтописи (П. с. р. л., I, 3 и 5; прибавимъ упоминаніе Ник. и Тв. лѣт. о какихъ-то »Дунаяхъ«) было вытѣснено напоромъ разныхъ кочевыхъ народовъ, изъ которыхъ Печенѣги проивали даже въ нынѣшнюю Галицію («Наук. сборн.» 1865, I, 39; »Исслѣд.« Шараневича, стр. 91). Кіевская Русь, группи ровавшая вокругъ себя окрестныя племена, вслѣдствіе отдаленности этихъ земель, должна была мало заботиться о нихъ; гораздо важнѣе были онѣ для основавшагося галицкаго княжества. Чрезъ эти мѣстности издавна двигались разные народы, и потому, кромѣ русскихъ, здѣсь были, остатки и другихъ племенъ. Оттого-то, вѣроятно, эти страны названы Куманією у Платона Карпини [стр. 24: »Hæc terra Comania... a meridi habet Alanos, Circassos, Gazaros, Graeciam et Constantinopolin, ac terras Iberorum, Cathos, Brutachios, qui dicuntur esse Judæi... Ab occidente autem Hungariam habet atque Russiam«], Рюбрюквиса [»Voyage en Tartarie« p. 9. c. 14. p. 50. c. 15 p. 51 въ la Relation des Voyage en Tartar, par Bergeron; онъ говоритъ о команіи сходно съ Платономъ Карпини] и Рогѣ

Жизнь югозападной Руси билась теперь, главнымъ образомъ, въ политическомъ организмѣ, заключенномъ въ очерченныхъ нами предѣлахъ. Приднѣпровье надолго сошло со сцены исторіи.

Исторія сосредоточенія югозападной Руси при Даниилѣ наглядно показываетъ, какъ далекъ еще былъ русскій народъ отъ идеи единой жизни. Съ половины XI в. наше отечество, послѣ кратковременнаго единенія, распалось вновь на отдѣльныя *области*, иногда находившіяся, а иногда и не находившіяся въ предѣлахъ прежнихъ племенъ; въ каж-

---

рѣн (см. выше). Греческіе писатели упоминаютъ нерѣдко о кочевыхъ пародахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная (см. у Стриттера). Одно изъ преданій упоминаетъ о Румунахъ, жившихъ здѣсь во время Батыева нашествія («Записки одесскаго общества исторіи и древностей», т. II, отд. 2-е и 3-е, Одесса 1850, стр. 811), а Киннамъ и Веніаминъ Тудельскій говорятъ о Влахлахъ, обитавшихъ въ XII в. въ земляхъ, прилегавшихъ къ Черному морю (см. также *Dug., lib. III, col. 265*). Народонаселеніе здѣсь носило на себѣ печать удалства (Берладники); можетъ быть, въ составѣ его было немало бѣглецовъ: Андрей Боголюбскій говорилъ одному князю: «а ты пойдѣ въ Берладъ, а въ Русьской земли не вѣлю ти быти» (Ип., 390).—Есть основанія думать, что эти мѣстности были не особенно заселены. Въ 1144 г. Иванъ Ростиславичъ отъ Звенигорода «пробѣже съвозѣ полкъ къ Дунаю и оттуда полемъ пробѣже ко Всеволоду Кіеву». (Ип., 226). Даниилъ и его спутники однажды «придоша в Онуть и идоша в поле» (Ип., 491; подъ «полемъ» лѣтописъ разумѣтъ обыкновенно степь); «Льстивому Жирославу рекшю къ бояромъ Галичькимъ: «яко идетъ Мъстиславъ в поле, и хочеть вы предати тестеву своему Котяню на избитъе» (Ип., 498); «шедшю же Ростиславу во поле»... (Ип., 517).—Замѣтимъ, что почтенный А. С. Петрушевичъ не оставилъ безъ изслѣдованія и вопроса о наддунайской Руси (см. его ст. «Радовецко-Черновецкая епархія и святители ея. Съ краткимъ очеркомъ Запрутской и Наддунайской Руси», помѣщ. въ «Зорѣ Буковинской» 1870), но мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться его трудомъ. Въ нашей литературѣ этого предмета касались И. Д. Бѣляевъ (см. ст. его, цитир. выше—во 2 прим. на стр. 55) и отчасти Д. И. Иловайскій («О мнѣномъ призваніи Варяговъ». «Русскій Вѣстникъ» 1871, № 12). Трудъ перваго написанъ по русскимъ лишь извѣстіямъ, впрочемъ—далеко не по всѣмъ, при чемъ иногда допущены неправильныя толкованія лѣтописей.

1) Шпаревичъ, «Ист. гал.-вол. Руси», стр. 140, прим. 75.

2) Отправляясь въ Грецію, митр. Кириллъ шелъ на Венгрію. Ип., 537.—Войшелкъ «просия ити во Святую Гору; и найде ему король путь у короли Угорьского, и не може дойти Святое Горы и воротися в Болгарѣхъ» *ib.*, 551.

3) Карамзинъ, IV, пр. 144.

дой области были *города* и *приороды*; раздѣленіе вытекало изъ стремленія областныхъ общинъ къ самобытности. Князья своимъ семейнымъ взглядомъ на русскую землю довершили ея раздробленіе, подѣливши каждую область на множество мелкихъ княжествъ; стремленіе къ самостоятельности развилось даже въ незначительныхъ городахъ. Даниилу сопротивлялся даже какой-нибудь Черторыйскъ желая имѣть собственнаго князя. Мы встрѣтились потомъ съ цѣлымъ рядомъ городовъ, пытавшихся удержать самобытность. Вездѣ Даниила ожидало противодѣйствіе; только родовой его городъ Владиміръ Вол. всегда обнаруживалъ горячую преданность ему и ни разу не позволилъ себѣ сдѣлать что-нибудь негодное своему князю. Нельзя не замѣтить также того, что тогда распаталась нѣсколько связь съ Рюриковымъ домомъ: на галицкомъ престолѣ, при содѣйствіи болгаръ, нѣсколько разъ сидѣли иностранцы; нѣкоторыя другія земли готовы были признаны непосредственно—не черезъ князей—татарскую власть. Такимъ образомъ, сплоченіе югозападной Руси въ половинѣ XIII в. было дѣломъ одного князя, а не плодомъ народнаго къ тому расположенія, и осуществилось, благодаря необычайной энергіи, постепенности въ дѣйствіяхъ и умной осторожности его: онъ умѣлъ такъ устроить и группировать окружавшія его силы, что сопротивленіе никогда не могло довести до разрушенія его дѣла.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ Романовичи пользовались исключительнымъ господствомъ. Несомнѣнно, что въ ихъ земляхъ продолжали существовать и другія княжескія линіи. Въ лѣтописи упоминаются: Владиміръ ¹⁾ и Ярославъ ²⁾ Ингваревичи и Всеволодъ Александровичъ ³⁾. Но представители этихъ линій стали служебными князьями ⁴⁾ другаго значенія и особенной силы не имѣли.

Полнаго политическаго объединенія разсмотрѣнное нами сосред

¹⁾ Ип., 506.

²⁾ Ibid., 501 и 521.

³⁾ Ibid., 529 и 533.

⁴⁾ Это названіе встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1258 (Ип., 550) И. И. Шараневичъ къ такимъ князьямъ причисляетъ упоминаемы въ лѣтописи Василька и Мстислава Глѣбовичей, которыхъ считаетъ бѣжавшими Черниговскими князьями; причисляетъ къ нимъ также к кому то упоминаемаго въ Кременецѣ Андрея (Ип., 550), но послѣдніе едва ли основательно.—Мы видимъ служебныхъ князей еще въ 1229 (Владиміръ Пинскій. Ип., 503).

точение не принесло. Даниль работалъ не въ пользу единоподержавія, а въ пользу *владычества одной семьи*. Князья, по прежнему, дѣлились землями. Даниль съ перваго же раза уступалъ брату часть прибрѣтений¹⁾. Они съ дѣтства привыкли къ мысли, что Галичь долженъ былъ принадлежать Данилу, а Владиміръ Васильку²⁾. Потомъ раздѣлъ земель Данила происходитъ еще при его жизни³⁾. Вообще до половины XIII столѣтія не было въ русскомъ мірѣ идеи о политическомъ единствѣ Руси⁴⁾.

Несмотря на то, а) князья были ближайшими родственниками; для югозападной Руси въ этомъ отношеніи возвратилось начало удѣльно-вѣчеваго періода, когда князья всѣхъ почти земель были въ ближайшемъ родствѣ между собою; б) Русь Романовичей обособилась отъ остальныхъ областей. Отдѣленіе ея было замѣтно уже со времени паденія Кіева. Теперь оно дошло до конца вслѣдствіе географическаго уединенія югозападной Руси и чуждой остальному русскому міру политики двухъ ея князей, которая навсегда столкнула ее съ дороги остальной Руси. Связь югозападной Руси съ послѣднею проявлялась теперь только въ брачныхъ союзахъ князей⁵⁾. Всѣ части области Ро-

¹⁾ Ип., 501: «братъ же да Василкови Луческъ и Пересонницю, Берестий же ему бѣ преже далъ».

²⁾ Когда для Романовичей добывали Галичь и Волынь, то въ первомъ сажали Данила, а на Волыни—Василька. См. Ип., 486—487.

³⁾ Въ послѣдніе годы Данилова княженія Левъ является самостоятельнымъ правителемъ галицкой области. Можетъ быть, она была дана ему около 1247 г., со времени его женитьбы; одна изъ панскихъ буллъ этого года обращена не только къ Данилу и Васильку, но и ко Льву (Н. К. М., I, LXVII).

⁴⁾ Такое мнѣніе высказываютъ Н. И. Костомаровъ (въ ст. о единоподержавіи) и В. В. Пассекъ.

⁵⁾ Одну изъ своихъ дочерей Даниль выдалъ за Андрея Ярославича (въ 1250 г. П. с. р. л. I, 202), другую, по словамъ одного довольно стараго отрывка (онъ напечатанъ при лѣтописи Быховца, изд. Нарбуттомъ), онъ выдалъ за Витебскаго князя Андрея Ярославича, умершаго въ 1265 г., но такого князя, кажется, не было тамъ въ то время; вообще весь этотъ отрывокъ невѣренъ. О родствѣ Романовичей съ Черниговскими князьями см. Ип., 562 и 569. Василько Романовичъ былъ женатъ на дочери Юрія Всеволодовича («Лѣтописецъ Руской», ч. I, 400—подъ 1226 г. Сл. Ип., 505). Она называлась Еленою (Ип., 579); въ одной изъ панскихъ буллъ (Н. К. М., I, LXXVI) она названа Дубравкой.

мановичей, по единству положенія, имѣли общую участь. Эти два обстоятельства: ближайшая родственность князей и единство положенія тѣсно связывали отдѣльныя части.

Такимъ образомъ, со времени Данила, хотя югозападная Русь, по прежнему, дѣлилась на нѣсколько княжествъ, но послѣднія находились въ рукахъ одного рода и постоянно представляли съ тѣхъ поръ одинъ цѣльный организмъ, который И. И. Шараневичъ совершенно справедливо называетъ Галицко-Владимирскою Русью, — организмъ, отдѣльный отъ прочей Руси.

Таково было преобразование, внесенное княженіемъ Данила Галицкаго въ политическую жизнь югозападной Руси.

II.

Не одиѣ политическія перемѣны внесло въ жизнь югозападной Руси княженіе Данила Галицкаго.

Югозападная Русь издавна была одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ нашего отечества. Природныя ея условія весьма благопріятствовали прекрасной обстановкѣ населенія, которое въ изобиліи находило средства для пропитанія и могло снабжать хлѣбомъ сосѣднія земли ¹⁾. Подобный случай занесенъ въ галицко-волинскую лѣтопись подъ 1279 г.: во время голода Ятвяги просили Владиміра Васильковича прислать имъ хлѣба, и онъ исполнилъ ихъ желаніе ²⁾. Развитію большей или меньшей образованности въ этой странѣ способствовалъ также постоянное торговое движеніе, при которомъ она являлась промежуточною, проходною областью. Слѣды его замѣчаютъ уже въ глу-

¹⁾ Г. Трубецкой (*La Russie rouge*. Par. 1860, p. 20) говоритъ о равнинѣ Червонной Руси, что она *»a de tout temps été le grenier de pays environnans, qui tous cherchent à s'en rendre maîtres«*. Симеонъ Старовольскій, польскій географъ XVII в., говоритъ: *»Russia rubra—Nobilissima haec provincia, lacte et melle abundans... («Gränzen» Д. И. Зубрицкаго, S. 17)*. По словамъ Длугона (*lib. I, col. 48*), *»Ruthenorum regio apud oram, quae hactenus Podolia nuncupatur, adeo agro perhibetur ferax, ut cum semel satiae fruges fuerint, recidentibus subinde seminibus vegetem novantibus alterae messes sine satione provenientes«*. Мы могли бы привести немало подобныхъ отзывовъ.

²⁾ Ип., 580.

кой древности ¹⁾; въ средніе вѣка оно продолжалось. По розысканію Даниловича, въ XII в. Регенсбургскіе купцы отправлялись въ Кіевъ рекою Емса и Вѣну за покупкою мѣховыхъ товаровъ, которыхъ Кіевъ являлся тогда складочнымъ мѣстомъ. Раньше немного, у Мартина Палла, находимъ извѣстіе, что Польша дѣлалась извѣстною преимущественно только потому, что чрезъ нее проѣзжали въ Русь иностранные купцы. Наши лѣтописи также говорятъ объ этихъ иностранныхъ купцахъ, называя ихъ Латиною. Въ половинѣ XIII столѣтія многіе Бременскіе, польскіе и австрійскіе торговцы, узнавъ отъ папскихъ пословъ, что они ѣхали въ Татарію, отправились съ ними ²⁾. Южнѣе мы отмѣчаемъ оживленное торговое движеніе по судоходному еще тогда рѣкѣ: ниже Кучелемина ³⁾ ходили лодыи къ Олешю, находившемуся на нижнемъ теченіи Днѣпра; на возвратномъ пути въ Галичъ вѣ возили рыбу и вино ⁴⁾. Отъ устья Днѣстра, вѣроятно, русскія ку-

¹⁾ См. »Kritische Blicke« Шараневича, S. 23, 29—30. Не послѣднюю роль при этомъ играло обиліе водныхъ путей. По исчисленію Чацкого, на Волыни и Полѣсьѣ болѣе 4800 рѣкъ. См. »Воля Губ. Вѣд.«. 862, ст. »О судоходныхъ и силавныхъ рѣкахъ Вол. губ.«—О сообщеніи съ Польшею по рѣкамъ, протекавшимъ по сѣверной окраинѣ Даниловыхъ земель, см. въ ст. Ходаковского: »Пути сообщенія въ древней Россіи« (»Русскій истор. сборн.«, т. I, М. 1837, стр. 11). Въ г. Владимирѣ въ XII в. упоминается *увоозъ* (мѣсто приставапія и выгрузки судовъ), какъ и въ Кіевѣ (Ип., 206 и 207).

²⁾ М. П. Погодина »Исслѣдованія«, VII, 306—308. »Собр. путеш. въ татар.«, стр. 217.—Прибавимъ, что, по словамъ Татищева (II, 241), въ 1129 г. Поляки ограбили ѣхавшихъ изъ Моравіи купцовъ. О нѣмецкихъ и моравскихъ купцахъ въ Кіевѣ упоминаетъ и »Слово о полку Игоревѣ«.

³⁾ И. И. Шараневичъ указываетъ Кучермикъ, лежащій недалеко отъ Днѣстра на одномъ изъ притоковъ Прута. Находится еще, говорятъ онъ, »осада подобнаго названія Кучурмаре на ростокахъ межи Прутомъ а Серетомъ и Сочавою« (»Исслѣд.«, 83).

⁴⁾ Ип., 491.—Олешье—тепер. гор. Алешки, расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ 103 верстахъ отъ впаденія его въ море. »Зап. Од. общ. ист. и др.«, III, 217—220. Въ спискѣ русскихъ городовъ, помѣщенномъ при Воскресенской лѣтописи, при устьѣ Днѣстра упоминается Бѣлгородъ. (II. с. р. л., VII, 240). Онъ существовалъ уже въ XII стол. Если Аклиба Эдриси—Бѣлгородъ, то владѣнія Половцевъ въ полов. XII в. простирались до этого мѣста. »Зап. Од. общ.«, т. III, стр. 45. Есть попытка приурочить къ послѣднему и *ασπρο-καστρον* Копст. Порфиророднаго. Ibid., 452 и 453.

печескія лодыи направлялись къ Дунаю, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ во второй половинѣ XII в. ¹⁾ и гдѣ первымъ городомъ отъ моря на лѣвой сторонѣ этой рѣки былъ Малый Галичъ (Галачъ). Тутъ они запасались греческими и болгарскими товарами. Туда-же прибывали и венгерскіе товары. Какъ извѣстно, Святославъ сильно плѣнился такою центральною придунайскихъ земель по отношенію къ торговлѣ: »то есть середя въ земли моеи, говорилъ онъ, яко ту вся благая сходятся. Какъ значительно была развита морская торговля Галичанъ, можно видѣть изъ того, что, при сборѣ на Днѣпрѣ противъ татаръ въ 1224 г., отъ Галичанъ явилось 1000 лодей съ выгонцами ²⁾. Въ этой торговлѣ галицкая Русь поставляла немалую собственнхъ продуктовъ. Въ лѣтописи упоминаются мѣльбъ ³⁾ и соль, добываніе которой, сколько можно замѣтить, производилось въ обширныхъ размѣрахъ. Соляные промыслы около Коломыи князья держали для раздачи оружникамъ ⁴⁾. Въ началѣ XII столѣтія вся Русь получала соль изъ галицкой земли ⁵⁾. Кромѣ

1) Ип., 341.

2) И., 504. Слово »выгонцы« у Татищева (III, 435 и 437) замѣнено »пѣхотою«. Въ Никон. (II, 351): »ихъ вѣще двою тысящъ людей«. Галицкая земля была извѣстна даже Скандинавамъ подъ именемъ Галсен или Галатія (Ogvar Odds Saga, с. 36, цит. у Сума въ его ст. о Галиціи и Лодомиріи, стр. 19) и христіанскому Нубійскому географу, писавшему въ половинѣ XII стол. (цит. *ibid.*, стр. 2).

3) Ип., 491: »Бывышу же гладу велику, пондоша возы к Плавъ на канунъ святаго Димитрія вземше возы накормишася изобилно«.

4) Ип., 525. По мнѣнію О. И. Буслаева («Историч. христ.», М 1861, столб. 580), »оружники«—вѣроятно, тѣ, которые были на возахъ или колахъ (слич. *оружіе*—колесница)«. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи (Ип., 510) оружники изображаются стоящими на городскихъ стѣнахъ. А. С. Петрушевичъ сближаетъ это слово съ терминами: *gmatius*, *hastatus*. *доруфороу* и какъ-бы полагаетъ, что имъ обозначалася гвардія. »Наук. сборн.« 1865, III, 177. Еще упоминаются въ лѣтописи »Соли« (Ип., 550) и соляные промыслы въ Удечѣ (*ib.*, 358); гдѣ паходился послѣдній, намъ неизвѣстно (см. »Ист. др. Гал.-р. княж. Д. И. Зубрицкаго, II, стр. 106).

5) Въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіи св. Прохора, поставленнаго игуменомъ Печерской обители въ 1112 г., читается: »не пустиша госте изъ Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей русской земли. М. П. Погодина »Изслѣд.«, VII, 308. »Гал. Наук. Сб.« 1865, стр. 42.

того, могло отпускаться значительное количество мѣховъ ¹⁾ и меду ²⁾. Прощѣтало и скотоводство ³⁾. И вотъ мы видимъ, что эта часть Руси была обильно населена ⁴⁾ и покрыта множествомъ городовъ ⁵⁾. Обитатели

1) Анонимъ нотарій Бельи передаетъ, что Альмъ былъ надѣленъ отъ Владимірскаго князя »pellibus et palliis non numeratis« (Schwandtner, I, 9). Звѣря водилось много въ то время. Мы нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія объ охотѣ князей. Володаръ былъ схваченъ на охотѣ (Pertz, Mon. g. h., XX. Herbordus). См. также Ип., 226, 550, 558, 596. Нивита Хоніатъ говоритъ объ Андроникѣ (см. ниже), что, во время пребыванія у галицкаго князя, онъ занимался, главнымъ образомъ, охотою, бѣганіемъ въ запуски и убіеніемъ зубровъ. *Zémpros dieklaunόμενος δόρατι, ζῶον δὲ οὗτος τὸ μέγιστος ὑπερ ἄρκιον μυθικήν, καὶ παράλιον σιχτήν, κατὰ τοὺς Ταυροσκίτας φουόμενον μάλιστα καὶ τρεφόμενον.* Зубровъ было немало въ Подолии еще въ Кромерово время (въ XVI в.), и въ »Polska Kromera« описывается даже особенная охота на нихъ.

2) »Исторія русской торговли медомъ идетъ отъ глубокой старины. Скиѣскіе купцы, по свидѣтельству Геродота, еще до Р. X. высылали за границу медъ и воскъ. На памяти исторіи Русь сбывала медъ въ дунайскій Переяславль, въ Грецію, къ Хозарамъ и на дальній Западъ«. (Прижовъ, Исторія кабаковъ въ Россіи, стр. 10).

3) Въ землѣ Белзской и Червенской Василько захватилъ однажды »много плены, стада коньска и кобыля« (Ип., 498). См. также Ип., 533.—Владиміръ Васильковичъ »стада роздая убогимъ людемъ...« (Ип., 601). По словамъ упомянутаго нами Анонима, Владимірскій князь далъ Альму »tercentos equos cum sellis et frenis, et XXV camelos, et mille boves ad opera portanda;« въ Галиціи Альмъ получилъ *decem farisimos optimos, et CCC equos cum sellis et frenis* (Schw., l. c.); потомъ галицкій князь ему еще »pecudes ad victum condonavit sine numero« (ib., 10).—По извѣстію, находящемуся у Татищева (III, 436), у Мстислава Удалаго, во время похода въ 1223 г. противъ татаръ, было 10000 челоуѣкъ конницы—цифра по тому времени довольно значительная.—Въ глубокой древности территорія галицкой Руси поставляла для торговли тѣ же продукты, чтò и въ удѣльное время: пшеницу, рыбу, соль, воскъ, медъ, мѣха, кожи. »Зап. Од. Общ.,« т. II, ст. Беккера: »Тирасъ и Тириты,« стр. 446—447. Сл. т. III, стр. 186.

4) Въ лѣтописи нерѣдко упоминается взятіе »великаго полона«. См., напр., Ип., 516. У Перемышля въ 1150 г. были »села многа« (ib., 282). Кадлубекъ говоритъ о дѣтяхъ Казимира (II, p. 110): »adest Parvulorum subsidio Ducis de Wladimir Romani pia miseratio non cum parva Ruthenorum numerositate.

5) Мы насчитали по галицко-вол. лѣтоп. въ періодъ отъ 1205 г. до татарскаго нашествія до 50 городовъ въ галицкой области и на Волыни. О Батыѣ говорится, что онъ взялъ, кромѣ Колодыжна, Изя-

ея отличались зажиточностію. О Данилѣ и Василькѣ говорится, что они дали Михаилу Черниговскому »пшеницѣ много, и меду и говяждь и овѣць доволѣ 1)«. Здѣсь весьма кстати привести слѣдующія слова Шейнохи: »До разоренія русскихъ земель татарами, онѣ принадлежали въ богатѣйшимъ странамъ Европы. Въ то время, когда западныя страны находились еще въ далеко незавидномъ положеніи, жили въ варварствѣ и бѣдности, пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ славилось

славя, Каменца, Галича, Червна, Владиміра, »иныи грады многи, им(ѣ) же нѣсть числа« (Ип., 523; сл. под. же въ Никон. III, 9). »И жалышася... в о взятъи градъ множества отъ иноплемениникъ (Ип., 524). — Не безынтересно здѣсь привести еще одно свидѣтельство Татищева. Рассказывая о походѣ русскихъ въ 1223 г. противъ татаръ, онъ перечисляетъ по землямъ количество собравшихся войскъ (III, 436). Неизвѣстно, откуда онъ почерпнулъ о томъ свѣдѣніи, но несомнѣнно, что онъ не выдумывалъ: подводя итогъ, онъ добросовѣстно выставляетъ найденную имъ въ источникѣ цифру, а въ скобкахъ замѣчаетъ: »по моему же« столько-то. Вотъ его слова: »Князь Великій исчислилъ все войско, которыхъ съ нимъ было Киевскихъ, Переяславскихъ, Городенскихъ, Черныхъ Клобуковъ и Порослянъ 22500, со Владиміромъ Рюриковичемъ Смольянь и Туровцовъ 13800, съ княземъ Мстиславомъ Черниговскимъ и Сѣверскимъ 21300, да Вятичь 2000, со княземъ Мстиславомъ Галичанъ, Владимирцовъ, Лучапъ и Подунайцовъ 23400, и прочіе младшіе князи, съ ними всего 103000 (по моему 89950), какаго русскаго войска давно вкупѣ не было«. По этому перечню, наибольшій отрядъ выставила занимающая пасъ мѣстность. Лѣтописи почти не представляютъ данныхъ для повѣрки этого извѣстія Татищева. По словамъ Лаврентьевской (П. с. р. л. I, 189; сл. VII, 132), послѣ Калкской битвы »глаголаху же сице, яко единѣхъ Кіанъ изгибе тогда 10000.; въ Троицкомъ спискѣ читаемъ: »а изъ Смоленска на Зарубъ 100 мужъ пришло (П. с. р. л., I, 217), но тамъ замѣтно искаженіе; по словамъ Карамзина (т. III, прим. 298), »въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Владиміръ Рюриковичъ привелъ изъ Смоленска 400 человекъ«.

1) Ип., 521. При этомъ Галичъ былъ богаче Волыни. По словамъ Анонима Нотарія, примѣнимымъ, какъ мы сказали въ I-й гл., къ XIII в., Альмъ получилъ отъ Владимірскаго князя, между прочимъ, 2000 марокъ серебра и 100 марокъ переплавленного (т. е. чистаго) золота, а отъ галицкаго—3000 марокъ серебра и 200 марокъ золота и прекраснѣйшія одежды (Schwandtn., l. c.) — »Марка тоже, что древняя русская гривна, или полуфунтъ золота или серебра« (замѣчаніе переводчика ст. Сума, стр. 9). — Въ былинахъ Волынь и галицкая земля представляются странами несмѣтнаго богатства и роскоши »Р. Вѣстн.«, т. XXI, ст. Ѳ. И. Буслаева: »Русск. бог. эп.,« стр. 534, 536 — 537, 542—543.

богатствомъ и всякою роскошью, какая только была известна въ тог-
даннее время... какимъ великолѣпнымъ городомъ былъ этотъ Кіевъ, съ
золотыми воротами, съ четырьмя стами церквей, съ осью торговыми
площадями, безчисленными своими жителями, Кіевъ, сокровищами ко-
торого Болеславъ Храбрый озолотилъ всю Польшу, и который своєю
роскошью и прелестями плѣнилъ и изиѣжилъ Болеслава Смѣлаго! Сколько
золота, серебра, драгоценностей предложилъ въ даръ Лешку Бѣлому
Галичъ! Съ Кіевомъ и Галичемъ соперничали многія мѣста, отъ кото-
рыхъ, съ теченіемъ времени, остались одни имена или нѣмня развалины.
Даже въ позднѣйшее время, подъ убогими «стрѣхами» упавшаго и
разореннаго Кіева, видѣлись предметы роскоши, какіе въ другихъ
мѣстахъ можно было встрѣтить развѣ въ барскихъ палатахъ; шелко-
вые матеріи можно было встрѣтить чаще, чѣмъ льняныя издѣлія въ
Вильпѣ (sic), а перецъ чаще, чѣмъ соль въ Полюпѣ. Предъ паденіемъ
Константинополя отъ турокъ и предъ нашествіемъ татаръ это, безспорно,
были однѣ изъ богатѣйшихъ странъ Европы 1)».

Споры между претендентами за обладаніе Галичемъ и Волынью въ
первой четверти XIII столѣтія должны были значительно повліять на
благосостояніе народонаселенія. Въ это время Половцы частенько на-
чали заглядывать на югозападъ, куда ихъ приводили борюшіяся сто-
роны 2); вмѣстѣ съ Половцами, приглашаемы были иногда и другіе
стенные народы; не могли щадить русской земли и остальные иноземцы 3).
Прибавимъ сюда набѣги литовскаго племени, особенно усилившіеся
послѣ смерти Романа, о которыхъ будетъ сказано ниже. Но все это
было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что потерпѣла югозападная Русь
отъ татаръ. Особенно губельно было первое ихъ нашествіе (въ 1240
и 1241 гг. 4), когда они двигались по русской землѣ *цѣлою* мас-

1) «Jadwiga i Jagiello», t. III, str. 74—75.

2) Ип., 480, 485, 493, 498, 503, 507, 513, 516.

3) См., напр., о Полякахъ Ип., 482, 488, 490, 492; несомнѣнно,
что не обходилось безъ опустошеній и во время другихъ приходо-
въ Поляковъ въ русскую землю.

4) Кіевъ былъ взятъ 6 дек. 1240 г., и въ праздникъ Рождества
Хр. о томъ знали уже въ Венгріи (Szalay, II, 42). Въ Польшу татары
вторглись въ началѣ 1241 г.; Батый думалъ было оставаться въ юго-
западной Руси и дальше, но былъ отклоненъ Даниловичемъ тысяцкимъ,
плѣщеннымъ въ Кіевѣ. Ип., 523.

сою ¹⁾, опустошили ее до Берестья ²⁾ и потомъ чрезъ нее возвращались нѣсколько разъ изъ Польши ³⁾. Картина страшнаго разоренія югозападной Руси во время татарскаго нашествія, мы думаемъ, рисуется въ головѣ читателя сама собою. Мы приведемъ нѣсколько словъ изъ лѣтописи. «Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестю, и не возмогоша ити в поле, смрада ради множества избѣнныхъ: не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живый, церкви святой Богородици исполнена трупья, нныя церкви наполнены быша трупія и телесъ мертвыхъ ⁴⁾». Когда Плато-Карпини проѣзжалъ по югозападной Руси, то видѣлъ по степи безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ ⁵⁾.—Въ 1243 г., на возвратномъ пути изъ Венгріи ⁶⁾, татары вновь воеваша до Во-

1) См. слова Рогерія ар. Schwandtn. I, 299.—Главная масса шла на Житомиръ («Вол. губ. вѣд.» 1847, цитир. въ «Очеркъ исторіи правосл. ц. на Волини, Спб. 1855,» стр. 10), затѣмъ на Колодижень, находящійся въ теперешнемъ Новоградвол. у. (опроверженіе довольно распространеннаго мнѣнія, что слѣд. читать «Ладыжинъ», находящійся въ Подольской губ., см. въ «Историч. оч. Волини» Л. Крушинскаго, помѣщенномъ въ I-мъ вып. «Трудовъ Вол. губ. статист. комит.» Житомиръ 1867. Стр. 43); прибавимъ, что послѣ Колодьяна татарами былъ взятъ Каменець (см. 1-ю гл.) и Изяславль; изъ Новоградволынска они направились къ Кременцу, затѣмъ ко Владиміру, послѣ чего опять повернули на югъ,—на Галичъ (Покутье осталось тогда не тронутымъ [Шараневича «Ислѣд.», 50], а было разорено немного позже [ib., 53]). Самымъ западнымъ изъ русскихъ городовъ, разрушенныхъ татарами и названныхъ въ лѣтописи, былъ Червенць (Ник. III, 9; о Гадалищѣ, упоминаемомъ тамъ же, см. догадку у Барсова, стр. 48). Русскую границу Батый переступилъ надъ Вепремъ. Слѣды его шествія до сихъ поръ не изгладились на Волини: одинъ изъ ключей вблизи с. Дермани (въ Дуб у.) и теперъ называется «Батыевкою». См. «Волин. губ. вѣд.» 1867 № 1.

2) Дорогичина, повидимому, разрушеніе не коснулось. См. Ип. 524. — Подъ Холмомъ татары были, но «не возмогоша прияти» (ib. 558). — Не знаемъ, на чемъ основалъ свой разсказъ о взятіи Гродна г. Радзишевскій (см. стр. 4—5 его «Историч. описанія г. Гродно»). — По словамъ Плато-Карпини (см. 154 стр.), идя на западъ отъ Кіева татары опустошили всю русскую землю; подобное говорить и наша лѣтопись (Ип., 558).

3) Mug., lib. VII, col. 670, 672.

4) Ип., 524.

5) Стр. 154.

6) Ип., 527: «Данилови же и Василку женуцу по немъ (говс

лодавы и по озерамъ, много зла створше ¹⁾».—Затѣмъ, давши 10-лѣтній отдыхъ ²⁾, они начинаютъ опять тревожить югозападную Русь, сначала—юговосточныя только окраины ея ³⁾; потомъ небольшой отрядъ отъ Луцка проникъ было уже ко Владиміру ⁴⁾. Въ 1258 г. ⁵⁾ татары проходили черезъ Русь, идя на Литву ⁶⁾. Въ 1259 г. они прошли чрезъ значительную часть югозападной Руси и затѣмъ отправились на Польшу: изъ Люблина они двинулись къ Завихвосту, переправились

рится о Ростиславѣ); вѣсть придетъ ему, яко Татарове вышли суть и(зъ) землѣ Угорьскоѣ, идуть в землю Галичькую».

1) Ип., 528.—Лѣтописецъ говоритъ о татарахъ, что они въ Венгріи стояша по побѣдѣ три лѣта« *ibid.*, 523. Къ 1243 же году отнесенъ отходъ татаръ изъ Венгріи и въ *Chronicon Claustro-Neoburgense* и др.

2) Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописей сохранилась легенда о второмъ походѣ Батые въ Венгрію; см., напр., Ник. III, 27—30. Отзвѣтъ о ней см. у Карамзина.

3) Подъ 1255 г. (вѣроятно; вм. 1254) лѣтопись (стр. 550) говоритъ о двукратномъ приходѣ Куремсы къ Бакотѣ и о воеваньи около Кременца.

4) Наша лѣтопись не говоритъ о томъ, что во время этихъ походовъ татары проникали до польскихъ границъ, равно какъ не говорятъ о набѣгахъ на Польшу въ то время и западные анналы. [Въ *Annal. Polon.* I, IV, въ XIX томѣ Пертца (стр. 634—635), набѣгъ татаръ на Польшу 1259 г. прямо названъ *secundus adventus*], но есть нѣсколько актовъ, упоминающихъ о татарскихъ опустошеніяхъ за этотъ періодъ; см. въ *Gesch. Pol.*« Реппеля S. 525; въ одной папской буллѣ 1254 г. (Н. R. M., I, XC) говорится о татарахъ, старающихся завнять и опустошить Ливонію, Эстонію, Пруссію и др. земли Тевтонскихъ рыцарей.

5) Подъ этимъ годомъ татарскій походъ на Литву поставленъ въ лѣт. Новгород. (П. с. р. л., III, 56), Никоновской (III, 39) и Воскресенской (П. с. р. л., VII, 162) и въ Софійскомъ Временникѣ. Сохранились упоминающія о немъ папскія буллы того года.

6) Литовскія лѣтописи передаютъ три довольно сходныя между собою извѣстія о столеновеніяхъ литовцевъ съ татарами, при чемъ, по ихъ словамъ, татары потерпѣли поражение во всѣ три раза (Stryji., I, 238—239, 247—248 и 249—251). Едвали-бы русскія лѣтописи пропустили упомянуть о такомъ важномъ событіи. Въ чемъ состоитъ историческая основа этихъ сказаній, трудно рѣшить. Не изображаются ли въ нихъ позднѣйшія столкновенія съ монголами? По словамъ Стрыйковскаго, послѣ битвы съ татарами, Скирмунтъ завоевалъ Черниговскую и Сѣверскую земли; потомъ онъ раздѣлилъ земли такъ: Любаргъ даль

черезъ Вислу, взяли Сендомиръ и городъ Лысць ¹⁾). Отъ литов-

княжество Карачевское и Черниговское, Писсамунту—Туровъ и Стародубъ, Тройнату—землю Новгородскую, Подлякію и Повилійскую Литву. Разсуждая о басняхъ, изобрѣтенныхъ лит. лѣтописцами, Лелевель говоритъ: »Ce sont donc des faits imaginés à la ressemblance des événements postérieurs qui se sont réellement passés... Skirmund est le conquérant des mêmes pays que, plus tard, Gédimin a conquis. Lubart, fils de Skirmund, possède Tchernigov et Starodoub, de la même manière que Lubart, fils de Gédimin, les a possédés encore du temps de Vitold«. (Франц. переводъ его соч. »Dzieje Litwy i Rusi«). Одинъ изъ »Заволжскихъ царей«, воевавшихъ съ Литвою, названъ Kurdaskierej; не скрывается-ли подъ нимъ какой-нибудь Крымскій ханъ (Гирей)? Мы думаемъ, что и разсказъ о битвѣ Скирмунта съ русскими князьями (Stryjk., I, 243—244) представляетъ искаженіе недошедшихъ до насъ извѣстій о борьбѣ Литвы съ Волинскимъ княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ въ концѣ XIII в. или въ началѣ XIV. Тогда въ самомъ дѣлѣ Литвою могли бытъ взяты Туровъ и Пинскъ. Тоже мы думаемъ и о разсказѣ о битвѣ съ русскими князьями Рынгольта Альгимунтовича (ib., 251—252); Святославъ Кіевскій послѣдняго сказанія не Станиславъ ли, упоминаемый литовскими лѣтописями при взятіи Кіева; а Левъ Владимірскій и Левъ ли Даниловичъ?

¹⁾ Ип., 562—565. О Лысцѣ см. у Ходаковского (»Русскій ист. сб.«, VII, 237). Объ этомъ татарскомъ набѣгѣ на Польшу подъ 1259 упоминаютъ: Annales carituli Cracov. (Pertz, XIX, 600), Annal. Polon. I, IV (ibid., 634—635), Авонимъ (у Соммерсберга II, p. 82—83) Башко (ibid., 73); послѣдній точно обозначаетъ время нашествія: »ant festum S-ti Andree«, и его показаніе цвѣторилъ Длугошъ (ib. VII, со 757), т. е., по ихъ мнѣнію, это случилось въ концѣ 1259 г.; прѣ этомъ Башко говоритъ, что татары оставались въ Польшѣ »pluribus diebus. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство (что татары могли пробитъ въ Польшѣ до начала 1260 г.) подало поводъ другимъ анналамъ отнестись набѣгъ въ 1260 (Chronici Silesiae vetustissimi fragmentum — Соммерсб. II, 17; Annales Wratizlaw. — у Pertz'a XIX, 528; Annales Silesiae superiores — ib., 553; Annal. Polon. III — ibid., 635). О томъ, что это не былъ новый набѣгъ, свидѣтельствуетъ тождество подробностей съ тѣми, которыя находимъ въ описаніи нашествія 1259 г. Длугошъ и цвѣторилъ этой тождественности и принялъ второй набѣгъ татаръ на Польшу — въ 1260 — вслѣдъ за первымъ (ib. III, col. 760 — 761). Кроммеръ полагаетъ взятіе Сендомира 2 іюня. Въ одной папской буллѣ (Pertz, XIX, 681—682) о татарахъ говорится, что они напали »in festo purificationis beate Marie sub anno Domini«. Ренелль полагаетъ, что это случилось въ маѣ и іюнь 1259 г. (S. 526); см. разсужденіе о томъ

* Наша лѣтопись, равно какъ и всѣ польскіе анналы, говоритъ о *одномъ* походѣ на Литву.

скихъ опустошеній югозападная Русь терпѣла также и въ это время ¹⁾).

При всемъ томъ, въ княженіе Даніила Галицкаго она успѣваетъ оправиться и вновь достигнуть значительно цвѣтущаго состоянія. Она опять является сравнительно плотно населенною страной ²⁾. Дѣло въ томъ, что, хотя Пляно-Карпини и говорятъ, что большая часть Русскихъ въ этихъ краяхъ была избита или уведена въ плѣнъ татарами ³⁾, вообще истребленіе здѣсь народонаселенія должно было быть гораздо меньшимъ, чѣмъ въ другихъ русскихъ краяхъ. Находявшіяся по близости лѣсистыя Карпатскія горы представляли надежное убѣжище туземцамъ этихъ странъ уже во времена древнѣйшихъ народныхъ движеній ⁴⁾; такую же службу они сослужили и теперь. Возвращаясь домой отъ венгерскаго короля послѣ неудавшагося сватовства и оставившись почевать въ Синеводскомъ монастырѣ, Даніиль, проснувшись, видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ ⁵⁾; къ этому же

же у Нарушевича (т. V, кн. 1, пола 149). Польскіе анналы (Башко и др.) говорятъ, что Сендомиръ былъ взятъ вслѣдствіе вѣроломства русскихъ князей, бывшихъ съ татарами, именно: Василька, Льва и Романа, а Длугошъ, раскрасивши это, представляетъ довольно подробный рассказъ, который повторенъ и Ренеллемъ (S. 526). Что касается Романа, то его тогда не было въ живыхъ (см. въ главѣ объ отношеніяхъ къ Литвѣ); а въ неблагородномъ поступкѣ Василька и Льва (особенно перваго) мы сомнѣваемся (лѣтопись ни словечка не говоритъ о какомъ-нибудь участіи русскихъ при взятіи Сендомира), хотя несомнѣнно, что Сендомиръ былъ взятъ какою-то хитростію: о ней упоминаютъ многіе анналы. Намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ рассказъ анналовъ Sanctae crucis (P. XIX, 681), приписывающій хитрость однимъ татарамъ. — Нѣкоторые нѣмецкія лѣтописи говорятъ о торженіи въ Польшу подъ 1259 г. (Pertz IX, 795; 560), а подъ 1260 упоминаютъ о столкновеніи татаръ съ рыцарями въ Пруссіи и о пораженіи первыхъ (ibid., 644; 795).

1) См. ниже.

2) Говоря въ одномъ мѣстѣ объ «остаткѣ Галичапъ» (Ип., 526), она не менѣе въ другомъ мѣстѣ она упоминаетъ о взятіи Литвою великаго полоняка (ib., 530); подъ 1249 г. (вм 1245) въ Ипатскомъ и около Перемышля упоминаются «тѣземельцѣ многы» (стр. 532).

3) Стр. 10.

4) Szaraniewicz, »Kritische Blicke...«, S. 115.

5) Ип., 523.— Не сюда-ли спасались изъ Кіева и тѣ, о которыхъ

времени относятъ основаніе извѣстной Почаевской лавры: говорятъ что удалившіеся изъ Кіева монахи уцѣлѣли въ находящихся вблизи ея горахъ ¹⁾. Кромѣ уцѣлѣвшаго стараго населенія, въ югозападную Русь явилось много новаго. Одни приходили по зову Даниїла; таковы были Русскіе сосѣднихъ областей, Ляхи, Нѣмцы ²⁾; по словамъ лѣтописи, они шли въ Холмъ »день и во день ³⁾«. Другіе прибывали, зная дружественный характеръ князя, надѣясь подъ его покровомъ вести болѣе счастливую жизнь, чѣмъ какую вели въ своемъ отечествѣ; къ числу такого рода переселенцевъ принадлежали Ляхи, уходившіе въ Русь еще до татарскаго нашествія ⁴⁾ и послѣ него: незадолго до Ярославскаго бѣгства »нарочиты бояре и инии Ляховѣ избѣгли бѣху изъ земли, хотяще ити в Данилови ⁵⁾»; бѣжали многіе и изъ татарскихъ областей ⁶⁾. Въ югозападной Руси въ то время было лучше, чѣмъ гдѣ-либо иномъ мѣстѣ, и потому сюда устремились Черниговскіе бояре ⁷⁾ и входили князья изъ Рязани ⁸⁾. Были и насильно приведенные поселенцы. По взятіи и разрушеніи Возвыгма, Даниїлъ »люди изведе и вдасть на подѣль, ово брату си, ово же Львови, другия Шварнови ⁹⁾«. I

въ Воскресенской лѣтописи (П. с. р. л., VII, 153) сказано, что о »бѣжаша въ далныя страны«. Съ Михайломъ возвратились въ Кіевъ »все людіе«, и »еже бѣху разбѣглися на чюжеи земли приидоша свою землю«.

¹⁾ »Волынскія епархіальныя вѣдомости« 1867, № 2, стр. 27—31. Сл. »Staroż. polska«, t. II, str. 902.

²⁾ Нѣмецкія ворота упоминаются въ Галичѣ еще до татарскаго нашествія (Ип., 518).

³⁾ Ип., 558.

⁴⁾ См. Hist. Russiae Monim., I, XXXV.—Въ грамотѣ вдовы Леоны Бѣлаго, Гремиславы (1230 г.; у *Nakielski*, Miech. p. 152), читаемъ »nobis et eisdem testibus ad colloquium procedentibus cum duce Comitis et militibus per eum olim pulsus de Polonia tunc autem per filium ejus Russia revocatis secus pontem fluminis cui nomen Radomera pertractandum«. См. у Roepell'я. Есть нѣсколько поселеній, названіе которыхъ имѣетъ связь съ Мазовіею и Куявіею, но неизвѣстно, когда они основаны

⁵⁾ Ип., 531.

⁶⁾ Не одного ли изъ такихъ бѣглецовъ надѣлилъ Левъ имѣніемъ Нарушевичъ (t. V, notab. do ks. II) говоритъ: Львовъ »przywilej na iacy w Samborszczyźnie dobra niektóre Sienkowi Tatarzynowiczowi w r. 1265. Widzieć w archiwum koronnym«.

⁷⁾ Ип., 525.

⁸⁾ Ibid. 527.

⁹⁾ Ibid., 556.

лицкой области есть нѣсколько мѣстностей, названія которыхъ указываютъ на то, что тамъ были посажены плѣнные, взятые у разныхъ ятовскихъ племенъ ¹⁾. Мы думаемъ, что большая часть этихъ поселеній была основана при Данилѣ, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя напоминаютъ Ятвяговъ и Пруссовъ; послѣ Данила войны съ Ятвягами почти не было, а съ Пруссами югозападная Русь столкнулась во время Ятвяжскихъ войнъ также при этомъ князѣ ²⁾; описывая эти походы Данила, лѣтопись нѣсколько разъ упоминаетъ о взятіи имъ плѣнныхъ ³⁾.—Послѣ татарскаго нашествія нѣкоторые города потеряли все прежнее значеніе, напримѣръ старинные Звенигородъ ⁴⁾ и Тереволь, а нѣкоторые совсѣмъ, быть можетъ, исчезли. Взамѣнъ ихъ вляется цѣлый рядъ городовъ, построенныхъ Даниломъ. Изъ словъ томъ лѣтописи ⁵⁾ можно заключать, что этихъ городовъ было много, о намъ извѣстны очень немногіе. Несомнѣнно Даниломъ основанъ, какъ на то указываетъ самое названіе, впервые являющійся при немъ городъ Даниловъ ⁶⁾; по всей вѣроятности, имъ же построенъ Исто-

1) Близъ стариннаго села Райтаровичъ и близъ Рудокъ есть села, азываемыя Jadwiegi; есть еще третье село этого названія, находящееся на р. Бобркѣ; потомъ встрѣчаемъ нѣсколько поселеній съ названіемъ прусы (около Кракова, Самбора, Львова), находимъ Прусье около Явы, Прусиновъ около Сокаля; около Подгаецъ есть Литвиновка, коло Комарна — Литовка (Шараневичъ, «Издѣд.», 84, 87, 91). Въ дномъ документѣ XV стол. упоминается «Старый Литвиновъ» («Rys powstaznych stosunków Gal. wschodniej. Szaraniewicza. Lwów, 1869», стр. 3, п. 72). Въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губ. видимъ (лѣсь) пруски, Литовица («Русскій ист. сборн.», VII, 70); въ Острожскомъ у. — «Пруски», въ Ковельскомъ — «Жмудча», въ Луцкомъ — «Литва» (см. выше цитиров. карту Главн. Штаба). По юстраціи 1616 г., къ Холмскому воеводству принадлежала дер. «Жмудь».

2) См. въ главѣ объ отношеніи къ Литовцамъ.

3) Ип., 538, 539, 553.—Замѣтимъ при этомъ, что въ Кременецкомъ уѣздѣ мы нашли «Угорскъ», въ австрійской Галиціи — «Угрикъ», въ Мипской губ. — «Угриничъ» (цитиров. выше карта, л. 16 и 17), а въ р. Ливцемъ — «Венгровъ».

4) Сл. «Старод. Гал. гор.», ч. 1, стр. 21.

5) Ип., 570: «созда города многи»; 560: «бѣ бо грады иныя зяцай (кромѣ Холма) противу безбожнымъ татаромъ».

6) Ип., 523; о немъ упоминаетъ и Пляно-Карпиви (стр. 10); по слову Даниловъ былъ разметалъ (Ип., 562). О мѣстоположеніи его И. П. Шараневичъ («Стародавныи Гал. города, ч. II. Стародавныи Львовъ», Львовъ 1861. Стр. 10) говоритъ слѣдующее: «Даниловъ надъ Стры-

жекъ¹⁾; наконецъ,* онъ извѣстенъ, какъ основатель Холма. Лѣтопись говоритъ такъ объ устройствѣ Холма: »Яздящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящу округъ его полю, и вопроша тоземѣць: »какъ именуется мѣсто се? Они же рекоша: »Холмъ ему имя есть«. И возлюбивъ мѣсто то и помысли, да сожжетъ на немъ градець малъ; обѣщаея Богу и святому Ивану Златоусту, да створить во имя его церковѣ. И створи градѣць малъ, и видѣвъ же яко Богъ помощникъ ему и Іоаннъ сиѣшникъ ему есть, и созда градъ иный, его же Татарове не возмогоша прияти²⁾«... Славянская натура плѣнилась этимъ прекраснымъ мѣстомъ такъ же, какъ нѣкогда была увлечена мѣстностію нынѣшняго Кіева. Нѣкоторые догадываются, что орель, изваянный на столбѣ вблизи города, былъ символомъ послѣдняго, находившагося на высотѣ³⁾. Съ горы, на которой онъ распо-

новъ близъ Озирной р.« Онъ же указываетъ другія поселенія, напоминающія Даниіла: Данилче (около Рогатына), Данила около Сучавы («Изслѣд., 91—92). Сл. »Гал. истор. сб.«, I, стр. 101, пр. 33. Прибавимъ двѣ Даниловки, найденныя нами въ Волынской губ.: одна изъ нихъ находится къ сѣверовостоку отъ Стожка, а другая — недалеко отъ Теофиополя.

¹⁾ Упоминается въ Ип. подъ 1261 (стр. 562). Мпѣніе Ходаковского (Карамзинъ, IV, пр. 102, стр. 38) о томъ, что это теперешній *Стожжекъ*, вѣрно; онъ ошибся только въ опредѣленіи разстоянія его отъ Кременца, отъ котораго онъ отстоитъ верстъ за 15—20. См. »Волынскія губ. вѣдомости« 1868, № 76.

²⁾ Ип., 558.

³⁾ Петрушевичъ объясняетъ иначе: »Изъ выраженія *съ головами* надо заключати, что выставленный каменный орель былъ *двуглавный*, яко знамя или гербъ Даниіловой державы (государства), употребляемый византійскими императорами, въ послѣдствіи же во второй половинѣ XV вѣка былъ принятъ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ за гербъ всей Руси... »Наук. сборн.« 1866, вып. III и IV, стр. 179. — Впервые Холмъ упоминается въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1223 г. (Ип., 494), но онъ не тогда былъ основанъ: его не было еще незадолго до Черниговской войны [*Преже же войны Даниілови Черниговское, сѣдящу ему в Галичѣ, а Васиіву в Володимерѣ (далѣе въ Ип. сл. слѣдуетъ означеніе года, которое выпускаемъ), воеваша Ятвязѣ около Охоже и Бусовна... еще бо Холму не поставлену бызвизю Даниіломъ*« Ип., 530—531] и— въ то время, когда Конрадъ помогалъ Михаилу Черниговскому противъ Даниіла [*Кондратови же ставшу кде пинѣ градъ Холмъ стоить...*« (Ип., 516)]; былъ же онъ тогда, когда Даниілъ въ послѣдній разъ занималъ Галичъ предъ татарскимъ нашествіемъ [*приде вѣсть Даниілу, во: Холмъ будущю ему...*« *ibid.*,

жевь, открывался видъ на обширную низменность, тянувшуюся вдольною полоскою къ югу, и на противоположномъ концѣ этой долины, также на возвышеніи, красовался въ Данилово же время основанный городъ Львовъ, находившійся въ 20 миляхъ отъ Холма. Пожаръ, бывшій въ Холмѣ при нашествіи Куремсы, былъ виденъ во Львовѣ¹⁾.

517); значить, онъ воздвигнуть въ промежуткѣ между этими событіями, г. е. передъ 1240 г. Нѣкоторые — не знаемъ, на какомъ основаніи — называютъ Даниїла не основателемъ, а только строителемъ Холма (»Кіевскія Еп. Вѣдом.« 1865, № 22. Рѣчь г. Лебединцева въ Холмѣ, стр. 847), и этому, повидимому, можетъ благоприятствовать упоминаніе Холма у Длугоша уже подъ 1073 (ib. III, col. 271 и 272) и въ Никоновской лѣтописи подъ 1072 г. [П. с. р. л., IX, 100; тутъ называется Холмскій епископъ Иванъ, пропущенный въ »Пов. врем. лѣтъ«; сл. цитируемое нами ниже свидѣтельство Суши о Холмскихъ епископахъ; въ латинскомъ каталогѣ Холмскихъ архіереевъ упоминается Іоаннъ I (Janusz) около 1070 и 1072 г.], а также преданіе о Холмѣ, записанное въ XVII в. униатскимъ епископомъ Сушею (см. сочиненіе послѣдняго подъ заглавіемъ: »Phoenix tertiato redivivus, s. imago longe vetustissima Virginis Matris Chelimensis. Zamoscii. 1684. in - 4«); но приведенныя памп въ текстѣ слова лѣтописи рѣшительно не говорятъ о томъ, чтобы здѣсь было какое-нибудь поселеніе до Даниїла: было только »мѣсто красно и лѣсно« на горѣ (ужь, конечно, »мѣсто« — не мѣстечко). Нѣкоторые (И. И. Шараневичъ: »Изслѣд.«, прим. 87, стр. 59 — 60) думаютъ, что было выстроено Даниїломъ два Холма, но лѣтопись ничего подобнаго не говоритъ (»созда градъ иный« въ томъ же смыслѣ употреблено, въ какомъ иногда въ новгородскихъ лѣтописяхъ говорится: »заложи Новгородъ...« въ то время, когда Новгородъ давно существовалъ). Холмъ находился въ украинной отъ Поляковъ, но тѣмъ не менѣе искони занятой русскимъ племенемъ землѣ. Даниїль »вопраша тоземць«, говоритъ лѣтопись. До основанія Холма въ той мѣстности находились Охоже и Бусовно (Ип., 531). Наконецъ, вблизи Холма видны столбы глубочайшей древности, преданіе о которыхъ, записанное два съ лишнимъ вѣка назадъ, приписываетъ ихъ построеніе первымъ русскимъ князьямъ до - исторической эпохи (упоман. рѣчь г. Лебединцева, стр. 846—847).

1) Ип., 557. Тогда впервые упоминается Львовъ въ нашей лѣтописи. Основанъ онъ былъ нѣсколько раньше. Въ спеціальномъ своемъ изслѣдованіи, посвященномъ древнѣйшему Львову, И. И. Шараневичъ относитъ основаніе его къ гг. 1250—1255. Въ болѣе позднемъ сочиненіи (»Изслѣд.«, 60), онъ допускаетъ возможность существованія его уже вскорѣ послѣ татарскаго нашествія. Соглашаясь съ послѣднимъ предположеніемъ, не отвергая даже возможности основанія его Даниїломъ въ честь Льва еще до татарскаго нашествія, мы скажемъ, что несомнѣнно существованіе Львова около 1254 г.: въ этомъ году Левъ

Нѣкоторые города были приведены Даниломъ въ лучшее состояніе, напр. Угровескъ¹⁾; вѣроятно, Данилъ основатель упоминаемый въ послѣднемъ нѣсколько позже монастырь св. Давидія, въ которомъ пребывалъ въ послѣднее время своей жизни Войшелкъ²⁾. Устроил новые города, Данилъ большую часть ихъ хотѣлъ сдѣлать сильными военными пунктами, которые должны были служить убѣжищемъ для жителей—преимущественно во время татарскихъ нашествій; Холмъ, на примѣръ, онъ укрѣпилъ весьма высокою башнею, поставленною среди города³⁾.

является съ своими слугами; около 1256 г. Данилъ *совѣтуется* съ сыномъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ Льва, очевидно, нужно считать самостоятельнымъ княземъ (сл. 3-е прим. на стр. 77), а въ такомъ случаѣ нужно принять, что онъ имѣлъ *свою* резиденцію, которую вѣроятно же всего, былъ Львовъ. Странно, впрочемъ, слѣдующее извѣстіе галицко-волынской лѣтописи о Войшелкѣ: *»И по семь иде... до Галича... тогда же... хрести Юрья Львовича«* (Ип., 567; значитъ, Лев жилъ тогда въ Галичѣ?). По одному документу (*»Гал. ист. сб.«*, II, пр 41, стр. 125), Львовъ былъ уже въ 1183 г., но исследователи считают эту цифру ошибочно поставленною. Есть еще панская бумага 1231 г., говорящая о Львовѣ (H. R. M., I, XXXVII), но она, очевидно ошибочно отнесена къ этому времени; по всей вѣроятности, она принадлежит не Григорію IX, а Григорію XI (въ XIV стол.). Не знаемъ на какомъ основаніи г. Стадницкій (*»Syn. Ged.«*, t. II, str. 3) говоритъ *»Tenże Leo Daniłowicz znany w dziejach jako mniemany założyciel Lwowa, czem był rzeczywiście w tem rozumieniu, że do tego już dawni istniejącego grodu stolicę swą przeniósł i tak mu pierwszy znaczenie nadał...«*

1) Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи говорится: *»Данилови бо князю в Володимѣрѣ, созда градъ Угровескъ«* (Ип., 558). Но Угровескъ существовалъ еще до Данила (Ип., 483); до основанія Холма онъ, какъ жется, былъ любимымъ мѣстопробываніемъ Данила, которымъ бы учреждена тамъ и епископія. Ип., 506: *»Князю же Данилова будущю Угровьсцѣ...«*

2) Ип., 573.

3) По словамъ тамошнихъ жителей, остатки ея уцѣлѣли до настоящаго времени, но находятся въ незавидномъ положеніи: на мѣстѣ ея виденъ высокій бугоръ, покрытый отъ основанія до вершины мусоромъ и щебнемъ, съ углубленіемъ по срединѣ. Съ этой возвышенности и теперь, какъ и въ времена лѣтописца было, открывается видъ на городскія окрестности на далекомъ пространствѣ. Мѣстная народная молва знаетъ еще о назначеніи башни, но уже забыла славнаго основателя. Уцѣлѣлъ также вырытый при Данилѣ и упоминаемый лѣтописью глубокій на горѣ колодезь. Онъ находится невдалекѣ отъ упомянутого нами бугра и обложенъ изнутри, во всю глубину, тесовы

Даніиль не ошибался въ своемъ предположеніи о важности подобныхъ укрѣпленій: это показываетъ долгая осада татарами Козельска ¹⁾ и отступленіе ихъ во время Батыева нашествія отъ Кременца и Данилова; Колодяженъ былъ взятъ тогда только хитростію: Батый «приде ко городу Колодяжну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемолтвливати люди; они же, послушавше злого с(ь)вѣта его, передадася и сами избити быша ²⁾». Отъ стѣнъ городовъ югозападной Руси нерѣдко отступали и Венгры ³⁾. Но устрояемые Даніиломъ города не были похожи на чисто военные поселенія въ позднѣйшемъ Московскомъ государствѣ. Онъ заботился, чтобы они не уступали старымъ въ цвѣтущемъ видѣ. Лучшимъ образцомъ вновь сооруженныхъ тогда городовъ можетъ служить Холмъ, съ значительнымъ количествомъ его населенія, съ веселыми его садами и великолѣпными для того времени зданіями, отличавшимися «величествомъ и красотою ⁴⁾». Подобныя зданія,—согласно съ духомъ того времени, главнымъ образомъ церковныя, воздвигались и въ другихъ мѣстахъ: Даніиль «созда города многи, и церкви постави, и украси ѣ разноличными красотами ⁵⁾». О Дорогичинѣ лѣтопись говоритъ: «и въдасть (Богъ) и въ руцѣ Данилу; и обнови въ и созда церковь прекрасну святое Богородици ⁶⁾». Даніиль заботился также о развитіи въ этихъ городахъ промышленности. Къ нему бѣжало множество мастеровъ отъ татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе щадить при набѣгахъ и брать въ плѣнъ ремесленниковъ ⁷⁾: «и уноты и мастерѣ всяции бѣжаху ис Татарѣ, сѣдѣльници и лучници, и тулници,

---

камнемъ.—Вблизи города былъ поставленъ Даніиломъ каменный столпъ (Ип., 559). Не знаемъ точно, гдѣ онъ стоялъ: подъ Холмомъ, какъ мы уже говорили, два такихъ столпа: одинъ изъ нихъ находится у дер. Окшова, невдалекѣ отъ города, др. у дер. Столпье, нѣсколько дальше. О нихъ см. въ «Starożytna polska przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II, Warsz. 1845», str. 763—766, и въ 22 № «К. Е. В.», стр. 846—847.

1) Ип., 520.

2) Ibid., 523. Вѣроятно, эти укрѣпленія были воздвигнуты Даніиломъ въ виду татарскаго нашествія.

3) См., напр., Ип., 532.

4) Ип., 558—560. Воздвигнутая Даніиломъ соборная церковь просуществовала до 1640 г.

5) Ibid., 570.

6) Ibid., 524.

7) Пяно-Карпини, стр. 180, 192, 54.

и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру ¹⁾«. Явились художники изъ русскихъ, можетъ быть — ученики иностранцевъ; они употребляли въ дѣло матеріалы, находившіеся въ предѣлахъ русской земли. Вотъ что говорить, между прочимъ, лѣтописецъ о Холмской церкви св. Ивана: »двѣри же еи двоя увсашены каменьемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмьскимъ, тесанымъ, изрыты некимъ *хытрыцемъ* Авдьемъ ²⁾«. Въ Холмѣ явились также колокола. Вообще онъ былъ центромъ тогдашней промышленности югозападной Руси. Тамъ было особенно много мастеровъ: »и бѣ жизнь, и наполниша (разум. мастера) дворы, окрестъ града поле, села ³⁾«; по этимъ словамъ можемъ судить объ обширности города. Такою же значительною величиною отличался Владиміръ: при іашествіи Бурандая, »немошно бысть розметати вборзѣ его величествомъ ⁴⁾«.

При такомъ оживленіи югозападной Руси, при ея стремленіи къ просвѣщенной и обставленной всѣми удобствами жизни, то было важно въ княженіе Данила Галицкаго, что, на ряду съ измѣненіями въ другихъ отношеніяхъ, и культура ея получаетъ особенный оттѣнокъ.

Этотъ особенный характеръ культуры югозападной Руси въ то время обусловился тѣмъ, что въ первую привзопель новый элементъ она начала развиваться подѣ западнымъ вліяніемъ.

Древняя Русь вообще не чуждалась Запада и входила съ нимъ въ разнообразныя сношенія. Соприкосновенія съ Западомъ были наичаще что весьма естественно, въ пограничныхъ съ нимъ областяхъ, и в Галичѣ и на Волыни его вліяніе давало себя знать задолго до Данила вслѣдствіе весьма нерѣдкихъ взаимныхъ вмѣшательствъ во внутренні дѣла ⁵⁾. Даже »Слово о полку Игоревѣ« отмѣчаетъ здѣсь западно

1) Ип., 558.

2) Ibid., 559. Нѣтъ основаній считать этого Авдія иностранцемъ

3) Ibid., 558.

4) Ibid., 562. Сохранилось извѣстіе, что при Владимірѣ I этотъ городъ имѣлъ въ своей окружности семь миль. См. »Вол. Еп. Вѣд. 1867, № 3, стр. 50. Сл. »Тр. Вол. губ. ст. ком.«, 10.

5) Довольно полный очеркъ этихъ соприкосновеній и, притомъ составленный не по русскимъ только источникамъ желающіе могутъ найти въ не разъ уже цитированномъ нами »Исслѣдованіи на полъ отечественной географіи и исторіи« Шараневича.—Первое вмѣшательство русскихъ въ венгерскія дѣла случилось въ 1047 (Thwrosz Швандтнера: I, 105). По словамъ Татищева (II, 222), Ростислави

вліяніе, хотя во внѣшности только. Обращаясь къ Роману и Мстиславу Нѣмому, поэтъ говоритъ: »суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ *шеломы латинскими*«; въ тремъ Мстиславичамъ въ другомъ мѣстѣ поэтъ взываетъ такъ: »кое ваши златыи шеломы и *сулицы Ляцкии и щиты*«! ¹⁾—Съ конца XII столѣтія это вліяніе должно было усиливаться: около того времени начала исчезать тѣсная связь между отдѣльными землями, кое-какъ державшаяся до той поры; нужно указать также на особенно учащенные вмѣшательства иностранцевъ. Русскіе этихъ краевъ начинаютъ приглашать къ себѣ на помощь даже Чеховъ ²⁾. Южнорусскіе князья постоянно бѣгаютъ за помощью и спасаются отъ враговъ въ Венгрію и Польшу, чего мы прежде не видимъ. Лѣтопись этого времени, ничего почти не говоря о событіяхъ въ другихъ княжествахъ, касается иногда происшествій Германской имперіи ³⁾. Но, во всякомъ случаѣ до Даніила связь съ остальною Русью была еще сильна. По словамъ Татищева ⁴⁾. Галичане во время угѣсненій отъ Венгровъ искали помощи въ Руси далеко отъ своей родины. Западное воздѣйствіе въ Галичѣ могло также уравниваться Византійскимъ. Галичъ и Византія были сосѣдями. Кромѣ торговли ⁵⁾, ихъ сближали частыя по-

---

были приглашены на помощь венгерскимъ королемъ еще въ 1119 г.— Венгры столкнулись съ нами враждебно въ первый разъ при Болеславѣ Храбромъ, въ походѣ котораго на Русь они приняли участіе за деньги. См. Thietmar; Chronicon, lib. VIII, гл. 16 (у Бѣлѣвскаго I, 317).

1) У Мстислава Изяславича на службѣ былъ цѣлый отрядъ Поляковъ: »Mscislaus Dux cum magna gloria rediit ad Russiam pluribus Polonorum militibus cum usque ad Vladimiriā conducentibus et plerisque remanentibus apud eum« Dlug. ad a. 1159, col. 499.—О Ярославѣ Осмомыслѣ у Татищева (III, 280) говорится, что онъ »въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устроая и паставляя *зловѣріе* искоренялъ, а мудрости и *правой отвѣръ* наставлялъ и учить понуждалъ«. Можетъ быть, это »зловѣріе« состояло въ уклоненіи отъ чистоты православія.

2) Ип., 488: »Володиславъ выеде съ Угры и *Чехы* своими«.—По Нчѣ. (II, 318), въ 1218 г. и у королевича венгерскаго, когда онъ вышелъ противъ Мстислава, были и Ляхи, и Чехи, и Моравы. То же повторено въ другихъ лѣтописяхъ.

3) Ип. подѣ 1207 (стр. 484).

4) III, 377, 401.

5) Греческія издѣлія были распространены въ галицкой землѣ. Это видно изъ разсказа Длугоша о выкупѣ Володаря: »de viginti milibus margarum argenti pro solutione Wolodori dandis conveniunt, datisque hinc duodecim millibus argenti de solveudo residuo Jaroslaw filium obsidem

литическія связи и сношенія ¹⁾. На Волыни мы сряду видимъ двухъ епископовъ изъ грековъ ²⁾.

При Даниилѣ же западное вліяніе торжествуетъ и пріобрѣтаетъ чрезвычайную силу.

Югозападная Русь была такъ отрѣзана отъ прочей Руси, что сѣверо-восточныя лѣтописи съ этого времени совершенно почти молчатъ о ней. Отъ Византіи она также была отдѣлена татарами. Съ сѣвера, востока и юга ее окружали варвары. Они не могли вліять на нее, потому что она питала къ нимъ презрѣніе. Вспомнимъ чувства Даниила при поѣздкѣ въ орду ³⁾. Другое дѣло—сѣверовосточная Русь:

ponunt. Postea vero quingentis vasis argenti, scutellis videlicet, picariis et sciphis de opere Graeco allatis, plenam solutionem impendunt» (lib. IV, col. 418). Сл. Тат. II, 226.

¹⁾ Приведемъ въ извлеченіи по книгѣ Стриттера (т. II) извѣстія Киннама и Ник. Хопіата о сношеніяхъ Галича съ Византією. Владимірко жилъ въ союзѣ съ Эммануиломъ Комнинимъ; потомъ въ союзѣ съ нимъ былъ Ярославъ Осмомыслъ. Послѣдній ласково принялъ бѣжавшаго изъ Греціи—изъ заточенія—Андроника, племянника царствовавшего императора, и далъ ему въ управленіе нѣсколько городовъ. Узнавъ о томъ, греческій императоръ прислалъ къ Андронику двухъ митрополитовъ, примирился съ нимъ, и Ярославъ отпустилъ его «с великою честью, приставивъ къ нему пискупа своего Кузму и мужа своя передня» (Ип., 359. Ник. Хон.). Потомъ императоръ старался разорвать готовившійся союзъ Ярослава съ венгерскимъ королемъ, и Ярославъ обѣщалъ это сдѣлать. Въ 1182 г. Андроникъ думалъ опять бѣжать въ Россію, но былъ пойманъ и замученъ Исаакомъ Ангеломъ. Романъ оказалъ немаловажную услугу Византіи, спасши ее отъ Половцевъ. Послѣ взятія Константинополя крестоносцами, Византійскій императоръ бѣжалъ въ Галичь (Mug., lib. VI, col. 584).—Прибавимъ, что иногда бывали и родственныя связи. Подъ 1104 г. читаемъ въ «Повѣсти врем. лѣтъ»: «Ведена дщи Володарева за царевича за Олексинича, Царюгороду, мѣсяца июля въ 20».

²⁾ Ип., 494: «Данила и Василка Романовичю, бѣзду Володимѣрьскыи пискупѣ: бѣ бо Асафѣ блаженный и преподобный святитель Святое Горы; и потомъ бѣ Василѣй отъ Святое Горы». Г-нъ У—дскій въ «Историческомъ изслѣдованіи объ епископахъ Волынской епархіи» помѣщенномъ въ I - мѣ № «Волынскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» 1867 г., выраженіе «отъ Святое Горы» толкуетъ такъ: «Изъ моего стыря, существовавшего не въ далекомъ разстояніи отъ Владиміра Волынскаго»; но лѣтопись подъ Святою Горю разумѣетъ Аѳонъ. См. Ип., 551 и 568—о Войшевѣхъ.

³⁾ Лѣтописное мѣсто объ этомъ мы приведемъ въ слѣд. главѣ.

она была подвержена постоянному и тяжелому татарскому гнету. На югозападѣ татары являлись на время, какъ враждебная сила, и скоро исчезали. Отъ нихъ могло быть взято только что-нибудь пустое, и это мы и видимъ. »Возвѣха же король (разум.: Венгерскій)... противу же Данилу князю, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи ¹⁾, Данило же приде к нему, исполни вся люди своѣ. *Нѣмци* же дивящися оружью *татарскому*: бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожанныхъ, и людье во ирыцѣхъ«... Такимъ образомъ, здѣсь открывался полный просторъ западному влиянію и помпю особенно сближавшихъ обстоятельствъ.

Но разсматриваемая нами Русь не оставалась холоднымъ сосѣдомъ Запада, и ея князья сильно льнули къ послѣднему. Нетерпимость Феодосія къ католикамъ здѣсь давно не имѣла мѣста. Къ нимъ относились безъ чувства вражды ²⁾, нисколько не измѣняя въ тожѣ время православію и энергически стоя противъ всѣхъ попытокъ папства подчинить себѣ этотъ край. Не забудемъ и того, что Даниилъ, подобно отцу ³⁾, былъ воспитанъ на западѣ. Если и оставалось еще какое предубѣжденіе противъ Запада, оно должно было теперь совершенно исчезнуть въ виду того, что тамъ жили *христиане*, какого бы исповѣданія они ни были, и въ трудную минуту, среди варваровъ, къ кому было протянуть руку, если не къ нимъ? Убѣждая Даниила идти къ венгерскому королю, исполнить желаніе послѣдняго и женить Льва на его дочери, Василько говоритъ: »иди къ нему, яко крестьянъ есть ⁴⁾«. Въ другой разъ самъ Даниилъ, приглашая на помощь польскихъ князей, говоритъ: »время есть *христианомъ на погань* ⁵⁾«. Русскіе князья ищутъ опоры въ западныхъ христианахъ, и является цѣлая какъ бы

¹⁾ Ип., 540.

²⁾ Обратимъ вниманіе на то, какъ называетъ лѣтопись папу подъ 1255 г.: Даниилъ »вѣнѣць отъ Бога прія, отъ церкви святыхъ Апостоль и отъ стола святаго Петра и отъ отца своего папы Нехънтія, и отъ всихъ епископовъ своихъ« (Ип., 548). Объ одной католичѣй лѣтописецъ говоритъ: »много бо послужи Богови по мужи своемъ и святу нарѣчаютъ« (Ип., 484). Романъ дѣлалъ даже пожертвованія въ католическіе монастыри (см. выписку изъ некролога Эрфуртскаго Петрова мон. въ 113 прим. къ т. III »Исторіи« Карамзина).

³⁾ Кадлубекъ говоритъ о Романѣ: »menimit... Romanus quanta erga se Kazimiri lucrant beneficia, apud quem pene a cunabulis educatus...« Ц, 110.

⁴⁾ Ип., 537.

⁵⁾ Ibid., 541.

система взаимнаго вспоможенія, основывавшагося на родственныхъ связяхъ. Содѣйствовавши родственнику своему Сомовиту къ занятію Мазовецкаго престола, Данииль и Василько потомъ сказали ему: »добро видиль еси отъ наю, из(ъ)иди с нами на Ятвезѣ¹⁾«. Затѣмъ Данииль опять помогаль Сомовиту. Предъ Ярославскою битвою Данииль и Василько »посласта Кондратови, рекуще: »яко тебе дѣля извѣдоша на наю Ляхове, яко помощника ти есвѣ. Пославшу же ему помощь²⁾«... Породнившись съ Данииломъ черезъ Льва, за котораго выдалъ свою дочь Констанцію, венгерскій король нѣсколько разъ просилъ у него помощи. Одинъ разъ онъ приглашалъ его слѣдующимъ образомъ: »ужика ми псватъ еси, помози ми на Чехы³⁾«. Исполняя эти просьбы, Данииль нѣсколько разъ пособлялъ Белѣ въ войнѣ за австрійское герцогство⁴⁾

1) Ип., 538.

2) Ibid., 532.

3) Ibid., 545.

4) Въ первый разъ это случилось предъ 1249 г. (лѣтопись упоминаетъ о первой помощи подъ 1252: Ип., 540 — 541), потому что императорскіе намѣстники *до того времени* были изгнаны изъ австрійской области (Szalay, II, 74), а лѣтопись говоритъ, что, когда Данииль пришелъ на помощь королю, »царь объдержа Вѣдень, землю Ракушеску и Штирьску«. — Во второй разъ Данииль помогаль Белѣ вмѣстѣ съ Болеславомъ Краковскимъ въ 1253 г. Это не могло состояться въ 1254 г., потому что въ этомъ году съ весны начались переговоры между чешскимъ и венгерскимъ королемъ, окончившіеся миромъ, заключеннымъ 3-го апрѣля (Szalay, II, 77). Въ *Continuationes Cosmae Saponisogum Pragensium* подъ 1253 г. говорится о вторженіи въ Моравію и опустошеніи ея не Команами только и Венграми, но и другими народами, хотя прямо Русскіе не названы (Pertz, IX, 174: »*Timor etiam magnus Chomanorum et aliorum extraneorum irruit super Bohemos...*«) Къ 1253 же году отнесено это событіе у Анонима (Sommersb., II, 82, въ *Annal. capituli Cracov.* (Pertz., XIX, 600) и въ *Annal. sanctae crucis Polonicis* (ib., 681). Таже дата, равно какъ несправедливость показанія Богуфала (Sommersb. II, 67; онъ ставитъ 1254-й г.), могутъ быть въведены, если принять въ соображеніе исторію походовъ Романа въ Австрію. Длугошъ (lib. VII, col. 733—735) говоритъ объ одномъ и том же дважды: подъ 1253 и подъ 1254 г.г. — На основаніи словъ лѣтописи (Ип., 550): »Лва бо преже отрядилъ бѣ королеви«, мы думаемъ, что Данииль помогаль Белѣ и въ третій разъ. Въ послѣдній разъ онъ явился къ нему на помощь въ 1260 г., о чемъ говорятъ: письмо къ папѣ Оттокара (Pertz, IX, 184—185 и Н. R. M., II, Appendix, № V *Germanicum Austriae Chronicon* (Pez, I, col. 1079), *Continuatio praedicatorum Vindobonensium* (Pertz, IX, 728) и Длугошъ (lib. VII, col. 761

Впрочемъ, Венгры не платили Даниилу благодарностію за это, что видно изъ ихъ поступка съ Романомъ 1).—Католическое духовенство пользовалось тогда огромнымъ вліяніемъ за западѣ, и, при его нетерпимости 2), весьма важно было приобрѣсть его голосъ. Чтобы найти болѣе живую поддержку оттуда, Данииль задумалъ сблизиться съ Западомъ и въ религіозномъ отношеніи. Но, не получая помощи отъ папъ, онъ оставилъ свои намѣренія. Несмотря на разрывъ съ Римомъ, возложеніе на голову Даниила, по инициативѣ послѣдняго, королевскаго вѣнца 3), не заявившее себя сильнымъ вліяніемъ на внутреннюю жизнь

Въ »Continuatio...« читаемъ слѣдующее объ участи русскихъ: »Multi Ungari et Ruteni et Comani sunt occisi, sed multo plures in flumine Marchye, nec non in flumine Wach fugente rege Ungariae et filio suo Stephano sunt sumbersi«.

1) См. объ этомъ ниже.

2) Приведемъ въ примѣръ одно мѣсто изъ буллы папы Григорія IX (Н. Р. М. I, XXXIV): »мы не желаемъ и не должны терпѣть, чтобы вѣрные сочетались съ невѣрными брачнымъ союзомъ, потому что свѣтъ несовмѣстимъ съ тьмою, и неприлично членамъ Христа Спасителя соединяться съ членами погибшаго сатаны, а смоль смѣшиваться съ балзамомъ«. Въ другой буллѣ русскіе ставятся на ряду съ сарацинами и другими врагами католической церкви«.

3) Мы думаемъ, что оно случилось осенью 1253 г. *: лѣтопись говорить о немъ вслѣдъ за описаніемъ Чепскаго похода; послѣ коронованія былъ предпринятъ походъ на Ятвяговъ, а потомъ было вскорѣ роскалье, очевидно—весеннее (Ип., 549); къ этому же году отнесено Дорогичинское коронованіе Даниила и у Стрыйковскаго (I, 291), который, очень могло быть, въ этомъ случаѣ воспользовался сообщеніемъ какой-нибудь не дошедшей до насъ лѣтописи. Въ нашей лѣтописи находимъ только одно хронологическое указаніе, да и то не удовлетворительное: Данииль, по словамъ лѣтописи, былъ коронованъ еще при жизни Иннокентія IV, а послѣдній умеръ 7 декабря 1254 г. Разрывъ съ папою случился не позже начала 1255 г. [см. въ Hist. R. M., I, № XCIII—буллу Александра IV, помѣченную: II. Nonas Martii anno primo (1255)].—Считаемъ не лишнимъ разобрать тутъ свидѣтельства о коронованіи Даниила, находящіяся у Длугоша и у Стрыйковскаго. Первый отпоситъ это событіе къ 1246 г.; но соглашеніе съ Римомъ, хотя какое-нибудь, не пришло къ концу еще и въ 1247 г. (см. Н. Р. М., I, № LXXII); притомъ мы не имѣемъ основаній предпочитать Длугоша нашей лѣтописи; послѣдняя можетъ сказать въ оправданіе его только то, что папа предлагалъ корону Даниилу задолго до Дорогичинскаго

* Сохранилась папская булла, помѣченная »II. Idus Maii« 1253, упоминающая о письмахъ къ папѣ Даниила. Не было-ли коронованіе отвѣтомъ на эти письма?

югозападной Руси, много значило для вѣнскихъ ея отношеній. Королевскій титулъ остался за Даниломъ ¹⁾, и католическій мiръ зналъ его, какъ *короля*, возведеннаго въ это достоинство *папою*. Западъ ближе познакомимся съ Даниломъ и сталъ на него смотрѣть нѣсколько иначе и по другому поводу. Кто изъ ближайшихъ сосѣдей Данила не узналъ его стройныхъ полковъ? По словамъ лѣтописца, кромѣ Данила, »иный князь не входилъ бѣ въ землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестилъ ²⁾«. Тоже говоритъ онъ и относительно Чехи: »не бѣ бо в землѣ Русцѣй первее, иже бѣ воевалъ землю Чепьску, ни Святославъ Хоробры, ни Володимеръ святыи ³⁾«. Во время этого похода Данилъ водрузилъ на стѣпахъ одного города свое знамя ⁴⁾, а какой-то »Гърбортъ присла Данилови мечъ и покоренце свое ⁵⁾«. Другая лѣтопись говоритъ: »Данилъ Романовичъ по сей славной побѣдѣ въ Чехахъ началъ всюду славетъ быти, яко и папа Римскій величаше его и присла ему свое благословеніе и знаменія кр

вѣнчанія 1253 г. (Данилъ отвергнулъ ее); онъ называлъ Данила *королемъ* (*rex*) сразу, — когда и помину не было о коронаціи (Н. Р. М. I, LXII—LXIV); въ 1247 г. онъ чтилъ такимъ же титуломъ и Василы (*ibid.*, LXVII, LXIX, LXXIV, LXXVI). По словамъ Стрыйковскаго, Данилъ былъ коронованъ дважды: въ Кіевѣ въ 1246 г. и въ Дорогичинѣ въ 1253 г. Не вдаваясь въ указаніе нѣкоторыхъ несообразностей и его разсказѣ, объяснимъ, какъ онъ сложился. Польскіе историки, которыми пользовался Стрыйковскій, говорили о коронаціи Данила по 1246 г., а русскіе ставили это событіе подъ 1253 г. Стрыйковскій пытался примирить это противорѣчіе, принявъ два вѣнчанія и полживши первое изъ нихъ въ Кіевѣ, и не подумалъ о томъ, что, совершенія одного, въ другомъ не было надобности. Вообще польскіе историки не знали, къ какому времени отнести это коронованіе. Нкоторые изъ нихъ, по словамъ Сарницкаго (р. 280), клали его по 1260! въ числѣ послѣднихъ и Кроммеръ (*ibid.* IX).

¹⁾ Такъ титулуется его самъ папа въ укорительной буллѣ 1257 (Н. Р. М., I, XCV); такъ же называетъ его король Богемскій въ письмѣ къ папѣ въ 1260 г., тогда какъ польскіе князья упомянуты имъ по названіемъ *duces* (Pertz, IX, 184); наконецъ *rex* ономъ называютъ его разные анналы, наприм. Annales Poloni. I. IV (Pertz, VIII, 636 — 63) Плато-Карпини знаетъ его еще такъ *dux* а.

²⁾ Ип., 505.

³⁾ *Ibid.*, 545. Лѣтописецъ забылъ про Владиміра Мономаха.

⁴⁾ *Ibid.*, 547.

⁵⁾ *Ibid.*, 548.

левская¹⁾. Русскія войска видѣли даже отдаленную Ригу²⁾. Наконецъ, сынъ Даниила сидѣлъ пѣкоторое время на австрійскомъ герцогскомъ престолѣ³⁾. И хотя папа велѣлъ епископу Ольмоцкому и Бреславль-

1) П. с. р. л., II, 341.

2) Ип., 542.

3) Въ 1251 г. Гертруда, племянница послѣдняго австрійскаго герцога изъ дома Бабенберговъ, уступила всѣ свои права на Австрію и Штирію Белѣ. Желая добыть для себя во что бы то ни стало эти земли, Бела рѣшился втянуть въ войну и Даниила и для того переступилъ его сыну свои права на Австрію съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на Гертрудѣ, обѣщая помочь ему утвердиться въ тѣхъ областяхъ (въ *«Continuatio Garstensis»*: Pertz, IX, 599, намѣреніе Бела объяснено такъ: *«ut ex hoc ipse rex (i. e. Bela) ducatus Austrie et Styrie sibi posset iustius vindicare»*). По приглашенію Бела, Данииль явился съ Романомъ въ Австрію [такъ въ нашей лѣтописи—стр. 545; въ *«Continuatio Garstensis»* (l. c.) о Романѣ говорится, что онъ *«apud ipsum (i. e. Belam) tunc degebat»*], заключилъ съ королемъ договоръ (Ип., 545), и, послѣ того, въ 1252 г. [*«Contin. Garstensis»*, l. c.; *«Contin. praedicat. Vindobon.»*—у Pertz'a, IX, 727; *«Chronicon Claustro—Neoburgense»* у Pez'a, I, col. 462; *«Anonymi Leobienensis Chron.»*—*ibid.*, col. 821; подъ 1253 г. мы нашли упоминаніе о томъ только въ *«Anonymi Coenobitae Zwettl. Chron.»*—у Pez'a I, col. 982] было совершено въ Гиндбергѣ бракосочетаніе Романа (о томъ, что это случилось въ Гиндбергѣ, говорятъ: *«Germ. Austriae Chron.»*, *ut supra*, col. 1074; *«Anon. Leob. Chron.»*, *ut supra*, col. 822; *«Thomae Ehendorfferi de Haselbach Chron. Austr.»*—Pez., II, col. 729). Король обѣщалъ новобрачнымъ добыть всю Австрію, но Гертруда не вѣрила и заставила его поклясться (Ип., 554). Взявъ съ собою сына Гертруды отъ перваго ея мужа будто для того, чтобы женить его на своей дочери (Ип., 555), Бела удалился, оставивъ Романа въ Нейбурѣцѣ [Ninperg'ѣ, въ которомъ происходила свадьба? У Карамзина (IV. пр. 101) и С. М. Соловьева (III, стр. 232): въ Нейбургѣ. По Szalay'ю (II, 77), Романъ оставилъ жену въ Юденбургѣ]. Тутъ Романъ долженъ былъ выдерживать постоянныя нападенія Оттокара [*«Герьцювъ»* говоритъ ему: *«ужьнка ми еси и сволякъ»*, Ип., 554. а родственница Романовой жены была именно за Оттокарѣмъ; о нападеніяхъ Оттокара говоритъ и *«Continuatio Garstensis»*; между прочимъ, тамъ сказано, что Оттокаръ *«per consilium et auxilium Alberonis de Chunringe, in inferioribus et superioribus eiusdem terre (i. e. Austriae) partibus iam regnaret»*] и тщетно просилъ Бела о помощи: король *«не помогашеть ему, леть бо имяшеть хотя городовъ его»*. Въ концѣ концовъ, въ 1253 г. Романъ (*«Chron. Claustro—Neob.»*, *ut supra*; *«Anon. Leob. Chron.»*, *ut supra*, col. 822; въ пѣкоторыхъ хроникахъ вся исторія Романа рассказана подъ однимъ 1252 г.: *«Contin. Garstensis»* и *«Contin. praedicat. Vindobonens.»*, *ut supra*) ушелъ по увѣщанію самой жены, какъ говоритъ наша лѣтопись, оставивъ ее беременною. Дочь

скому проклясть Даниїла и, потерявъ надежду на возможность обращенія Русскихъ мирнымъ путемъ¹⁾, называя ихъ схизматиками и ставя на одну доску съ татарами, проповѣдывалъ противъ нихъ ополченія для насильнаго ихъ подчиненія²⁾, это не мѣшало католическимъ государямъ и государствамъ дружитья съ ними³⁾, и югозападная Русь уже не выдѣлялась изъ ряда западныхъ державъ.

Помимо всего этого, много западнаго могла принять культура разсматриваемой Руси чрезъ иностранныхъ поселенцевъ, которые, насколько можно судить, пользовались довольно почетнымъ положеніемъ и считались какъ-бы равными кореннымъ гражданамъ. Въ 1268 г. по Ип. см.⁴⁾ во Владимірѣ »Марколтъ Нѣмѣчинъ зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ, Василка, Лва, Войшелка; и начаша обѣдати и пити и веселитися«. О Мстиславѣ Даниловичѣ говорится: »и созва бояры Володимѣрскыя брата своего, и мѣстичѣ Русции и *Нѣмцѣ*, и повелѣ *передо*

отъ этого брака Марія, по словамъ »*Tabulae Claustro - Neuburgenses*« (Pez, I, col. 1042), »*warde verheirat Hertzog Steffan von Agram gelegen in Windischen Landen. Hertzog Steffan was Künig Steffans von Hungern des Fünfften Hauptman in der Steirmarch*«.

1) Послѣ Даниїла энергическая пропаганда Рима превращается на долго. Впрочемъ, званіе легата Руси не было уничтожено. См., напр., »*Scarbiec*« № 172.

2) »*Scarbiec*«, № 183, и »Русско-ливонскіе акты, собранные К. Е. Напьерскимъ« (Сиб. 1868), № XXII: папская булла 1260 г. Нѣмецкому ордену; П. R. M., II, App., VI: булла 1264 г. Оттокару.

3) Мы находимъ нѣсколько указаній на то, что князья предпринимали частныя, а не какія-нибудь официальные поѣздки за границу къ иностраннымъ государямъ. Не упоминая о присутствіи въ 1235 г. Даниїла и Василька при коронованіи Бела, обратимъ вниманіе на то, что въ 1246 г. Василько гостилъ у Конрада Мазовецкаго (Плано-Карпини, стр. 8; впрочемъ, можетъ быть, они собирались тогда на Ятвяговъ; см. Ип., 541), въ 1261 г. Даниїлъ былъ на свадьбѣ младшаго сына Бела (»*Th. Ebdendorfferi de Haselbach Chron. Austr.*«, ut supra, col. 731: »*Nuptiae quoque celebratae in Vienna, in quibus rex Bela cum duobus filiis Stephano et Bela, cum Regibus Rutenorum et Masoviae, genero Regis Belae, et Rege Serviae, cum multis Ducibus praesens aderat*«. Сл. Szalay, II, 87), а въ 1262 г. опять ѣздилъ въ Венгрію (Ип., 566 — 567).

4) Стр. 573. Объ этомъ Марколтъ Стрыйковскій говоритъ (I, 305): »...*Markolt Niemcin pan Ruski, który był zwierzchnim sprawcą i radcą u Daniła zmarłego króla Ruskiego*«.

всими чести грамоту братну, о данби землѣ и всѣхъ городовъ и столного города Володимѣря ¹⁾».

Иноземное вліяніе можетъ быть вреднымъ и губить народность; это доказала бывшая прежде польскою страню Силезія. Дѣло въ томъ, въ какой оно проникаетъ мѣрѣ и какіи затрогиваетъ сферы. Въ юго-западной Руси оно не переступило границъ. Главное—не былъ усвоенъ католицизмъ, который не замедлил-бы наложить на народъ свою тяжелую, гнетущую руку, и эта Русь осталась православною землею. Безъ всякаго посторонняго насилія, она могла повѣрять и исправлять свое собственное и развивать здоровую, самостоятельную культуру,—при знакомствѣ съ западомъ, но безъ преобладанія его.

Югозападная Русь могла идти съ того времени параллельно съ нимъ, не гонясь за нимъ, потому что была не ниже его. Что касается сосѣдившихъ съ нею Венгрии и Польши, то, быть можетъ, она была еще выше ихъ; такъ думаетъ Д. И. Зубрицкій ²⁾, и, кажется, его мнѣніе вѣрно. Укажемъ прежде всего на то, что мы не замѣчаемъ на сторонѣ Поляковъ и Венгровъ никакого превосходства въ военномъ дѣлѣ. Это видно въ лѣтописи на каждомъ шагу. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, показывающихъ, какъ относились эти націи къ русскимъ войскамъ. Когда однажды Венгры сошлись съ Давидомъ, велику же полку бывшю его, устроенъ бо бѣ храбрыми людьми и свѣтлымъ оружіемъ, онѣмъ же видащимъ, не хотяхуть сразитися с нимъ, но клоняхуться на Дѣмьяна и на иные полки ³⁾». Подъ 1229 г. въ Ип. сп. ⁴⁾ читаемъ: »Кондрату же любящю Рускый бой«....; подъ 1245 ⁵⁾: »и увидевше ляхове яко крѣпце брань Руская валежить, вачаша просити милость получить«. Когда Давидъ пошелъ на помощь Венгерскому королю, »бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружія блистающая«; король сказалъ ему тогда: »не взялъ быхъ тысяце се-

¹⁾ Ип., 596.

²⁾ »Критико-историч. пов.«, стр. 87, § 8.—Сл. слѣд. слова Д. И. Иловайскаго: »наша гражданственность въ XII вѣкѣ стояла почти на равной высотѣ съ нѣмецкою и была выше польской«. (»О мнимоиъ призваніи варяговъ«. »Русскій Вѣстникъ« 1871, № XI, стр. 50).

³⁾ Ип., 512.

⁴⁾ Ibid., 504.

⁵⁾ Ibid., 529.

ребра за то, оже еси пришесть обычаемъ Рускимъ отцевъ своихъ¹⁾»; значить, въ оригинальномъ русскомъ не видѣли ничего дурнаго, напротивъ, находили много хорошаго. А вотъ что случилось во время одного изъ походовъ короля Андрея на Русскую землю. »Пришедшу же ему Володимерю, дивившуся ему, рекъшу: »яко тава градъ не избрѣтохъ ни в Нѣмѣцкихъ странахъ«; тако сущу оружьникомъ стоящимъ на немъ блистахуса щити и оружници подобни солнцю²⁾«. Если Венгры и теперь еще не вполне освободились отъ азиатской грубости, то можемъ себѣ представить, каковы они были въ XIII в.; такая ихъ грубость достаточно видна изъ мѣстъ лѣтописи о временахъ господства ихъ въ Галичѣ³⁾. Но оставимъ въ сторонѣ этихъ непосредственныхъ сосѣдей и возьмемъ Европу вообще. Что мы видимъ тамъ? Возрожденіе еще не начиналось, господствовали *trivium* и *quadrivium*. Какого рода были наши книжники? Объ одномъ изъ нихъ лѣтопись говорить такъ: »Бѣ бо Тимоѣѣи в Галичѣ премудръ книжникъ, отцество имѣя во градѣ Кшевѣ, притчею рече слово о семъ томители Бенедиктѣ: яко в послѣдняя времена тремя имены наречется антихристъ⁴⁾«. Такимъ образомъ, церковность преобладала и въ сатиры. Но по одному этому нельзя судить о тогдашней образованности. Авторъ галицко-волинской лѣтописи времени княженія Давида, кромѣ св. писанія⁵⁾ и отечественной исторіи, которая была извѣстна ему изъ существовавшихъ тогда лѣтописей⁶⁾, зналъ: Малалу въ древнеболгарскомъ переводѣ⁷⁾, Евсевія

1) Ibid., 541.

2) Ип., 510.

3) Подъ 1189 г. кievская лѣтопись говорить о Венграхъ: »и почаша насилье дѣяти во всемъ: и у мужий Галицкихъ почаша отымати жены и дщери на постелѣ к собѣ, и въ божицахъ почаша кони ставляти и въ избахъ иная многа насилья дѣяти« (Ип., 447 — 448). Галицко-волинская лѣтопись поды 1205 г. сообщаетъ объ одномъ венгерскомъ воеводѣ слѣдующее: »бѣ бо томитель бояромъ и гражаномъ и блудъ творя, и оскверняху жены же и черници и попады, вправдѣ бѣ антихр(и)стъ за скверная дѣла его (Ип., 483); о другомъ она говорить: »загордѣбоса бѣ« (ib., 492).

4) Ип., 483.

5) Ibid., 494, 499, 528, 552.

6) Ibid., 508 и др.

7) Ibid., 507, строки 26 и 27 и прим. s. См. также »Лѣт. Перяславля-Суздальскаго«, изд. Оболенскимъ (М., 1851), стр. LVII.—По мнѣнію К. М. Оболенскаго, болгарскій переводъ хроники Малала

Кесарійскаго ¹⁾ и другихъ хронографовъ и Гомера, которому иногда даже подражалъ. Очевидно, подъ вліяніемъ послѣдняго онъ рисуетъ такую картину въ одномъ мѣстѣ: »Одинъ же воинъ управи десъпицу свою, вземъ рогатичю изъ пояса своего, далече вергъ, срази князя Ятвяжскаго с коня, и летящу ему до землѣ изыде душа его со кровью, во адъ ²⁾«. Прибавимъ замѣчаніе К. Н. Бестужева-Рюмина: »Читая лѣтопись южной Руси, убѣждаешься въ значительномъ успѣхѣ въ искусствѣ писанія, котораго достигли наши вѣнжники въ періодъ до нашествія татаръ ³⁾«.

Подобныя явленія во внутренней жизни югозападной Руси были тѣмъ отрадыѣ, что сѣверовосточная половина нашего отечества относительно культуры находилась въ иномъ положеніи...

III.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ видно, что въ княженіе Данила Галицкаго югозападная Русь вступила на новый путь и начала новую жизнь. Съ отбитіемъ Поляковъ и Венгровъ казалось, что никто уже не будетъ тревожить ее извнѣ.

Но и на новой дорогѣ она съ перваго же момента стала встрѣчать пренятствія. Какъ разъ въ то время, когда начали выясняться нныя условія ея жизни, обозначилось явственно два врага ея самостоятельности ⁴⁾. Одинъ изъ нихъ былъ знакомъ Руси давно, но только до

походящійся въ одномъ сборникѣ съ лѣт. Переяславля-Суздальскаго, былъ списанъ въ 1261 г., и рукопись, которою пользовался Оболенскій, — точная копія съ этого древняго списка (*ibid.*, XXII). Вставленная русскимъ переписчикомъ замѣтка о литовской мифологіи наводитъ на мысль, не на югозападѣ-ли онъ жилъ.

¹⁾ Ип., 544.

²⁾ *Ibid.*, 552—553.

³⁾ »Русская исторія«, I (Сиб. 1872), стр. 254.

⁴⁾ Современники точно также смотрѣли на дѣлю, если считать подлинною рѣчь митрополита Кирилла, приводимую Татищевымъ подъ 1226 г. (III, 444); тамъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: »Къ тому же время настоящее паяпаче требуетъ отъ насъ (князей) согласія, понеже со стороны Татара, а съ другую Литва предѣлы Рускіе губятъ«.

разсматриваемой нами эпохи отличался не такими стремлениями, другой тогда только что являлся. Мы говоримъ о Литвѣ и татарахъ. Въ стремленіи подчинить себѣ югозападную Русь они смѣнили собою западныхъ ея сосѣдей, принужденныхъ прекратить свои притязанія

1. Обращаемся къ Литвѣ.

Трудно допустить, чтобы она была мирнымъ сосѣдомъ Руси даже въ первое время, когда наши лѣтописи начинаютъ говорить о столкновеніяхъ съ нею ¹⁾. Правда, онѣ вовсе не упоминаютъ объ ея нападеніяхъ до половины XII в. ²⁾, а извѣстія о томъ иностранныхъ лѣтописцевъ не могутъ быть приняты въ разсчетъ ³⁾; но это еще не гово-

¹⁾ Народы литовскаго племени уже готовы были тогда выступать за свои предѣлы съ цѣлью грабежа. Кадлубекъ говоритъ объ извѣстномъ Маславѣ: »Nec XX exercitalissimorum Cuspidariorum contra Casimirum armat exercitus exceptis Sagittariis balistis bipennantibus spatariis, imo etiam Finitimis, tam equitum copiis quam peditum, qui eo spe questus illecti confluerant: fortunam seculi non hominem!—Quibus omnibus a Casimiro confectis, non minores rursus vires instaurat; quatuor Maritimorum acies, totidem Geticas. (подъ *Getae* Кадлубекъ разумѣлъ пруссовъ), nec non Dacorum ac Ruthenorum laega asciscens suffragiis: quos nulla remoratur difficultas, non ut Atropico morem gerant, sed ut hosticam odii rabiem, ut antiquam invidiae sitim cruore Polonorum expleant» (Pars I, p. 112—113). По словамъ Длугоша (lib. III, col. 223), Маславъ возбудилъ *Pruthenos*, ad quos confugerat, *Jacuingos, Slonenses, caeterique Pruthenici tractus barbaros*. Стрыйковскій говоритъ о нападеніяхъ литовцевъ на Польшу послѣ смерти Мечислава II (str. 161: »A Polskę bez zwierchnego pana, kto się nie lenił, najezdzał i trapił, tak Czechowie, Niemcy, Wegrowie, jako i Prussowie pogani z Litwa») и при Казимірѣ [по словамъ Стрыйковскаго (I, 163), Ярославъ Казимира »zawždy rycerstwem Ruskim, przeciw Niemcom, Mazurom, Prussakom, Litwie i Czechom radował.]; въ другомъ мѣстѣ (str. 85) онъ говоритъ о набѣгахъ на Польшу съ старыми пруссами одного изъ древнѣйшихъ жмудскихъ князей —Сперы.

²⁾ Сомнѣніе можетъ быть только о разбитіи въ 1106 г. Зимѣглою Всеславича и его братьевъ (П. с. р. л., I, 120), но и въ этомъ случаѣ больше основанийъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ (И. Г. Р., II, стр. 82) думать, что нападавшими были полоцкіе князья. Татищевъ (II, 204) такъ и говорить.

³⁾ Длугошъ (lib. IV, col. 394), говоря о походѣ Ярослава Святополковича [совершившемся по словамъ Ип. сп. въ 1112 г. (Ип., 196)], называетъ послѣднихъ »gentem molestant infestamque per frequentes excursiones Ruthenis»; по извѣстію о походѣ взято Длугошемъ, какъ это видно изъ сличенія его разсказа съ кievскою лѣтописью, цѣликомъ изъ послѣдней, и если въ ней нѣтъ сказаннаго имъ въ приведенныхъ нами

рить противъ нашего предположенія: нападенія литовцевъ, по всей вѣроятности, были незначительны и, пожалуй, не часты, и потому могли быть и не упомянуты въ лѣтописяхъ мѣстностей, на которыя не были устремлены; мѣстныя же лѣтописи княжествъ, страдавшихъ въ то время отъ литовцевъ¹⁾, до насъ не дошли. Русскіе были тогда сильны благодаря тому, что между князьями не было еще того разобщенія, какое мы видимъ впоследствии, и, не ограничиваясь только отраженіемъ нападеній, предпринимали походы въ глубь самой Литвы съ цѣлью усмиренія ея обитателей, а иногда, быть можетъ, и съ цѣлью обложенія данью, или прямо съ цѣлью обогащенія добычею и въ особенности плѣнными²⁾. Еслибы Русь представляла собою постоянно одно

словахъ, то слова Длугоша нужно признать выдуманнымъ имъ самимъ объясненіемъ на основаніи того, что ему было извѣстно о Ятвягахъ позднѣйшаго времени. Стрыйковскій повторилъ рассказъ Длугоша (I, 183). — У Длугоша подь 1103 г. (lib. IV, col. 352) говорится слѣдующее: »*terrae Russiae a Ruthenis et Lithuanis vastatae sunt*»; тоже повторилъ и Мѣховитъ, поставивши только вмѣсто *Ruthenis* — *Pruthenis* (*Ruthenis* въ текстѣ Длугоша, очевидно, опечатка), а Стрыйковскій (стр. 181) къ пруссамъ и литовцамъ прибавилъ ятвяговъ. Длугошъ въ этомъ случаѣ искажилъ слова нашихъ лѣтописей, подь тѣмъ же годомъ сообщая, что на русскую землю нашли *прузи*, т. е. саранча. Ту же грубую ошибку допустилъ онъ и прежде подь 1089 г. (lib. IV, col. 316, C); въ »Нов. врем. лѣтъ«³⁾ говорится подь 1095 г. слѣдующее: »придоша пружи, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю и бѣ видѣти трашно, идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуца траву и проса« (П. с. р. л., I, 98); у Длугоша читаемъ: »*Succedunt Polowey Prutheni et 28 Augusti terras Russiae in magna multitudine ingressi vastant illas*«. Стрыйковскій (стр. 175) къ пруссамъ опять прибавилъ литовцевъ и ятвяговъ.

¹⁾ Княжествъ: Волынскихъ, Полоцкихъ, Турово-Пинскихъ.

²⁾ О плѣнныхъ упоминается часто. Такъ объясняемъ мы походы: Владиміра Св.—на ятвяговъ (983), Ярослава — на нихъ же (1038) и на литовцевъ (1040 и 1044), Изяслава — на Голядь (1059), Бориса Полоцкаго — на ятвяговъ (1102), полоцкихъ князей — на Зимѣголу (1106), Ярослава Святополчича — на ятвяговъ [1112 г. (Ип., 196) и 113 (П. с. р. л., I, 127, гдѣ сказано: »Ходи Ярославъ, сынъ Святополчъ, на Ятвягы *сторое*)], Мстислава Мономахича — на Литву [1130: латиц. II, 231. и 1131 по Лавр. (П. с. р. л., I, 132); подь 1132 г. Повор. о послѣднемъ походѣ: Ип., 212; подь 1131: Нив. въ П. с. р. л., IX, 157; Воскрес. *ibid.*, VII, 29]. Наши лѣтописи, по большей части, не вдаются въ подробности объ этихъ походахъ и не указываютъ оснований, по которымъ они были предприняты. Побужденія, которыми ру-

политическое цѣлое, то очень могло бы статься, что она покорила бы въ концѣ концовъ литовское племя. Но, при отсутствіи этого условія, если Русскимъ и удавалось иногда обложить данью литовцевъ, то такая зависимость послѣднихъ никогда не продолжалась долго ¹⁾. Иногда

ководились князья, можно уловить, быть можетъ, только въ разсказѣ о весьма немногихъ изъ нихъ. Такъ, напр., можно думать, что походъ на ятвяговъ Бориса былъ предпринятъ съ цѣлью добычи, потому что сообщающій о немъ Татищевъ говоритъ (II, 199): »Борисъ Всеславичъ Полоцкій ходилъ на Ятвягъ и, побѣдя ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя и людьми населилъ« (у Даниловича же: »Lato-pisiec Litwy i kronika Ruska«, Wilno 1827, str. 122, прим. 16, говорится, что Борисовъ основанъ Борисомъ Всеволодовичемъ; показаніе объ основаніи Борисова литовскихъ лѣтописей мы приведемъ ниже) равно какъ и походъ на ятвяговъ Ярослава Святополчича (Татищевъ говоритъ о немъ, что онъ »побѣдя ихъ многихъ побилъ, но плѣнниковъ мало досталъ, понеже никто живъ дань не хотѣлъ, а въ лѣсъ за ними гнаться Русскіе не смѣли«).

¹⁾ Длугошъ говоритъ, что до 1205 г. литовцы были постоянными данниками Русскихъ. Подъ 1205 г. у него читаемъ: »Tum quoque primum Lithuanicae gentis nomen, quod in eum latebat diem, auditum: sereni enim Ruthenorum existentes, annis pluribus perisomata et suberes pendebant (lib. VI, co. 599); къ тому же предмету онъ возвращается еще нѣсколько разъ; lib. X, col. 116: »Principes Russiae et Kiouiensēs prefectibus eorum (i. e. Lithuanorum) permoti, ipsos, quoniam silvas eorum conditionis occupassent, vile tamen et modestum in signum tantummodo donationis et dominii, illos coegerunt. Pendebantque pro tributo annis nullis i quercinis frondibus perisomata, cum crassius ab his, ob terrae sterilitatem excipi non posset«; подобное же читаемъ выше—col. 115, A; lib. X, co. 117: »imperant nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille, vlti servile vulgus, fuere«. Мѣховитъ къ *perisomata* и *suberes* прибавилъ *pelles*. Это свидѣтельство Длугоша рѣшительно не выдерживаетъ критики: какъ увидимъ ниже, нападенія литовцевъ начались задолго, указываемаго Длугошемъ времени выступленія литовцевъ на сцену; и до начала этихъ постоянно упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ набѣговъ частые походы князей, начиная съ Владиміра I, показываютъ, что Русскіе не могли прочно утвердить тамъ свою власть. — Стрыйковскій также считаетъ данничество со стороны Литвы преобладающимъ явленіемъ въ отношеніяхъ ея къ Руси въ первый періодъ, но считаетъ съ значительными ограниченіями въ сравненіи съ Длугошемъ и вообще характеризуетъ отношеніе Русскихъ и литовцевъ довольно близко истинѣ. Вотъ его слова: »...Rusey monarchowie po długich a cesztych nim wojnach, jako moźniejszy, tak srogo byli zwyciezyl, ziewolili, zbudowali i ścisneli, że w lesiech Litwina z Zinodzinem do tych czasow slychac było, bo się jeszcze gruntownie nie rozkrzewili byli. A Ruska ni

Русскіе терпѣли даже неудачи во время походовъ. Прятаніеся въ лѣсахъ жители, предоставлявшіе нападавшимъ грабить ихъ села, удаляли нечаянно на отставшихъ ¹⁾.

Начиная со второй половины XII столѣтія, можно положить второй періодъ въ отношеніяхъ Руси къ Литвѣ, когда послѣдняя является энергическимъ нашимъ врагомъ. О ея набѣгахъ начинаютъ говорить

archia nie tylko Litwie... w potrzebach była z dawnych lat, zwłaszcza lata 861, czasu Holga, Igora, Rurika, książąt, także za Swentosława, Włodzimierza i Jarosława... za których eż monarchów Ruskich już Litwa była znaczna, ale Rusi, dla przyległości, oddana być musiała (с. л. str. 219: «służyła Litwa Rusi»; с. л. также разказъ о Монтвиѣ Гимбутовичѣ на стр. 234). Wszakże gdy upatrzylі czas, do Ruskich księzów najeżdżali (I, 217).— Въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ мы нашли одно только указаніе на платежъ Руси дани со стороны литовскихъ племенъ: «А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чюдь, .. Лятва, Замогола, Корсь...» (П. с. р. л., I, 5). Въ *Переясл.* прибавлено о Литвѣ: «спрѣва исконнии даници и копохрѣмци». О ней говоритъ также Воскресенская лѣтопись (П. с. р. л., VI, 164 и 253) и упоминають наши народныя пѣсни. Въ одной бышнѣ («Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ», ч. I. М. 1861, № 12, стр. 73) Илья Муромецъ говоритъ:

Жиль я во хороброй Лятвы
По три-году поры времени,
Выхаживаль выходы отъ князя Владиміра.

Эт. слова Кояловича (*Historia Lithvaniae*, t. I, p. 36), что Литва находилась въ зависимости отъ Русскихъ, когда Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ.—Приведемъ здѣсь еще два слѣдующія извѣстія Татищева: «983. Ходилъ Владиміръ на Ятвягъ, и побѣди ихъ, *покоря землю себѣ*, возвратился къ Киеву» (II, 62); «1040. Ярославъ ходилъ на Литву, которыхъ *покоря*, возложилъ дань и возвратился».

¹⁾ Къ извѣстію начальной лѣтописи о томъ, что Ярославъ I Владиміровичъ ходилъ на ятвяговъ, въ Ник. (П. с. р. л., IX, 81), Воскресенск., VI, 331) и Соф. Врем. прибавлено, что онъ не могъ ихъ взять; въ нѣкоторыхъ спискахъ, напротивъ, прибавлено: «И побѣди»; у Татищева мы находимъ: «Ходи Ярославъ на Ятвяги и побѣдилъ ихъ, по радовъ (?) ихъ взять не могъ, ибо не хотѣлъ со стѣнами битися и людей терять, скота же и имѣнія по селамъ множество набравъ, возвратился» (II, 107); не пытался-ли этимъ Татищевъ примирить разнорѣчивыя показанія? — О второмъ походѣ Мстислава Владим. Киевская лѣтопись говоритъ: «и пожгона я (т. е. литовцевъ), а сами ся разхоронивша, а Князь тогда много побина Литва, не втягли бо бяху съ княземъ, по послѣди идяху». Сл. Татищева II, 242. О прятаніи въ лѣсахъ *ibid.*, 210, 241—242.

лѣтописи всѣхъ смежныхъ съ нею русскихъ земель. Нельзя сказать, чтобы литовцы оставались безъ возмездія. Нерѣдко они терпѣли жестокаго пораженія въ русской землѣ¹⁾, не говоря о томъ, что отъ нихъ часто отнимали добычу²⁾, но это ихъ не останавливало, равно какъ и походы Русскихъ на Литву, которые были предпринимаемы не всѣми князьями вмѣстѣ, а порознь, при чемъ, конечно, князья не были особенно страшны литовцамъ³⁾. Сами же литовцы въ своемъ бытѣ, мало

1) Въ 1210 г. они были избиты новгородцами въ Ходыничяхъ. Въ 1219 г. Мстиславъ Черниговскій избилъ всю нападавшую Литву; въ 1225 г. Ярославъ, нагнавши литовцевъ, не только отнял добычу, но и избилъ ихъ 2000.

2) Напр., новгородцы—въ 1200 г.

3) Татищевъ подъ 1173 (Ш, 182 — 183) говоритъ о походѣ на Литву Романа Смоленскаго, но въ лѣтописяхъ о немъ нѣтъ нигдѣ и намёка. Затѣмъ извѣстны походы: псковскаго тысяцкаго Будила—1183 г. (Тат. Ш, 252); полоцкихъ князей на Литву, а новгородцевъ съ Ярославомъ Владимировичемъ — на Зимеголу [по Никон. II, 257, знающей только о послѣднемъ походѣ, это случилось въ 1191 г., а по Татищеву (Ш, 301)—въ 1192 г.]; Ольговичей на Литву въ 1205 г. [такъ въ *Кенгсб.*, стр. 299 (сл. П. с. р. л., I, 179); по словамъ Новгородской лѣтоп. (П. с. р. л., III, 26), Никон. (II, 277), Воскрес. (П. с. р. л., VII, 108), Татищева (III, 338), это случилось въ 1203 г. Въ дошедшихъ до насъ извѣстїяхъ это столкновение съ Литвою представляется различно. Наши лѣтописи просто говорятъ: »Побѣдиша Ольговичи Литву, и убиша ихъ 1700«. Татищевъ утверждаетъ, что Ольговичи предпринимали походъ на Литву по приглашенію полоцкихъ князей. Длугошъ нападавшими считаетъ литовцевъ; Стрыйковскій, на основаніи неизвѣстныхъ намъ данныхъ, говоритъ (I, 215), что литовцы были побиты, когда возвращались съ набѣга, подстерегавшими ихъ Ольговичами »w Słomińskich polach«. Потомъ извѣстно нѣсколько походовъ Романа Вел. Наши лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ изъ нихъ, предпринятомъ имъ въ 1196 г. на ятвяговъ для отомщенія имъ за набѣга (—на Подляніе, прибавляетъ Татищевъ III, 324—325; Ип. спис. подъ 1196 г., стр. 471); но онъ ходилъ и на собственную Литву и даже далѣе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ »Слово о полку Игоревѣ«. Обращаясь къ Роману и его двоюродному брату Мстиславу, поэтъ говоритъ: »Тѣми тресну земли и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела...« (»Слово о полку Игоревѣ« по изд. 1800, страя. 31—32); Деремела по Карамзину (III, прим. 114), — одинъ изъ латышскихъ народовъ. На основаніи Стрыйковскаго, можно думать, что этихъ походовъ на Литву было нѣсколько; вотъ его слова: *Aż iż Litwa wybywała mi się często z poddaństwa, jako lud pogański nieuchamowany i niepokojny, tedy ile uphów Litewskich przez miecz dostał, wszystkich do*

знакомомъ съ земледѣіемъ, не находили ничего, прикрѣплявшаго къ мѣсту ¹⁾. Одному только могущественному Роману удалось сколько-нибудь обуздать ихъ ²⁾. Не находя дружнаго и потому сильнаго отпо-

bydłecyich robót, co miały konie i woły robucy, przypuszała. Тоже самое онъ рассказываетъ выше (str. 202) о Романѣ Ростиславичѣ, къ которому, по его словамъ (тоже повторяетъ и Татищевъ III, 188), относится извѣстная поговорка: «Романъ, Романъ! лихимъ кормишься, Литвою орешь»; но справедливѣе вмѣстѣ съ Карамзинымъ (III, пр. 114) отнести это къ Роману Мстиславичу, который извѣстенъ своими походами на Литву и «бѣ изострился на поганья яко левъ» (Ип., 540) и «рубяше яко и коркодиль, и прехошаше землю ихъ яко и орель» (ibid., 480), и къ характеру котораго это болѣе шло; не повторить-ли Татищевъ слово Стрыйковскаго? впрочемъ, у него эта поговорка является въ нѣсколько иномъ видѣ. — Въ 1200 г. ходилъ на Летьголу великолудкій воевода Незделя Пехкиничъ (П. с. р. л., III, 25). Въ 1224 г. на Литву ходили жители Русы, но были разбиты (ibid. 39). — Въ концѣ XII-го стол. Рюрикъ Ростиславичъ нѣсколько разъ собирался на Литву (одинъ разъ въ 1190 г. и два раза въ 1193 г.), но всякій разъ ему что-нибудь мѣшало (Ип., 452, 455, 456). — Мы перечисляемъ походы, случившіеся до выступленія Данила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля.

¹⁾ По всей вѣроятности, всѣ граничившія съ Русью литовскія племена пребывали въ томъ же бытѣ, какой мы находимъ въ XIII ст. у ятвяговъ. Образъ жизни послѣднихъ прекрасно описанъ Ярошевичемъ («Образъ Litwy», cz. I, str. 15—16). Рассказывая о походѣ 1261 г. на литовцевъ, самогитовъ, ятвяговъ и др., Длугошъ (lib. VI, col. 702) говоритъ, что они сѣяли хлѣба мало: «cum residuum iter, quo in interiora Lithuanorum et aliarum nationum peruersarum penetrandum erat incosum, et pluribus difficultatibus refertum esset, fames quoque pabulorum, barbaris frumenta pauca serentibus, et haec ipsa in syluis et paludibus occultentibus, crederetur exercitui tanto occursura...» — О ятварахъ Длугошъ сообщаетъ (ad a. 1264, lib. VII, col. 771), что они «pecore plurimum abundabant».

²⁾ Strykowski, str. 211: «Litwę też i Jatwieżów, ludzi lesnych w siedztwie przyległych, zwojował, zhołdował i do posłuszeństwa Ruskiego losą przuprzedził». Если вѣрить Стрыйковскому, то они были даже принуждены идти подъ его знаменемъ въ его послѣднемъ походѣ на Гольшу (str. 212: «...zebrał wielkie wojsko jezdne i piesze, prawie ze wszytkiej Rusi, z Jatwieżów i z Litwy»). Нѣкоторые польскіе историки вмѣстѣ съ его смертію кладутъ освобожденіе литовцевъ отъ русскаго вѣта. — Народъ помнитъ Романа Мстиславича именно съ этой стороны его дѣятельности. Когда въ одной былинѣ (Рыбниковъ, I, № 73) племянники литовскаго короля просятъ на Русь, онъ говоритъ:

ра, небольшіе отряды литовцев¹⁾ едвали не ежегодно вырывались из быстрых конях²⁾ изъ лѣсовъ; трубя въ длинныя трубы, одѣтые въ шкуры, съ такими же шанками, вооруженные самымъ простымъ образомъ, они нападали на русскія земли, грабили все попадавшееся, особенно скотъ, жгли, чего не могли взять, и особенно старались увести побольше плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ приносили иногда въ жертву богамъ. Если же ихъ постигало русское войско, они вступали въ бой съ крикомъ и подражая разнымъ голосамъ: перѣды не уступали до конца и ложились всѣ на мѣстѣ. Если ихъ не успѣвали поймать на чистомъ полѣ, то нужно было оставлять всякую мысль о преслѣдованіи: они разбѣгались по болотамъ, озерамъ, островамъ прятались въ ущельяхъ³⁾. Литовцы начинаютъ разыгрывать на западъ

«Не дамъ я вамъ силы сорокъ тысячей
И не дамъ прощеньца благословеньца,
Чтобы ѣхать вамъ на святую Русь,
Ко князю Роману Митріевичу на почестный ширь,
Сколько я на Русь не ѣзживалъ
А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ.
Поѣзжайте вы во землю во Левонскую...»

Доказательства того, что это относится къ Роману Мстиславичу, см. въ замѣткѣ П. Б. на концѣ сборника (стр. IV—V).

1) Самая большая цифра, упомянутая въ лѣтописяхъ,—7000 ч. ловѣкъ; въ 1200 г. новгородцы убили 80 человѣкъ изъ нападавшихъ.

2) Есть, впрочемъ, примѣры, что они воевали и пѣшкомъ. Ил., 51.

3) Такое описаніе литовскихъ набѣговъ мы предложили на основаніи довольно нагляднаго изображенія ихъ у Стрыйковскаго на стр. 215, 220 и 235. Наши народныя пѣсни также не забыли ихъ (см. Рыбникова № 73 и 74). Литва въ этихъ пѣсняхъ называется, болѣею частію, «хороброу» (ibid., 72, 73, 178—186, 187, 202, 236 ст. и д.). Стрыйковскій говоритъ о набѣгахъ Литвы и литяговъ еще въ времена Романа Ростиславича (I, 202). На юго-зап. Русь лѣтопись впервые упоминаетъ о нападеніяхъ ихъ въ княженіе Романа (Ил., 47). Псковъ, по лѣтописямъ, подвергся первому нападенію, кажется въ 1187 г. (П. с. р. л., III, 18); около этого же времени кажется, началъ тѣснить отъ литовцевъ и новгородцы; въ лѣтописи читаемъ: на Ярославъ Владиміровича «негодавахуть Новгородьца, зане много творяху ти кѣсти волости Новгородскыи» (ibid.). На смоленскую область извѣстно нападеніе 1217 г. (о немъ сохранилось извѣстіе только у Длугоса lib. VI, col. 602, который занесъ его подъ 1207 г.; за неимѣніемъ мѣста для этого, мы отлагаемъ объясненіе того, почему мы считаемъ вѣроятнымъ это извѣстіе и почему отнесли его къ 1217 г.). На Черниговъ

пой окраинѣ ту же роль относительно насъ, какую на востока выполняли Половцы, не исключая того, что стали принимать участіе въ усобицахъ русскихъ князей ¹⁾.

Съ такимъ же характеромъ разбойническаго, расчлененнаго на множество мелкихъ волостей народа является Литва и при Даниилѣ. При этомъ, изъ трехъ, прямыкавшихъ болѣе или менѣе къ границамъ его владѣній, литовскихъ племенъ—Литва и Жмудь готовы были входить въ сдѣлку, какъ это мы видимъ въ договорѣ о мирѣ, заключенномъ между 1219 и 1221 гг. ²⁾. Договоръ этотъ, сколько можно замѣтить, поддерживался довольно долго ³⁾. Въ это время Литовцы были даже полезны Даниилу, принудивши Лешка своими набѣгами на Польшу, по приглашенію перваго, къ заключенію мира съ Давидомъ и прекращенію непріязненнаго образа дѣйствій относительно послѣдняго ⁴⁾. По словамъ Стрыйковскаго ⁵⁾, они помогали и Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Но около времени татарскаго нашествія договоръ, вѣроятно, потерялъ силу, и мы встрѣчаемъ постоянныя вторженія литовцевъ, хотя, какъ

извѣстенъ набѣгъ литовцевъ въ 1209 г. [Ник. II, 344;—Воскр. П. с. р. л., VII, 128,—къ 1220 г. это относится, Стрыйковскій (I, 233)—къ 1218 г.]. Особенно должны были страдать волости полоцкія и турово—пинскія (указаніе о послѣднихъ см. въ Ип., 503, 530, 531; Strykowski, I, 215). И. Д. Бѣляевъ представляетъ въ черзучуръ розовымъ цвѣтѣмъ отношенія полочанъ и литовцевъ.

¹⁾ Ип. сп. подъ 1162, стр. 355: »приходи Рогволодъ (одинъ изъ полоцкихъ князей) на Володаря съ Полотычаны къ Городцю, Володаръ же не да ему полку во дне, но ночь выступи на нь изъ города с *Личвою*...—Литва участвовала въ походѣ 1169 г. на Кіевъ (П. с. р. л., IX, 237).—Ип., 1180 г., стр. 419: »И придоша Полотъскіи князи къ стретонис, помагающе Святославу: Васильевичи Брячьславъ изъ Виѣбска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть и *Либъ Литва*....»

²⁾ Лѣтопись говорить о немъ подъ 1215 г. и помѣщаетъ его между первымъ изгнаніемъ Мстислава изъ Галича и вторымъ его походомъ на послѣдній.

³⁾ Въ 1229 г. литовцы воевали съ поляками; »*мняще мирни уще*, и придоша ко Берестью...» Ип., 503.

⁴⁾ О нападеніяхъ литовцевъ на Польшу упоминаетъ Длугошъ lib. VI, ad. a. 1214, col. 611, A) и Стрыйковскій (I, 220), при чемъ ни толкуютъ о небываломъ пораженіи какихъ то небывалыхъ въ тѣхъ вѣстностяхъ русскихъ князей (Nag. *ibid.*; Stryjk., I, 228—229).

⁵⁾ I, 226.

увидимъ послѣ, въ нихъ принимала участіе не вся Литва. Одинъ разъ они воевали около Пересонницы ¹⁾, въ другой разъ—около Мѣльницы и Лековни ²⁾. Нападенія можно было опасаться каждую минуту. Пляно-Карпини, проѣзжавшій чрезъ южную Русь въ 1246 г., говоритъ: «Дорогою мы были безпрестанно въ опасности отъ Литовцевъ, которые вообще часто дѣлали набѣги на Русскую землю, а на тѣ мѣста, которыми намъ приходилось проѣзжать,—въ особенности ³⁾».—Ятвяги же, отличавшіеся неукротимымъ характеромъ ⁴⁾, были постоянными врагами югозападной Руси. Около 1228 г., по удаленіи Мстислава изъ Галича, они повоевали земли около Берестя ⁵⁾; вскорѣ затѣмъ они опустошили страну около Охожа и Бусовна ⁶⁾. Было много и другихъ набѣговъ. Вотъ что говоритъ лѣтописецъ: «Василко бо бѣ возрастомъ середній, умомъ великъ и дерзостью, иже иногда *многажды побѣждаше поганые...* И во иная времена, Божіею милостью, избѣени быша поганин, ихъ(ь) же *не хотѣхомъ писати отъ множества ради* ⁷⁾».

Конечно, подобныя нападенія весьма мѣшали благосостоянію страны, но все-таки не представляли еще серьезной опасности и могли быть усмирены безъ особенныхъ трудѣвъ союзомъ князей югозападной Руси, что мы и видимъ въ княженіе Данила съ ятвягами. Ограничиваясь первоначально только отраженіемъ набѣговъ ⁸⁾ или ихъ предупрежденіемъ ⁹⁾ и имѣя возможность посылать на Литву воеводъ съ небольшими

1) Ип., 530.

2) Мѣльница—м. Вол. губ., Луцкаго у., на р. Стохадѣ. «Мат. Барсова, 131.

3) Стр. 8.

4) Кадлубекъ (II, 86) говоритъ о нихъ: «gens atrocissima, omnium feragum immanitate truculentior. И теперь еще они рѣзко отличаются отъ бѣлоруссовъ и литовцевъ грубыми нравами и свирѣпою паружностью, такъ что у бѣлоруссовъ существуетъ поговорка: *«выгляда якъ ядвина»*, т. е. смотритъ разбойникомъ» («Вѣстникъ Ю.-З. и З. Россіи» 1862, октябрь; ст. Лебедкина: «О племенномъ составѣ народонаселенія зап. края Россійской имперіи», стр. 3).

5) Ип., 502.

6) «Преже же войны Данилови Черниговское». Охожа и Бусовно не указываются изслѣдователями. Судя по словамъ лѣтописи: «еще бо Холму не поставлену бывшю Даниломъ», они находились гдѣ-то въ Холмской области. Ип., 530—531.

7) Ип., 531.

8) Ibid., 502, 530—531.

9) Мы уже упоминали о Владимірѣ ципскомъ, посаженномъ в

только отрядами ¹⁾, Данилъ, съ успокоеніемъ страны внутри, предпринимае съ братомъ, въ союзѣ съ польскими князьями ²⁾, нѣсколько блестящихъ походовъ на ятвяговъ ³⁾. Всякій разъ онъ наносилъ имъ сильное опустошеніе, сожигая деревни, забирая имущество и увозя множество плѣнныхъ, а иногда избивая въ селѣ всѣхъ до единого почти жителей ⁴⁾. Несмотря на то, что противъ него собиралась вся Ятвяжская земля, приводившая къ себѣ на помощь вармовъ ⁵⁾, пруссовъ и бортовъ ⁶⁾, сопротивляться не было возможности. »Воемъ же всимъ съсѣдцимъ, и оружьимъ пѣшцемъ изъ стана; щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцю восходящу, копнемъ же ихъ дрѣжащимъ в рукахъ яко трѣсти мнози, стрѣльцемъ же обанолъ идущимъ, и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу рагнымъ. Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рѣдящу, и рѣша Прузи Ятвяземъ: »можете ли древо поддерѣжати сулицами, и на сию рать дерзнути?« Они же видѣвши и возвратишася восвоеси ⁷⁾. Въ другой разъ »приѣха отъ Ятвязъ Юндяль, рекшу ему сице: »Данило! добру дружину держиши и велици полци твои ⁸⁾. И вотъ ятвяги приѣхали »дающе таль и миръ, молящеса дабы не избилъ колодниковъ... Хотящу же ему пакы изыти на нѣ на брань и собирающу вой, увѣдавши

1229 г. въ Берестѣѣ. Подъ 1241 г. лѣтопись говорить: »Василко же князь оставъ бѣ стеречи землѣ отъ Литвы« (Ип., 526).

1) »Иногда многоразды посылающима шла на поганше«. Ип., 531.

2) Именно въ союзѣ съ тѣми князьями, области которыхъ были смежны съ землею ятвяговъ, т. е. въ союзѣ съ Сомовитомъ мазовецкимъ и Болеславомъ Стыдливымъ краковскимъ.

3) Первый походъ, по нашему мнѣнію, имѣлъ мѣсто около 1248 г.; лѣтопись ставитъ его подъ 1251 г., но, по ея словамъ, онъ послѣдовалъ вскорѣ за смертію Болеслава Конрадовича, а послѣдній умеръ, по словамъ Репелля («Gesch. pol.», I, 490), вскорѣ послѣ своего отца, скончавшагося въ 1247 г. Другой походъ отнесенъ въ лѣтописи къ 1255 г., но онъ былъ совершенъ послѣ коронованія Данила, которое случилось въ 1253 г. (см. выше); третій она кладетъ подъ 1256 г., а мы полагаемъ, что онъ совершился около 1254 г.

4) Ип., 552.

5) Вармія, по словамъ Шегрепа, — старопрусская провинція. »Лѣт. ю Ип. сп.», 539, прим. 3.

6) Борты, по мнѣнію Арцыбашева (III, прим. 101), — жители старой Пруссіи, Растенбургскаго округа, гдѣ городъ Бартенштейнъ.

7) Ип., 540.

8) Иб., 553.

же Ятвязи се, послапа послы своя и дѣти своя, и дань даша, и общахуся работѣ быти ему и города рубити в землѣ своей 1)». Вскорѣ, дѣйствительно, съ нихъ была собрана дань 2). Платили ли они ее и въ дальнѣйшее время, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, Даніилъ достигъ своей цѣли въ отношеніи къ нимъ,—вполнѣ обезопасивъ отъ нихъ свои предѣлы: лѣтопись не упоминаетъ болѣе о ятвяжскихъ набѣгахъ въ вняженіе Даніила 3).

Тоже могло бы случиться, мало по малу, и съ другими литовскими племенами. Но въ то время, какъ ятвяги продолжали жить по исконно установившимся у нихъ порядкамъ и, хотя и соединялись для защиты, а иногда и для нападенія, не представляли однако изъ себя одного цѣлаго и не думали о государственной жизни 4), среди двухъ остальныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ порабощенія литовскихъ племенъ, среди Литвы и Жмуди начинаетъ обнаруживаться поворотъ къ построению жизни на новыхъ началахъ 5). Этотъ поворотъ грозилъ серьезною опасностію, между прочимъ, и югозападной Руси.

Пржде всего укажемъ на то, что дѣло начинаетъ идти уже не о грабежѣ, а о захватѣ литовцами тѣхъ или другихъ русскихъ земель и утвержденіи въ нихъ своего владычества. Подъ вліяніемъ развившагося отъ постоянного соприкосновенія и сближенія съ Русскими вкуса въ болѣе цивилизованной жизни, представители отдѣльныхъ литовскихъ дружинъ 6), состоявшихъ, быть можетъ, изъ лицъ одного какого-нибудь

1) Ibid.

2) Ibid., 553—554.

3) Д. И. Зубрицкій, говоря объ этихъ походахъ Даніила на ятвяговъ, не называетъ ихъ войнами съ какоюнибудь политическою цѣлью а считаетъ ихъ простыми набѣгами ради добычи или наказанія за какое-нибудь оскорбленіе русскихъ предѣловъ («Исторія др. Гал.-р. княж.» III, 160 и 176). Но условія, съ выполненіемъ которыхъ ятвягами прекратились походы на послѣднихъ, убѣждаютъ въ противномъ. Самъ Зубрицкій склоняется къ тому на стр. 182.

4) Ип., 531: «и убито бысть князей сорокъ...» вл., 539: «и мнози князи Ятвязьскіи избежи быша».

5) Впрочемъ, переломъ происходилъ медленно; набѣги продолжались; имъ потворствовалъ самъ Миндове. Извѣстно нѣсколько набѣговъ при немъ на Польшу съ цѣлью грабежа. Даже Русскіе подчинившіеся литовцамъ, должны были участвовать въ нихъ.

6) «Въ лѣто 6774 (1264) блаженный же князь Домонтъ съ дружиною своєю и со всеѣмъ домою своимъ, оставивши отечество свою землю Литовскую, и приѣха въ Псковъ и крестися». Соф. Врем.

рода, устремляются на сосѣднія русскія княжества съ цѣлью водворенія тамъ своей власти вмѣсто господства Рюриковичей. Они и сопровождаютъ ихъ не измѣняютъ прежнихъ порядковъ¹⁾, забираютъ только земли дружинниковъ²⁾, не имѣютъ притязаній на какое-нибудь большее или иное значеніе, чѣмъ то, какое имѣли князья Рюриковичи; литовскіе вожди охотно и усердно выполняютъ роль славянскихъ князей, а дружины ихъ—роль прежнихъ дружинъ, и защищаютъ занятую землю совершенно, какъ тѣ. Они не стремятся къ исключительному преобладанію, не смотрятъ съ презрѣніемъ на побѣжденныхъ, напротивъ, относятся къ нимъ, какъ къ единокровнымъ³⁾, и дружатся съ ними⁴⁾; не оказываютъ давленія на побѣжденныхъ, но сами подпадаютъ ихъ влиянію⁵⁾. Въ силу этого русское населеніе, которое, бывъ примѣры, не всегда считало за Рюриковичами исключительное право владѣнія русскою землею⁶⁾, скоро свыкалось съ господствомъ пришельцевъ и, не тяготясь имъ, поддерживало ихъ въ ихъ предпріи-

1) У Товтивила были бояре, какъ и у прежнихъ князей. См. ниже.

2) О раздатѣ земель литовскимъ дружинникамъ см. у Стрыйковского (I, 236): »Erdziwił Montwiłowicz, książę Ruskie Nowogrodskie, — — wraz tym panóm i rycerstwu Żmudskiemu i Litewskiemu...« (дальше говорится о надѣлѣ землями).

3) Бояре Товтивила были полочане: »...а бояры Полотѣвскыя ископаша и просиша у Полочанъ сына Товтивилова убити же; и оупъ вбѣжа въ Новгородъ, съ мужи своими (опять литовцы—дружинники), тогда литва посадиша своя князь въ Полотѣвскъ, а Полочанъ пустиша, которыхъъ възимали съ княземъ ихъ«. П. с. р. л., III, 58.

4) Товтивиль называется въ новгородской лѣтописи »добрымъ«: убина добра князя Полотѣвского Товтивила«. П. с. р. л., III, 58. Стрыйковскій говоритъ (I, 236) о литвинахъ, поселившихся въ русскихъ земляхъ послѣ завоеванія ихъ Эрдивиломъ, что они побратались и поумились съ русскими—христіанами [»którzy pobratawszy się i rokuawszy z Rusią chrześciani, ony pustynie któręj odłogiem leżały, po Bago carza srogim splundrowaniu osadzali, tak iż jeszcze i dziś mało nie każdymъ kacie Ruskim, jest po części Litwy od tychъ czasów, s którychъ udzy rzadko po litewsku rozumieją«].

5) Это объясняется, между прочимъ, и малочисленностію литовцевъ въ завоеванныхъ областяхъ. Въ 1262 г. съ Товтивиломъ подлѣ Ирѣвима полочанъ и Литовъ было всего 500 человекъ! П. с. р. л., III, 57.

6) См. прежде сказанное о Галичѣ и жителяхъ земель, прилегающихъ къ восточнымъ окраинамъ Данииловыхъ владѣній. Упомянемъ здѣсь еще о томъ, что исковичане добровольно признали своимъ княземъ Овмонта.

тіяхъ, не обнаруживая реакціи, тѣмъ болѣе, что побѣдители служили имъ оплотомъ противъ дальнѣйшихъ нападеній Литвы¹⁾.

Первое по времени такое движеніе литовцевъ, сколько намъ извѣстно, было направлено въ 1239 г. противъ Смоленска, но окончилось неудачею²⁾. Только послѣ Батыева пашествія литовцы начинаютъ успѣшно захватывать русскія области, одну за другою, и прочно утверждаются въ нихъ, съ чѣмъ согласны всѣ древнѣйшіе ихъ лѣтописцы и писатели³⁾. Движеніе на русскія земли съ завоевательною цѣлью д

1) Оттого-то, вѣроятно, послѣ крещенія Довмонта, по словамъ Соф. Врем., «бысть радость велика в Псковѣ, и посадиша его Псковичи на княженіе въ Псковѣ». По словамъ литовскихъ лѣтописей, жители Понѣмажскихъ областей охотно поступили подъ кровъ литовцевъ (Stryjk., I, 235).

2) Изгнаніе литовцевъ изъ Смоленска случилось въ томъ же годъ въ которомъ онъ былъ ими занятъ, потому что есть извѣстіе, указывающее на то, что Смоленскъ былъ во власти Русскихъ еще въ 1239 г.: въ немъ въ этомъ году скончался Владиміръ Рюрикovichъ (Карамз. III, прим. 347; Моногр. М. П. Погодина, VI, 311); впрочемъ, онъ могъ умереть тамъ и послѣ отнятія Смоленска у литовцевъ. Подъ 1236 Никоновская лѣтопись говоритъ: «Изяславъ Мстиславичъ Смоленскій, и князь Михайло сынъ Всеволода Чермного... и князь Ярославъ Всеволодовичъ ходиша ратью на Киевъ...» (II, 369). (Нѣкоторые считаютъ этого князя не смоленскимъ княземъ, по это неправильно). Вотъ какъ въ лѣтописяхъ записано разсматриваемое нами событіе подъ 1239: «Иде Ярославъ (Всеволодовичъ) Смоленску на Литву и Литву побѣди» («Смольянь борони» — прибавлено въ Ник. III, 5), и *Князя ихъ ялъ, а Смольянь урядивъ, посади у нихъ князя Всеволода Мстиславича на столѣ, вну Романава Ростиславича* (см. Пушк. и Воскр. лѣт.), шурина брата своего Константина Всеволодича (см. Никон. лѣт.); а самъ со множествомъ полка съ великою честью отиде во свояси». Карамз. IV, прим. 2. (Время этого освобожденія Смоленска, онъ до самаго XV в. оставался подъ властію Рюрика дома. Ibid., пр. 107.

3) См. лѣтопись Быховца, изд. Нарбуттомъ (W. 1846), стр. 4; нею, по свидѣтельству Стрыйковскаго (I, 234), были согласны и *остальныя* лит. лѣтописи. Михалонъ Литвинъ, писавшій въ XVI вѣкѣ говоритъ о своихъ предкахъ: «отправившись далѣе (отъ морскаго берега), покорили сосѣдніе народы, Язвинговъ (Ятвяговъ), потомъ Роклановъ или рутеновъ. *Послѣдними, какъ и Москвитянами, обладавъ то время Татары Заволжскіе.* Баскаки ихъ, управлявшіе отдѣльными крѣпостями рутеновъ, были оттуда изгнаны нашими итальянскими предками, которые послѣ назвались литалами (Litali), а пото Литовцами (Lituanii)». См. отрывки изъ Михалона Литвина въ переводѣ г. Шестакова въ «Архивѣ» Калачова, во 2-й половинѣ 2-й кни

того времени они знают только одно ¹⁾. Ко времени, слѣдовавшему за татарскимъ нашествіемъ, относится захватъ литовцами Полоцка ²⁾ и земля по верхнему теченію Нѣмана ³⁾.

тр. 45).—Стрыйковскій, приводя упомянутое вами выше единогласное показаніе литовскихъ лѣтописей о времени первыхъ завоеваній этого народа на Руси, пеняетъ на лѣтописцевъ за то, что они не указываютъ времени, когда что случилось, и беретъ на себя обязанность определить это время для разсматриваемыхъ имъ завоеваній, при чемъ отыскиваетъ ихъ къ 1217 г. (!), принимая за вѣрное, что татары опустошили западную Русь впервые послѣ Калкской битвы, которую описываетъ въ 1212 (sic). Str. 234.

¹⁾ Вотъ что говоритъ о немъ лѣтописецъ Быховца (стр. 3): «А помя князь Велики Кернусъ и Гямбутъ хотячи отчизны свои размножити, и собравшии силы свои Литовскіе и Жомондскіе и поидутъ па рѣкъ къ Браславлю и ко Полоцку, и Руси много шкоды починили, и мно ихъ сказали, и людей множество въ полоть повели». Тѣмъ и вышло. См. показаніе Стрыйковского (I, 86), относящаго это къ 165 г.

²⁾ По словамъ литовскихъ лѣтописей (лѣт. Быховца, стр. 5; Strijk., 9—240), Полоцкъ былъ завоеванъ Мингаиломъ, внукомъ Миндугаидскаго, при которомъ сейчасъ же послѣ татарскаго нашествія имъ впервые завоеваны литовцами нѣкоторые русскіе города. При этомъ въ Нарбуттовомъ изданіи Быховца, на поляхъ, годъ смерти Мингаила выставленъ 1192-й [не предупредительнымъ-ли Нарбуттомъ? по словамъ Стрыйковского, лит. лѣтописи были безъ годовъ] такъ, что завоеваніе Полоцка, по словамъ этой лѣтописи, случилось до 1192 года, Стрыйковскій же говоритъ, что Полоцкъ былъ взятъ, когда въ пемть, слѣ татарскаго нашествія, не было уже никакого князя (стр. 240); другой стороны, по его словамъ, здѣсь княжила послѣ того цѣлая династія, но прекращеніи которой полочане вновь стали управляться самимъ, и тогда на Полоцкъ заявилъ притязаніе и овладѣлъ имъ племянникъ Мендога Тевтивиль (стр. 286); соображая всѣ эти обстоятельства, должно сказать, что, по Стрыйковскому, завоеваніе Полоцка случилось не позже двадцатыхъ годовъ XIII-го стол. — Сообразно съ этимъ, многіе стали думать, что Литва овладѣла Полоцкомъ еще въ концѣ XII стол. (Нарбуттъ, а за нимъ авторъ «Обозрѣнія исторіи моруссіи съ древнѣйшихъ временъ», относящій это къ 1190 году). о мнѣніе нерѣдко встрѣчали мы въ статьяхъ недавняго времени, казавшихся какъ-нибудь разсматриваемой нами эпохи (въ «Вѣстн. югозападной и западной Россіи»); его придерживается даже М. О. Кояловъ («Левція по исторіи Западной Россіи», 77) и внесъ въ свой трудъ еоев. Макарій («Ист. русской церкви», т. III, Спб. 1857, стр. 27). Мы имѣемъ данныя, положительно удостовѣряющія въ несправедливости этого предположенія и показывающія, что въ Полоцкѣ были русскіе князья до самаго татарскаго нашествія. Имена, даваемыхъ ли-

Напоръ литовцевъ отдѣльными партіями на рускія земли не могъ еще быть опаснымъ для сильныхъ сравнительно князей югозападной

товскими лѣтописями, сходятся иногда съ находимыми въ русскихъ лѣтописяхъ (Борись и Глѣбъ полсцвіе упоминаются въ новгородскихъ лѣтописяхъ, Василій—у Татищева), * но послѣднія говорятъ о князьяхъ —Рюрикovichахъ. Приведемъ етъ хронологическомъ порядкѣ свидѣтельства источниковъ, начиная съ 1180 г., когда въ послѣдній разъ въ лѣтописяхъ названъ по имени полсцвій князь Всеславъ Васильковичъ (Ип., 419), и такъ какъ вскорѣ послѣ этого, повидимому, полочане остались безъ князя: въ 1185 г., при походѣ на Полоцкъ князей смоленскаго, новгородскаго (которымъ былъ сынъ смоленскаго князя), Василька Владиміровича изъ Логожска и князя Всеслава (какого? Зъ 1180 г., кромѣ Всеслава Васильковича, упоминается Всеславъ Микуличъ Логожскій; Ип., 419), о князѣ не упоминается, а дѣйствующими лицами являются одни полочане, которые изъ боязни, чтобы нападашіе не причинили сильныхъ опустошеній ихъ землѣ, рѣшили помириться на сумежьи (П. с. р. л., III, 19; Ник. II, 252). Чего хотѣли нападашіе, неизвѣстно; одинъ Татищевъ (III, 277) говоритъ, что дѣло шло объ обидѣ смоленскаго князя. Подъ 1191 г. упоминаются *полоцкіе князья*, замышлявшіе *походъ на Литву* [подъ ними нужно разумѣть не князей только разныхъ городовъ Полоцкой земли помимо Полоцка; это видно изъ слѣдующихъ словъ новгородской лѣтописи: «ходи князь Ярославъ на Луки, позганъ Полоцкаго князьею и *Полоцкыи*». П. с. р. л., III, 20]. Возражающіе могутъ указать на то, что Полоцкъ продолжалъ находиться во враждѣ съ Смоленскомъ (П. с. р. л., III, 23; Тат. III, 322; о подобной враждѣ говорятъ и литовскія лѣтописи: Strujk., 241—242), и на то, что въ 1198 г. полочане приходили *вмѣсть съ Литвою* на Луки (П. с. р. л., III, 24), но около того времени (въ концѣ 1195 мартовскаго года) упоминаются «Полотскіи князи» и «полочане», помогавшіе Ольговичамъ (Ип., 465—465), а въ харатейныхъ лѣтописяхъ, по словамъ Карамзина (т. III, пр. 95), названъ здѣсь князь Полоцкій Василькъс. Пропуская указаніе Татищева подъ 1203 г. на существованіе въ Полоцкѣ русскихъ князей (III, 338) и внесенный имъ въ свой сводъ обширный поддѣльный рассказъ («Изв. втораго отд. Имп. Академіи Наукъ», т. VII, стр. 49—64: «Два памфлета времени Анны Іоанновны», ст. г. Лыжина) о полоцкихъ князьяхъ подъ 1217 (III, 403—409), уважемъ на то, что извѣстный своскъ борьбою съ нѣмцами князь Владиміръ [rex Russiae de Plosceke, какъ назыв. его нѣмцы; впервые онъ является въ ихъ лѣтописяхъ (у Геприха Латинша) подъ 1186 г., умеръ въ 1216 г.; о томъ, кто онъ былъ существуютъ различныя предположенія] былъ врагомъ и литовцевъ и во всякомъ случаѣ, не былъ литовскимъ княземъ: это ясно видно изъ нѣмецкихъ рассказовъ. Въ 1218 у Татищева (III, 417) упоминается

* Сл. еще ниже надпись на крестѣ, посвященномъ Василію—Роговолу сыну Борисуу.

Руси. Но вотъ въ головѣ одного изъ литовскихъ владѣтелей, великаго

Василько Полоцкій*, помогавшій Мстиславу въ его походѣ на Галичъ. Годъ 1222 г. въ одномъ изъ списковъ 1-й новгородской лѣтописи читаемъ: »а Ярославци, смолняне взяли полтескъ, генвара 17, при князѣ Борисѣ и Глѣбѣ« (П. с. р. л., III, 38, вар. л.) (У Татищева подъ 220 г. читаемъ: »Князь Смоленскій, согласясь съ Ярославомъ; Переяславскимъ, ходилъ на Полоцкую область при князѣхъ Полоцкихъ Борисѣ и Глѣбѣ, и взявъ ихъ два города, а много области ихъ повоевалъ«). Полоцкъ является въ теченіе нѣкотораго времени какъ бы со-стоящимъ подъ опекою Смоленскихъ князей. Указаніе на это находимъ не только въ одномъ изъ списковъ Мстиславова договора съ Ригюю,* но и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ упоминаніяхъ этого времени о Полоцкѣ. У Длугоша есть извѣстіе, очевидно, заимствованное изъ не-однихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ, слѣдующаго рода (оно по-ставлено у него подъ 1216 г., но слѣдуетъ непосредственно за раз-казомъ о набѣгѣ литовцевъ 1225 г. на Новгородскія и Торопецкія области. К. Н. Бестужевъ - Рюминъ напрасно приурочиваетъ послѣдній къ разсказу новгородск. лѣтописи о литовскомъ набѣгѣ подъ 6731: сл. ова Длугоша и П. с. р. л., III, 42 подъ 6733 г. »О составѣ русской лѣтописи«, Приложенія, стр. 291): *sequenti quoque tempore, dum alius Lithuanicus exercitus civitatem et regionem Polocko vastaret, Dux Mstislaus Muidovic cum Smolensi militia celeri cursu in Polocko adveniens, Lithuanos incautos offendens, absque numero sternit et occidit* (lib. VI, col. 19). Въ 1-й новг. подъ 1232 г. читаемъ: »Въ то же лѣто взя Святославъ Смольнскъ на щить, съ Полочань, на Борись день, и сѣдѣ поляны, а самъ сѣде на столѣ« (П. с. р. л., III, 48). А. А. Куникъ Русско-лив. акты, Anhang. № II; s. 449—450) напрасно считаетъ этого Святослава, вопреки лѣтописному свидѣтельству, литовскимъ княземъ. Въ послѣдній разъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ въ качествѣ принадлежащаго Русскимъ города подъ 1239 г. (П. с. р. л., III, 52). Въ Степенной книгѣ говорится объ Ярославѣ Всеволодовичѣ въ возвращеніи его въ 1243 г. отъ Батюга: »И прійде въ землю свою мирно, и многи пришельци утѣши, и множество людей собра; сами приходяху къ нему въ Суждальскую землю отъ славныя рѣви Днѣпра отъ всихъ странъ: Галичане Волынстіи... Полочане, Рязанцы и вси

* »Русско-лив. акты«, 440—441, 447: »Тая правда Латинскому въ зяти Руской земли оу вѣлѣсти князя Смольнеского, й оу Полотьского князя вѣлѣсти, й оу Витьбеского князя вѣлѣсти« (въ др. списк.: »Немчичю по Смо-льскои волости, по Полотьскои, по Витьбеской«); изъ предпоследней фразы видно, что въ Полоцкъ оставался свой князь. Въ Лифляндской хроникѣ подъ 28 г. говорится, что Мстиславъ Смоленскій и подписался за князей Полоц-скъ и Витебскихъ Россіянь; по словамъ ея же (подъ 1222), *вѣлѣсть съ кня-зя смоленскаго* и др. князьями, въ Ригу отправляя пословъ и князь по-дѣй. Впрочемъ, А. А. Куникъ приведенное нами мѣсто изъ договора пони-мать иначе (»Русско-лив. акты«, s. 405).

политика, хотя и варвара, зарождается мысль объ утверженіи вт

подражаху храбрости его«. Карамзинъ (IV, примѣчан. 37) замѣчаетъ »пустословіе новѣйшихъ временъ«. — Подъ литовскимъ владычествомъ Полоцкъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ съ 1258 г. (II. с. р. л. III, 56). Такимъ образомъ, занятіе Полоцка Литвою случилось въ двадцатилѣтіе отъ 1239 г. по 1258, когда въ немъ уже сидѣлъ Товтивиль. По словамъ Стрыйковскаго (I, 287), Товтивиль владѣлъ имъ при началѣ войны Данила съ Миндове, т. е. въ началѣ пятидесятихъ годовъ XIII стол. Невозможно допустить, чтобы въ такое короткое время успѣла править въ Полоцкѣ цѣлая линия литовскихъ князей, состоявшая, по извѣстію литовскихъ лѣтописей (Быховець, 5; Стрыйковскій 240 — 243), изъ пяти князей (имена ихъ: Мингайло, Гинвиль - Юрій Борисъ - Василий, Рогвольдъ, Глѣбъ), изъ которыхъ Василий, наприм. »жилъ немало« въ Полоцкѣ (»Лѣт. Быховца«, ib.). Не возможно отвести эту династію и къ послѣдующему времени. 28-го декабря 1261 г. Полоцкъ находился подъ верховною властію литовскаго князя Гердена (»Русско-лив. а.«, XXV^a, стр. 13). Около 1265 или 1266 г. въ Полоцкѣ сидѣлъ Изяславъ, признававшій верховную власть Войшелга (ib., XXV^b; Стрыйковскій также называетъ Войшелга Полоцкимъ княземъ. I, 301), который, быть можетъ, былъ тотъ самый князь, который, по словамъ новгор. лѣт., былъ посаженъ Литвою послѣ убіенія Товтивила и находился въ Полоцкѣ при Герденѣ [не Изяславъ ли этъ Свислочскій, являющійся въ Ии. сп. подъ 1256 г., стр. 551?]. Потомъ Полоцкъ былъ завоеванъ Довмонтомъ. Стрыйковскій (I, 324) относитъ это къ 1231 г. Его показаніе о завоеваніи подтверждается документомъ, напечатаннымъ въ »Русско-лив. актахъ« (№ XXVII), который, по всѣмъ соображеніямъ, должно отнести къ Полоцку: 1) онъ найденъ въ Рижскомъ архивѣ между исключительно полоцкими бумагами; 2) Рига вообще не находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Псковомъ, гдѣ постоянно княжилъ Довмонтъ; 3) »Смолнянинъ«, выставленный въ числѣ свидѣтелей, также едва-ли можетъ не указывать на Полоцкъ. Этотъ документъ едва-ли вѣрно отнесенъ издателемъ къ первому же году правленія Довмонта въ Псковѣ, т. е. къ 1266 г. Не знаемъ, на какомъ основаніи Полоцкъ у Татищева (IV, 34) названъ отчиною Довмонта. Подъ 1307 г. Стрыйковскій сообщаетъ (I, 349), что нашелъ въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о взятіи въ этомъ году Полоцка но, у кого онъ былъ отнятъ, онѣ не сообщали. Что Полоцкъ около того времени опять находился въ зависимости отъ Литвы, это доказываетъ грамота тамопняго епископа Якова, неизвѣстно когда написанная (вѣроятно, послѣ 1307 г.), въ которой онъ называетъ Витену (Витенеса, извѣстнаго литовскаго князя) своимъ сыномъ (»Русско-лив. акты«, № XXXVIII). Въ 1326 году въ Полоцкѣ сидѣлъ въ качествѣ удѣльнаго князя Витеновъ сынъ Войнь.—Послѣ всего сказаннаго мы близки къ тому, чтобы назвать сообщаемое литовскими лѣтописями о литовской династіи, княжившей въ Полоцкѣ, легендою, тѣмъ болѣе, что

Литвѣ единовластія и объ увеличеніи силъ этого чисто литовскаго го-

въ этомъ ихъ сказаніи есть немало очевидныхъ анахронизмовъ. Гинвилъ Мингайловичъ, по ихъ словамъ, женился на дочери Бориса, вел. кн. Тверскаго (Stryjk., I, 241; что это за Борисъ?) Сынъ его Борисъ построилъ въ Полоцкѣ каменный Софійскій храмъ, но невѣроятно, чтобы онъ не былъ поставленъ раньше: онъ упоминается, какъ каедральный, въ самыхъ древнихъ историческихъ памятникахъ, и нельзя думать, чтобы онъ не былъ каменнымъ (см. »Историч. свѣдѣнія о Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ« Говорскаго въ »Вѣстн. юго-запад. и запад. Рос.« 1864, № 2); развѣ Борисомъ былъ воздвигнутъ новый вмѣсто стараго, но литовскія лѣтописи (»Лѣт. Бых.«, 5; Stryjk., 241) о томъ не говорятъ. По словамъ »Лѣт. Быховца«, Борисомъ же построена другая церковь — »Святаго Спаса, двѣвичъ монастырь, у верхъ рѣки Полоты, отъ города въ полу мили« (»Лѣт. Бых.«, 5) (у Стрыйковскаго (I, 241) »Dziwicy monastir« отдѣляется отъ »Kościoła ś. Spasa«); но Дѣввчій монастырь св. Спаса на р. Полотѣ основанъ около 1155 г. преподоб. Евфросиніею Полоцкою (названная ст. Говорскаго, стр. 82; »Исторія русской церкви« преосв. Макарія, III, 52). Борисъ также основалъ, по словамъ литовскихъ лѣтописей, городъ Борисовъ на р. Березинѣ, но этотъ городъ упоминается въ Ипатскомъ спискѣ уже подъ 1128 г. (стр. 210).—Одно можетъ нѣсколько останавливать при отрицаніи существованія этой династіи: это — видѣнный Стрыйковскимъ (I, 241—242) на Двинѣ, въ 7 миляхъ отъ Полоцка и въ 1 милѣ отъ Дисны, камень съ русскимъ крестомъ и надписью: »Вспоможи Господи раба своего, Бориса сына Гинвиловаго!« Кояловичъ перевелъ эту надпись на латинскій языкъ по Стрыйковскому: »Misereere Domine manserio tuo Boriso Gniwillonis filio«. Но не прибавилъ-ли самъ Стрыйковскій слово: »Гинвилова сына« [у Карамзина, приводящаго (IV, примѣч. 103) это мѣсто Стрыйковскаго по старинному русскому переводу сочиненія послѣдняго, пѣтъ этихъ словъ]? Въ настоящемъ столѣтіи по Двинѣ между Полоцкомъ и Дисною найдено нѣсколько древнихъ камней съ высѣченными на нихъ крестами, посвященныхъ памяти кн. Бориса, причемъ одинъ изъ нихъ открытъ въ 5 верстахъ отъ Дисны, а другой въ 7-ми; на нихъ слѣд. надпись: »Господи, помоги рабу твоему Борису!« Камня же, подобнаго видѣнному Стрыйковскимъ, нѣтъ. »Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ«. Соч. Турчиновича. Спб. 1857. Стр. 270—271. О подобномъ же крестѣ, но только поставленномъ въ 1171 году въ память другаго князя, съ надписью: »Въ лѣто 6679 (1171) Мая въ 7 день дослѣвъ крестъ сій: Господи! помози рабу своему Василию въ крещеніи, именемъ Роголоду, сыну Борису« см. *ibid.*, 266—267, прим 92, или у Карамзина II, прим. 386. Вѣроятно, Товтивилъ утвердился въ Полоцкѣ мирнымъ путемъ. Такова догадка Карамзина. Тоже можно думать и на основаніи выраженія Стрыйковскаго о Товтивилѣ (I, 285): »*był rotym xiążęciem Połockim, bo był ochrzczoney w ruska wiare*«, хотя на слѣдующей страницѣ Стрыйковскій утверждаетъ, что Полоцкъ былъ завоеванъ Товтивиломъ.

сударства присоединеніемъ прилежавшихъ въ нему русскихъ земель, съ

3) Въ 1236 г. Новгородокъ, въ послѣдствіи названный Литовскимъ, находился еще во власти русскаго князя Изяслава, хотя и тогда уже состоялъ въ какой-то связи съ Литвою, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ галицко-волинской лѣтописи (Ип., 517): »Данилъ же возведе на Кондрата Литву, Минъдога, Изяслава Новгородскаго. Нѣсколько раньше (ок. 1228 г.) онъ упоминается въ числѣ совершенно независимыхъ городовъ; Ип., 503: »Володимеръ же со всеми князи, и Пиняны, и Новгородци, и Туровъци, объѣдоша Каменѣць«. Нѣкоторые думаютъ, что подъ новгородцами должно разумѣть гражданъ Новгорода Великаго; но нужно обратить вниманіе на то, что они поставлены между Пинянами и Туровцами; замѣтимъ также, что, если-бы съ верные Новгородцы участвовали въ походѣ Михаила, то о томъ сказали-бы новгородскія лѣтописи. Послѣ татарскаго нашествія Новгородокъ съ землею мы застаемъ во власти Литвы (Ип., 542—544); упомянутый же Изяславъ сидѣлъ, кажется, въ Свислочѣ (Ип., 551; ни въ этомъ, ни въ предыдущемъ случаѣ лѣтопись не приводитъ отчества Изяслава, по которому мы могли-бы судить о томъ, одно ли это было лицо, или нѣтъ; но нѣтъ основаній въ томъ сомнѣваться). Ей же при надлежатъ: Волковыяскъ, Слонимъ, Здитовъ [г. Барсовъ Здитова не опредѣляетъ. Н. С. Арцыбашевъ (III, № 116) спрашиваетъ: не р. л. Дзита Гродненской губ., Лидскаго повѣта а Даниловичъ (»Skarbiec. 76) спрашиваетъ, не »Zdibow« ли это. По словамъ И. Д. Бѣляевъ (»Разск. изъ р. ист.«, вѣ. 4-я, ч. I-я, М. 1872, 10), Здитовъ находился на Ясольцѣ], Городень—нынѣшнее Гродно (Ип., 544). Что земли были завоеваны въ недавнее время, свидѣтельствуетъ и то, что, связавши о воеваніи ихъ Данииломъ, лѣтописецъ затѣмъ говоритъ (Ип. 544): »потомъ же посласта мнози своя нѣмьць и коньники на градъ (въ Хлѣбн. и Пог.: »грады ихъ«) ихъ, и *плъннша всю воотчину ихъ и страны ихъ*«. »понтманскія земли не названы »отчиною« Литовцевъ.— Литовскія лѣтописи говорятъ (»Лѣт. Бых.«, 4; Stryk., 235), что Эрдивилъ Мотивловичъ, послѣ татарскаго нашествія овладѣлъ Новгородкомъ, Гродномъ, Берестьемъ, Мѣльникомъ, Дорогичинимъ, Суражемъ, Бранскомъ и Бѣльскомъ. О первыхъ двухъ мы уже сказали. Брестъ Мѣльникъ (это-мѣст. Гродненской губ. на зап. Бугѣ, къ юго-востоку отъ Дрогичина. Барсовъ, 131. Его нужно отличать отъ Мѣльницы, которой см. выше) находились всегда во власти Данила, слѣдоват., и могли быть захвачены Литвою (Ип., 524, 560 и далѣе; 560, 561; 524 531, 538 и д.). Что касается Суража, Брянска и Бѣльска, то о нихъ мы не можемъ сказать ничего (см. неопредѣленное мѣсто о Бѣльскъ въ Ип. подъ 1253 г., стр. 544; въ послѣдствіи мы видимъ Бѣльскъ въ власти Русскихъ: Ип., 608).—Всѣ эти города были построены русскимъ и находились на территоріи отнятой издавна русскимъ племенемъ (именно Кривичами: см. ниже мѣсто изъ Дюсбурга. И. Д. Бѣляевъ тогда же мѣстна) у Ятвяговъ [названія въ тѣхъ мѣстностяхъ, уцѣлѣвшія]

тѣмъ однако, чтобы не дать перевѣса русскому элементу ¹⁾. Съ великимъ умомъ и дальновидностію въ Миндове ²⁾ соединялись энергія и настойчивость, и онъ началъ, мало по малу, осуществлять свою идею ³⁾. — Литовскія племена съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ихъ исторія, никогда не представляли собою цѣльныхъ организмовъ, но распадались на мно-

---

отъ Ятвяговъ, см. у Ярошевича: § 16 str. 28—29, и прим. 9, str. 203—204], какъ о томъ, по вѣрному замѣчанію Д. И. Зубрицкаго (III, стр. 163, прим. 140) свидѣтельствуютъ самыя названія ихъ. Дюсбургъ отличаетъ эти мѣстности отъ собственно литовскихъ. Подъ 1314 г. онъ говоритъ (стр. 181 Іенскаго изданія): hoc anno mense Septembri idem frater Henricus Marschaleus cum omni virtute exereitus sui venit ad *terram Crivitiae et civitatē illam, quae parva Nogardia dicitur, coepit et funditus destruxit*. Также смотритъ и Стрыковский (напр., на стр. 251 Гродно причисляетъ къ «стародавнимъ отчинамъ русскихъ князей»). По литовскимъ извѣстіямъ, (Быховецъ, 3; Stryk., 84—86) границы земель, издавна занятыхъ собственно литовскимъ племенемъ къ сѣверу отъ Руси, были къ югу отъ р. Вилии; нѣкогда и въ этихъ земляхъ, лежащихъ къ югу отъ Вилии, находились русскіе («*za Wilią zaś ku południowi i wschodowi, Ruskich książąt w ten czas dzierżawy były, także za Dźwina*» str. 85; сл. str. 215: «*przez Wilią z wojskiem przeprowili*», и также str. 219). Изъ нашей лѣтописи можно заключить, что граница собственно литовскаго племени во время Даниила была къ сѣверу отъ Гродна (Ип., 544: «*взяста Городень, а сама воротистася отъ Бѣльска; ютомъ же посласта многы своя пѣшьцѣ...*» и т. д. см. выше); къ востоку границу также составлялъ какъ-бы Нѣманъ (Ип., 568, о Войшелкѣ: «*учини собѣ монастырь на рѣкѣ на Немнѣ, между Литвою и Новымъгородкомъ...*»). — Что касается утвержденія литовскихъ лѣтописей, что литовскіе князья владѣли черниговскою областію, а также Туровомъ и Пинскомъ, еще до Миндове, то оно не требуетъ длиннаго проверженія. Не упоминая совсѣмъ о Черниговѣ, скажемъ, что самостоятельные русскіе туровскіе князья упоминаются въ галицко-вол. лѣтописи еще подъ 1274 (Ип., 576), а Пинскіе еще въ 1292 (Ип., 616).

¹⁾ Последнее видно изъ нелюбви его къ Войшелку послѣ того, какъ тотъ принялъ христіанство. «Отецъ же его Миндовгъ укаривается ему по его житію; онъ же на отца своего не любовашетъ ели». Ип., 568.

²⁾ Онъ самъ себя такъ называетъ во всѣхъ своихъ грамотахъ; мы последовали за ними.

³⁾ На эту постепенность указываетъ то, что онъ упоминается въ раннихъ лѣтописяхъ, какъ одинъ изъ литовскихъ князей, еще въ 1236, а взрывъ противъ него въ Литвѣ обнародованъ не скоро послѣ того.

жество независимых общинъ, которыя управлялись старостами, какъ называетъ такихъ жмудскихъ старшинъ Эразмъ Стелла ¹⁾, или гетманами, какъ названы они въ одной изъ нашихъ лѣтописей ²⁾. Очень можетъ быть, что въ древнѣйшую пору между ними не бывало даже старѣйшаго, потому что не настояла надобность и въ такой слабой централизаціи. Какъ бы то ни было, при Даніилѣ у разныхъ литовскихъ племенъ уже упоминаются иногда старѣйшіе князья ³⁾. Но власть ихъ не могла быть значительною, и ихъ преимущество состояло едвали не въ одномъ правѣ предводительства во время оборонительной войны ⁴⁾. Этимъ и ограничилось вліяніе борьбы съ крестоносцами на жизнь литовскихъ племенъ, несмотря на то, что литовцы весьма скоро поняли, какаю имъ грозила опасность отъ утвержденія нѣмцевъ въ Ливоніи, и начали съ ними борьбу съ перваго же ихъ появленія ⁵⁾. Даже подвергнувшись наибольшей опасности Пруссы, болѣе другихъ племенъ испытаніе тягость нѣмецкаго владычества, и тѣ не могли ступить на новую дорогу и во время возстанія 1260 г. выбирали отдѣльныхъ начальниковъ ⁶⁾. Масса не сознавала ясно потребности перемѣны существовавшего порядка, и если какой-нибудь изъ вождей и задумывалъ послѣднюю, то неимѣлъ силъ для выполненія: другіе *равносильные* съ нимъ князьки не позволили бы ему отнять у нихъ ихъ самостоятельное за

1) Stryjk., I, 47. Въ извлеченіи изъ Дюсбурга Стрыйковскій также упоминаетъ старость Скаловитскихъ и Жмудскихъ. I, 262.

2) П. с. р. л., VII, 253.

3) Подъ 1215 г. (Ип., 492) въ галицко-вол. лѣтоп. упоминается »старѣйшій« лит. князь Живибундъ, а Длугонъ подъ 1264 г. говоритъ (col. 770) о старѣйшемъ Ятвяжскомъ князѣ (»Iaczwingi enim, apud quos tunc major inter Duces Comath Princeps erat...«). Въ Ann. Cap. Cracov. Коматъ названъ просто »princeps Jazwiditarum« (Pertz, XIX, 601).

4) Тогда нерѣдко соединялись военныя силы общинъ. Такое соединеніе мы видимъ, напр., въ 1237 г. На литовцевъ составилось ополченіе изъ нѣмцевъ и псковичей. »И совокупившися Литва, в поставиша бой противу ихъ...« Ник. II, 370.

5) См. лѣтопись Генриха Латыша подъ 1187 г.

6) »Eodem anno (1260) in vigilia beati Mathaei evangelistae, Pruteni apostaverunt a fide—et Sambitae quondam dictum Glande, Nactangi Henricum Monte, Varmienses Clappum, Pogesani Auctumno, Barti Divanum in capifaneos et duces sui exercitus elegerunt«. Dusburg, 191.

ченіе. Чтожь поэтому удивительнаго въ томъ, что и незадолго до Миндове и при немъ мы видимъ собственно Литовское племя и Жмудь, которыя насъ занимають по преимуществу, въ состояніи такого же раздробленія, какое господствовало у нихъ искони¹⁾. Миндове былъ

1) Подъ 1215 г. въ Ип. сп. приведено 20 князей. Затѣмъ упоминаемъ, что съ 1240 г. на Русь напададо иногда по нѣскольку литовскихъ отрядовъ, и у каждаго изъ нихъ былъ независимый предводитель. Подъ 1245 г. новгор. лѣтоп. говоритъ объ избіеніи болѣе 8 «княжиць» и 2-хъ литовскихъ отрядовъ (И. с. р. л., III, 54) и т. п. На существованіе при Миндове независимыхъ князьковъ указываетъ также гал.-вол. лѣт. Вымытъ убѣдилъ воевать съ Миндове «поль Жемоити» (Ип., 541); въ Нальщанахъ мы видимъ особеннаго князя (Ип., 568). Нѣкоторые князья удержались при Миндове и послѣ торжества его, признавъ верховную его власть, что высказывается въ томъ, что они, какъ Довмонтъ, должны были принимать участіе въ его походахъ. Стрыйковскій говоритъ: «А gdy Mendog wyszłi wojska swoje Litewskie posłał za Dniepr na Romana kniazia Natbrawskiego, a Dowmant też, jako holdownik, z nim był poszedł na te wojnę według powinności...» (I, 298). Мы видимъ такихъ князьковъ и въ грамотахъ Миндове. Таеъ въ одной изъ нихъ, помѣченной серединою іюля 1260 г., въ качествѣ свидѣтелей приводится слѣд.: *barones et consanguinei* «Миндове, очевидно, владѣвшіе какими то волостями: являющійся въ нашихъ лѣтописяхъ послѣ убійства Миндове (см. одну его грамоту въ «Русско-лив. акт.», стр. 13) Гердень подъ именемъ *Gerdinae de Nailse*—и какой-то *Parbusae de Nenaе*. Въ «Annal. sar. Sracow» (Pertz. XIX, 601) Стрыйкоть, убившій Миндове названъ «*potens princeps Lituaniarum*». Впрочемъ, сила этихъ уцѣлѣвшихъ при Миндове князьковъ была ничтожна въ сравненіи съ силою послѣдняго; о Довмонтѣ лѣтопись говоритъ, что «бысть сила его мала, а сего велика» (Ип., 568). Галицко-волинская лѣтопись исключительно трудамъ Миндове приписываетъ объединеніе раздробленной прежде Литвы. Этимъ всемъ опровергается принимаемое нѣкоторыми историками безъ строгой критики показаніе литовскихъ лѣтописей, что, какъ Литва такъ и Жмудь, задолго до Миндове имѣли единовластныхъ князей, и что престолъ переходилъ отъ отца къ сыну, при чемъ, если сыновей было нѣсколько, то старшій садился на отцовскомъ мѣстѣ (послѣ Мингайла, по словамъ Стрыйковскаго, «*Skirmunt, jako starszy, siadł na ojcowskiej stolicy, w Nowogrodku, xięstwa Ruskiego i Litwy Powińjskiej*». I, 241); этимъ опровергается также и то ихъ свидѣтельство, что уже отецъ Миндове Рынгольтъ Альгимунтовичъ соединилъ Литву и Жмудь, а изъ русскихъ земель владѣлъ Новгородкомъ, Гродномъ, Подляхією, Стародубомъ, Карачовымъ и Черниговомъ и передалъ все это сыну. Представимъ таблицу литовскихъ и жмудскихъ князей по Стрыйковскому.

въ иномъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе князьки: онъ былъ гораздо силь-

П а л е м о н ь

Боркусь,
основатель Юрборка.
Умеръ безъ потомст.

Конась
или **Кунась,** осно-
ватель Ковна.

Спера.
Умеръ безъ
потомства.

Dorsprungus,
основатель
Вилькомира и
Дзяволтова.
|
Живибундъ.

Кернусь Литовскій
(владѣль землями отъ Вили до
Неважи, основатель Кернова).

Гимбутъ Жмудскій

|
Монтвилъ,
столицами котораго были
Юборкъ и Кунасевъ или Ковно.

|
Поята. Ея мужъ—Живи-
бундъ Дорспрунговичъ.

Куковойтъ Жмудскій и
Литовскій.

Эрдзивиля Немень Викинтъ

|
Утенусъ.

|
Мннгайло
Новгородскій, Подлянскій и Полоцкій.

|
Свинторогъ.

Скирмуптъ
Новгородскій, Туровскій, Пин-
скій, Мозырскій, Повилійскій.

Гидвилъ
Полоцкій

Любартъ
Карачевскій и
Черниговскій.

Пуссимуптъ
Туровскій и
Стародубскій.

Стройнатъ
Новгородскій и
Подлянскій.

|
Борисъ.

Альгимунтъ,
владѣтель Литвы и Руси отъ Вили
до Чернигова.

Рогволодь-Василій.

|
Глѣбъ. Св. Прасковья.
Ум. безъ наслѣд.

|
Рингольтъ,
которому была поручена опека надъ Свинторогомъ
и который посиль титулъ Великаго князя Литовскаго,
Жмудскаго и Русскаго.

|
Мендогъ.

Эта генеалогія составлена не Стрийковскимъ, какъ доказываетъ »Лѣ-
топись Быховца«, которою онъ несомнѣнно пользовался (только въ ис-
правнѣйшемъ спискѣ, чѣмъ тотъ, который до насъ дошелъ), а тѣми
позднѣйшими литовскими лѣтописцами (»Лѣт. Бых.« составлена, быть
можетъ, во время Ивана Грознаго. См. разсужд. Даниловича о литов.

ибе ихъ потому, что ему удалось овладѣть упомянутыми нами русскими

лѣт., помѣщенное въ Варшавскомъ изданіи книги Стрыйковскаго, стр. 53), которые старались подогнать древнѣйшую исторію Литвы подъ свой вкусъ, тѣмъ самыми, для которыхъ *былъ интересъ* выводить литовцевъ отъ Римлянъ. Въ этой таблицѣ очевидно желаніе ея составителя вывести въ послѣдовательномъ порядкѣ литовскихъ князей отъ баснословнаго Палемона; въ позднѣйшее время въ составѣ собственной Литвы явственно обозначались только двѣ области: Литва и Жмудь, и составитель допустилъ постоянное существованіе только двухъ князей въ литовскихъ земляхъ; по его таблицѣ выходитъ, что между князьями никогда не было споровъ о земляхъ. Для болѣе древняго времени сошнители *выдумали* имена князей на основаніи названій тѣхъ изъ выдававшихся литовскихъ городовъ и мѣстностей, въ которыхъ находили гдѣ-то, папоминавшее латинскій языкъ. Такъ, Юрборкъ подалъ имъ возможность найти имя для перваго сына Палемона—Борка или Боркуса Юр — они отнесли къ р. Юриі, на которой былъ поставленъ городъ; Ковно или Конасовъ подало мысль назвать Конас'омъ; мѣстность и озеро Спера дали тоже названіе третьему сыну Палемона (Stryjk., 84—85); отъ Кернова произошло имя Кернуса (см. *ibid.*, 86). Пользовались составители представленной нами выше генеалогіи и народными гдѣсьями. Стрыйковскій говоритъ о Поатѣ, женѣ Живибунда: Дорспрунговича и дочери Кернуса, что, когда она умерла, ея *syn Kukowojt z wrodzonej miłości postawił bałwan nad jeziorem Zosła, obyczajem pogaińskim ku wiecznej pamięci. Ten bałwan ludzie prości chwalili za boginią, a gdy bałwan zgnił, na tym miejscu lipy wyrosły, które także Litwa Żmódź aż do czasów Jagiełowych za bogi chwalili, pieśni proste o Pociacie śpiewając*» (I, 245; см. стр. 248 о Куковойтѣ). Для позднѣйшей эпохи составители разбираемой нами генеалогіи воспользовались готовыми именами, которыя нашли въ недошедшихъ до насъ западнорусскихъ лѣтописяхъ. Какъ они обращались съ послѣдними, видно изъ того, что, по галицко-волинской лѣтописи (Ип., 492), Живибундъ, Довспрунгъ, Брдивиль, Выкынтъ являются современными и нисколько не родственными другъ другу лицами (если была родственность, то лѣтопись ее отмѣчала; такъ, напр., она говоритъ, что такой - то братъ такого-то); по литовскимъ же лѣтописямъ, Живибундъ былъ сынъ Дорспрунга; а Брдивила и Выкынта они дѣлаютъ братьями, при чемъ, въ то время, какъ по нашей лѣтописи они оба сидѣли въ Жмуди, по словамъ лит. лѣт., только послѣдній княжилъ въ Жмуди, а первый господствовалъ въ завоеванной Руси.* При господствѣ произвола въ литовскихъ лѣ-

* Въ некоторыхъ лѣтописяхъ Живибундъ и Дорспрунгъ не были, впрочемъ, вставлены въ генеалогію, и на основаніи этихъ - то лѣтописей Стрыйковскій сказалъ въ одномъ мѣствъ: »/iwibunda z Montwiłom (Литва и Жмудь) etmanu *wybrali*», противурѣча своему утвержденію въ другомъ мѣствъ о томъ, что это были послѣдственные князья.—Какъ скудны были свидѣнія лит. лѣт. древнѣйшей исторіи Литвы, видно изъ того, что о Мицдове они говорятъ только словами галицко-волинской лѣтописи. Оттуда же отсутствіе хронологіи, за которое жалуется Стрыйковскій (I, 243).

землями по верхнему течению Немана и въ его окрестностях. Опи-

тописяхъ, касавшихся начальной исторіи Литвы, неудивительно, что между ними нерѣдко не было согласія относительно преемственности князей. Такъ, одинъ лѣтописецъ, вопреки всѣмъ другимъ, считалъ Поляту не матерью Куковойта, а дочерью (Stryk., 245); мужа ея онъ называлъ Гедрусомъ Дзяволтовскимъ, но др. знали Гедруса Ромунтовича (ibid., 246). Разногласіе мы замѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ (см. напр., на стр. 252, объ участи русскихъ князей послѣ битвы подъ Могильною). Для насъ весьма важно то различіе, какое мы замѣчаемъ между литовскими лѣтописцами по вопросу объ отцѣ Миндове. Онъ былъ названъ Рынгольтомъ только въ немногихъ изъ нихъ (между прочимъ, онъ такъ названъ и въ «Лѣтописи Быховца», стр. 7: Рынгольтъ «*był mnoho let na Nowhorodley u umre. a po sobi zostawił syna swojeho na kniazenij Nowhorodskom Mindowha*; мы уже видѣли, что еще въ 1236 г. въ Новгородѣ сидѣлъ русскій князь). Это ясно видно изъ словъ Стрыйковскаго, которыми онъ заключаетъ свою повѣсть о Рынгольтѣ: «*Ringolt — — umarł, zostawiwszy po sobie na ty państwa syna Mindauga, Mindiowa, albo Mendolpha, bo go różno różne kroniki nazywają*» «*który potym był królem Litewskim, z ramienia papieskiego koronowanym roku 1251 jako o tym z pewnych dowodów niżej napiszemy. Acz insz Latopiszczce tego Mendoğa ani wspominają, tak zamykając koniec panowani Rynholtowego, według swojego zwyczaju w dowodzie i w docytaniu chro- mego: knaził dzie Ringolt na Nowhorodku mnoho let, i potym dzie umierł i każeć nikotoryje żeby trzech synów po Ruskieje biczwie urobił (tak sprost pisze) da niet wiadoma, kakoweje dzieło sz jetich jeho synów było. Przeł ja widząc prostotę i leniwy dohcip onych starych pisarzów albo diaków to znaczne acz pogańskie xiążę własnego syna Ringoltowego, z dowodi Miechowity, Długosza, Wapowskiego, Cromera (тамъ объ этомъ ни слова) z Pruskich i z Liłandskich Kronik, tudzież ze dwu dowodnych Latopiszczów który każdy naleść może w Grodku, w skarbie sławnej pamięci pana Chodkiewicza Alexandra, starosty igzodzińskiego. (Stryk., I, 252 — 253). I такъ; въ двухъ только лит. лѣтописяхъ (Даниловичъ — въ разсужденіи о лит. лѣтоп., стр. 54 — склоняется къ тому, что это были волинскіе лѣтописцы, но едва ли это справедливо) Стрыйковскій намекалъ, что отецъ Миндове назывался Рынгольтомъ.*

Вотъ почему изслѣдователю литовской исторіи въ настоящее время пока не откроются еще какія-нибудь литовскія лѣтописи, приходится совершенно оставить мысль сдѣлать какое-нибудь приложение изъ генеалогіи, находящейся въ «Лѣт. Бых.» и у Стрыйковскаго: всякая попытка была бы бесполезна. Уже Коляловичъ (Т. I, 47) сказалъ: «*Quare prae quodque Veri incertus, totam annotationem ad Mandogi usque principatum suspectam ut reperiri relinquo*». Мы можетъ быть увѣреннѣе исполнѣ въ истинѣ только слѣдующей таблицы, которую можемъ извлечь изъ нашей лѣтописи и отчасти изъ др. источниковъ:

раясь на это, онъ и началъ борьбу изъ-за чисто литовскихъ земель, сначала—съ неродственными князьками ¹⁾, а потомъ и съ своими братьями и племянниками ²⁾.

Стремясь притянуть побольше русскихъ земель, Миндове однакоже не объявлялъ еще притязаній на югозападную Русь, откуда можно было получить въ то время сильный отпоръ, а направилъ удары на русскія области, примыкавшія къ восточной окраинѣ его владѣній ³⁾. Напротивъ, онъ былъ въ постоянной дружбѣ съ Данииломъ и дважды помогалъ ему въ борьбѣ его съ врагами ⁴⁾.

Но Даниилъ, какъ дальновидный политикъ, хорошо понималъ, что рано или поздно Литва, еслибы въ ней утвердилось дѣло Миндове, должна была напасть и на югозападную Русь, въ чемъ онъ и не ошибся ⁵⁾.

Неизвѣстный.

Миндове Выкынтъ
его жена взята послѣ Вишиму-
на (ея сестра за Довмонтомъ).

неизвестная по
имени сестра
Миндове

Трената Тов-
тавидъ (у Дюсб.
Grinota, у Длуг.
Стройнать).

Войшелкъ Рукль Репскій. Неиз-
вѣстная по имени
жена Шварна.

Неизвѣстно,
ея ли сынъ

Sorogius
Lygeike
(грам. 1260г.)
(въ Ил.: Липивъ).

Братья
Миндове.
Отъ одного
изъ нихъ
|
Эдивидъ

1) Ип. подъ 1215, 492: »а се Булевичи: Вишимуть, его же уби Миндовгъ и жену его поялъ и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка«.

2) Ип., 567 и 541

3) И послѣ втораго своего разрыва съ Данииломъ онъ не предпринималъ завоевательныхъ походовъ на югозападную Русь, а устремлялъ свои взоры за Днѣпръ (Ип., 568: »Послалъ бѣшетъ Миндовгъ всю вою силу за Днѣпръ на Романа на Бряньского князя«).

4) Въ 1236 г. онъ сдѣлалъ, по желанію Даниила, набѣгъ на земли Юнрада [который отнесенъ къ этому году въ хроникѣ Альберта Треней, говорящей: »Ео ante tempore Comes *Huyd* cum non contemendo exercitu venit ad ducem Leonem. Masoviam omnem duce orbam cum ussis et Lithuanis populabundi peragraverunt etc.« »Skarbiec, № 78); во второй разъ онъ посылалъ Даниилу вспомогательное войско въ 1245 г., прочемъ, когда оно пришло, все уже было кончено. Ип., 517, 532 535.

5) Уже Миндове, разсорившись съ Данииломъ, испросилъ у паны позволеніе воевать Россію и присоединять ея области къ своимъ владѣніямъ. Рядомъ съ этою бумлою была выдана другая, позволявшая колонизовать Войшелка литовскимъ королемъ (Theimer, »Vetera Monim. Pol. Lith.«, I, № СХХІІІ).

Бъ тому онъ былъ не прочь присоединить къ своимъ владѣнiямъ находившiйся подъ властiю Литвы Новгородокъ и сосѣднiя русскiя земли ¹⁾. Поэтому, какъ только онъ раздѣлялся съ другими болѣе опасными врагами, и какъ скоро представлялся удобный случай вслѣдствiе того, что Миндове вооружилъ противъ себя даже своихъ родственниковъ ²⁾, Даниилъ рѣшился начать борьбу.

Врагъ могъ быть уничтоженъ въ самомъ началѣ, еслибы, по составленному Данииломъ обширному политическому плану, ему помогли всѣ южные и западные сосѣди Литвы, т. е. поляки и рыцари ³⁾. Даниилъ считалъ это дѣло общехристіанскимъ. Посылая къ ляхамъ за помощiю, онъ говорилъ: «яко время есть христіаномъ на поганѣхъ, яко сами имѣють рать межи собою» ⁴⁾. Но горячо брался за дѣло одинъ только Даниилъ. Какъ сильно онъ желалъ сокрушить могущество Миндове, видно изъ того, что онъ былъ крѣпко разсерженъ, когда получилъ извѣстiе объ отпаденiи послѣднихъ союзниковъ, на которыхъ надѣялся ⁵⁾; онъ посылалъ большiе подарки въ Ригу, лишь бы склонити къ войнѣ нѣмцевъ ⁶⁾ и не желалъ сначала мириться съ Миндове, когда

1) Strykowski, I, 286. Южнорусскiе князья не оставляли своихъ притязанiй и потомъ. Бурдикидъ и Будивидъ дали Метиславу Дац. Волковийскъ, чтобы только жить съ нимъ въ мирѣ (Ип., 614).

2) Подробнѣе о томъ см. въ Ип. сл. подъ 1252, стр. 541. Обращаемъ вниманiе на то, что до сихъ поръ оставляютъ безъ объясненiя одну фразу гал.-вол. лѣтописи въ разсказѣ о тиранствѣ Миндове. Не сылая своихъ племянниковъ на Русь, Миндове говоритъ: «што хтъ приемаетъ, собѣ держитъ *вражбою*» (X. П. «вѣрожбою»); далѣе читаемъ въ лѣтописи о Миндове: «бо за *ворожьство* с ними Литву заня». Сл. «Лѣтоп. Бых.», гдѣ иначе.

3) Возможность этого признается въ одной грамотѣ самого Миндове. Вотъ ея слова: «...nos quoniam totum regnum nostrum Lettaviae per aliquos christianae fidei inimicos et *aliquorum Apostasium* (намекъ на Даниила) sic turbati fuerimus et concussi, quod nisi dictorum magistri ac fratrum (dictorum—разум. упомянутые передъ тѣмъ magister ac fratrum domus Theutonicae) magnum consilium et auxilium nobis affuisset totum regnum nostrum fuisset cum subversione fidei annullatum». Naruszewicz, I, str. 365. (по изд. 1803).

4) Ип., 541.

5) Ип., 544: «Тевтвилъ прибѣже к Даниалу и(зъ) Жемоитъ. Лтвизъ, река, яко Миндовгъ убѣди и серебромъ многимъ; Даниалу и *итѣвъ имѣющую на нѣ*».

6) Stryk, I, 287. Ип., 541. О сношенiяхъ Даниила съ Ригою, какъ жется, довольно подробно сообщается въ соч. Goetze: «Albert Suerbe (S.-Pt. 1854)», по мы не видали этой книги.

тотъ предлагалъ это ¹⁾. Поляки отказались воевать съ Миндове, а крестоносцы, хотя открыли-было непріязненные дѣйствія, скоро отстали и подружались съ Миндове, которому даже стали помогать ²⁾. Данииль остался противъ Миндове только съ племянниками послѣдняго, да съ навятыми ими отрядами ятвяговъ и жмуди ³⁾. Силы обоихъ противниковъ оказались равными, и Данииль долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что его сыну Роману были уступлены завоеванные литовцами по-пѣманскіе города: Новгородокъ, Волковыйскъ, Слонимъ и др., съ тѣмъ условіемъ, чтобы Романъ признавалъ верховную власть Миндове ⁴⁾. Вѣроятно, тогдаже Данииль выговорилъ Товтивилу спокойное владѣніе Полоцкомъ, въ которомъ потомъ мы видимъ Товтивила.

Заключенный боровавшимися сторонами миръ не рѣшилъ дѣла: ни одна изъ нихъ окончательно не возобладала. Нѣсколько лѣтъ спустя между ними наступило новое размирье. Кажется, что литовцы были недовольны тѣмъ, что Василько участвовалъ въ татарскомъ походѣ на Литву ⁵⁾. Какъ бы то ни было, они захватили Романа Даниловича и отецъ его и дядя стали отыскивать его въ литовской землѣ, при чемъ опустошали ее ⁶⁾. Съ этого времени югозападная Русь находилась не

¹⁾ Strijk., I, *ibid.*

²⁾ Ип., 543: «Наутрѣи же выѣхаша Нѣмцѣ со самострѣны, и ѣхаша на нѣ Русь с Половци и стрѣлами...»

³⁾ Сами литовцы, такъ обр., вредили себѣ, не понимая полезности дѣла Миндове. Въ то время литовскія племена готовы были за деньги служить всѣмъ—даже нѣмцамъ и обратились чуть не въ германскіе гелейты. О помощи ихъ нѣмцамъ см., напр., П. с. р. л., III, 37 подъ 1219; о помощи Конраду Мазовецкому см. у Богуфала (*ed. Sommersh.*, p. 58); о помощи со стороны литовцевъ и ятвяговъ Святополку Морскому см. у Длугоша (*ib.* VII, col. 701) и т. п.

⁴⁾ Особенно ясно высказывается эта зависимость Романа отъ Миндове въ гал.-вол. лѣт. подъ 1257 (Ип. 555): «Присла же Миндовгъ к Данилу: «*пришло к тобѣ Романа и Новгородитъ...*» О мирѣ съ Миндове лѣтопись говоритъ послѣ разказа о коронованіи Даниила; слѣдоват., это случилось около 1254 г.

⁵⁾ Объ этомъ походѣ см. предыд. гл., прим. 32.

⁶⁾ Существуетъ мнѣніе, что Романъ Даниловичъ былъ убитъ тогда литовцами (Шараневичъ, «Ист. Гал. Вол. Руси», стр. 100), и такъ кажется всякому, который будетъ имѣть въ виду только нашу лѣтопись. Романъ Даниловичъ упоминается въ ней послѣ описанія поисковъ Даниила и Василька только одинъ разъ, но какъ мертвый: Левъ Даниловичъ, желая выманить у Владиміра Васильковича Берестье, между прочимъ, говорятъ, что въ Холмѣ «*Романъ* и Шварно и всихъ кости туто

въ ладахъ съ Литвою до самой смерти Миндове¹⁾. Но это не привело ни къ чему серьезному. Миндове былъ занятъ другими, болѣе важными отношеніями и иногда только посылалъ отряды для опустошенія русскихъ земель. Русскіе изливали свое мщеніе на тѣже отряды—не болѣе —и даже не пытались отнять понѣманскіе города, оставшіеся, по всей вѣроятности, за Литвою. Время не было уже такъ благопріятно, какъ прежде, хотя орденъ опять считалъ Миндове своимъ врагомъ. Польше вновь была опустошена татарами и литовцами, и, по прежнему, между ея князьями не было единодушія. Нѣмцы имѣли у себя домашнихъ враговъ въ лицѣ пруссовъ. Такимъ образомъ, югозападная Русь болѣе чѣмъ прежде, должна была рассчитывать на свои только собственныя силы, а тутъ, какъ нарочно, она также пострадала отъ татаръ и имѣла въ лицѣ ихъ грозныхъ враговъ.

Такое же пассивное отношеніе со стороны югозападной Руси къ литовскимъ дѣламъ мы замѣчаемъ и въ остальное время княженіе Данила.

лежать* (Ип., 600). Затѣмъ: послѣ описанія поимокъ идетъ описаніе свадьбы у Василька; »Бысть же тогда братъ Василковъ Данило ко ролъ, со обѣма сынома своима со Львомъ я со Шварномъ* (Ип., 562) Но прежде всего скажемъ, что передъ разсказомъ о свадьбѣ въ лѣтописи есть пропускъ. Во 2-хъ, Романъ еще въ 1259 г., по свидѣтельству польскихъ источниковъ, которое отвергнуть нѣтъ основаній (онъ находится и въ современномъ актѣ: »Scarb.», стр. 109, № 250, актъ 1263, и у современнаго происшествію лѣтописца), помогалъ Сомовитъ Мазовецкому, о чемъ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова. Вѣроятно въ томъ же году онъ и умеръ.

¹⁾ Миндове былъ убитъ осенью 1263 г. Въ -Лѣтописцѣ Рускомъ (ч. II, Спб. 1792) сказано, что это случилось зимою того года (стр. 35) Конечно, мы должны вѣрить болѣе галицко-вол. лѣтоп., нежели польскимъ историкамъ и лѣтописцамъ, которые говорятъ, что въ 1262 и вмѣстѣ съ литовцами на Мазовію нападали и находившіеся въ союзѣ съ ними русскіе и что Сомовитъ былъ убитъ Шварномъ (Hogurh., 74 Dlug., col. 766—767; Длугошъ ярко расписываетъ жестокость Шварна Krommer, lib. IX). Не любящая лжи и болѣе компетентная гал.-вол. лѣтоп. приписываетъ все это одной Литвѣ; изъ русскихъ князей съ литовцами, по ея словамъ былъ только бѣжавшій изъ Рязани Евстафій Константиновичъ, котораго она называетъ »оканьнымъ и незаконнымъ (Ип., 565; не онъ ли убилъ Сомовита?); однимъ же литовцамъ приписыв. набѣгъ и убіеніе Шварна и въ хроникѣ анонима (Sommerb. II, 83), въ Annales Silesiae superioris (Pertz, XIX, 553), въ Annales capituli Cracov. (ibid., 601) и въ Annal. Polon. I. III. IV (ib., 636—637)

Итакъ, хотя Данилово вмѣшательство въ литовскія дѣла немало содѣйствовало остановкѣ развитія литовскаго могущества, но его попытка совершенно подавить въ зародышѣ Литву, какъ будущаго врага югозападной Руси, окончилась неудачею. Быть можетъ, было бы нѣсколько иначе, еслибы онъ былъ принужденъ заботиться объ одной Литвѣ. Но онъ желалъ раздѣлаться и съ другимъ врагомъ, привлечь его вниманіе и былъ потому, что называется, между двухъ огней.

2. Сѣверо-западные сосѣди Даниловой Руси могли обратиться въ ея завоевателей въ недалекомъ будущемъ. Съ востока ей грозили враги въ настоящемъ; желанія ихъ были инаго рода.

Первоначально татары не думали ограничиться покореніемъ одной Руси ¹⁾. Когда же потомъ они должны были оставить свои обширные

---

¹⁾ Вотъ что говорить о нихъ подѣ 1244 г. Матеей Парижскій со словъ какого-то *русскаго* (такъ стоитъ въ подлинникѣ) архіепа. Петра: «Они намѣрены покорить себѣ весь свѣтъ, и думаютъ, что, по опредѣленію божественному, должны они въ теченіе тридцати девяти лѣтъ опустошить вселенную. Думаютъ и увѣряютъ, что произойдетъ страшная борьба между ими и Римлянами...» (Филаретъ, «Обзоръ р. дух. литературы», Харьковъ, 1859. стр. 90). Пр. Филаретъ считаетъ этого Петра галицкимъ епископомъ (такого же мнѣнія держались и нѣкоторые галицкіе писатели см. гал. ист. сборн., II, стр. 3); но въ Галичѣ передъ татарскимъ нашествіемъ и послѣ него упоминается еп. Артемій (Ип., 518 и 527); не находимъ Петра и въ спискѣ галицкихъ епископовъ, напечатанномъ въ I-мъ вып. «Гал. ист. сборн.» (стр. 145). А. С. Петрушевичъ («Гал. ист. сб.» II, стр. 6—8 и 96—97) считаетъ Петра титулярнымъ латинскимъ архіепископомъ de Russia. Такіе поминальные католическіе епископы русскихъ земель появились, дѣйствительно, около этого времени (свидѣтельства нѣкоторыхъ писателей о существованіи ихъ раньше не заслуживаютъ опроверженія). При Генрихѣ Бородагомъ († 1238) упоминается Опатовскаго «*monasterii Abbas et Ruthenorum episcopus*, который pro Catholicis ibi (т. е. въ югозап. Руси) *degenitus de novo lucrat creatus*» (Sommersh. II, 58). Но вышеупомянутый Петръ не могъ быть этимъ епископомъ: подѣ 1253 г. этотъ *primus episcopus Russiae* названъ Gothardus (ibid., 66). Едвали въ то время (ок. 1241 г.) были еще другіе какіе-нибудь *episcopi Ruthenorum*. По словамъ папской буллы 1257 г., укрѣпленной за Любусскимъ епископствомъ право завѣдывать латинцами, жившими въ Россіи,—право, перенесенное къ этому епископату отъ Опатовскаго, предшественники Любусскаго епископа *luere pro tempore in possessione spiritualis jurisdictionis super omnes Latinos, existentes in Russia...*» (H. R. M., I, XCIV). Папская грамота 1320 г. говоритъ: «*eclesia Kyoviensis in confinibus Ruthenorum et Tartarorum, qui antiquitus Galathe vocabatur, elapsis centum annis et amplius...*»

замысли, то, поселившись на всемъ почти протяженіи восточной границы Руси, рѣшились хотя ее не выпускать изъ своихъ рукъ и стал зорко слѣдить за князьями всѣхъ русскихъ земель, потому что считал себя *владыками всей Руси*. При этомъ они были *врагами* только *поной* ея *независимости* и предоставляли князьямъ въ извѣстныхъ предѣлахъ свободу.

Югозападная Русь должна была подчиняться имъ наравнѣ съ остальными землями. Ея князь не явился въ орду по первому зову, который былъ обращенъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ¹⁾, и отъ него потребовал Галича. Сопротивляться не было возможности. Въ концѣ 1245 г. он отправился въ орду, сталъ на колѣни передъ ханомъ и назвался холопомъ.²⁾

infeliciter caruit pastore proprio, clero et populo christianis (Theimer, *Monum. Pol.* I, p. 162, № 252; сл. *ibid.*, p. 295, № 376). Если здѣло идетъ о Галичѣ, то мы не споримъ противъ хронологической даты буллы; если же — о Кіевѣ, то множество фактовъ можно привести въ доказательство того, что тамъ вовсе не было католическихъ епископовъ до 1244 г. И такъ, трудно приурочить занимающаго насъ Петръ къ разряду титул. р. кат. еп. Руси, хотя рассказъ о немъ даетъ болѣе всего правъ именно на то. Можетъ быть, онъ занималъ епископскую кафедру въ другомъ какомъ-нибудь городѣ южн. Руси, кромѣ Галича.

¹⁾ Ник. III, 20: «таже (Батый) повелѣ всѣмъ княземъ рускимъ оставшимъ в Русіи приити к себѣ».

²⁾ Ип., 536.—Гал.-вол. лѣт. относятъ это къ 1250 г., и всѣ исключенія исторіи принимаютъ ея показаніе. Но о поѣздкѣ Даніила въ орду въ ней говорится непосредственно вслѣдъ за описаніемъ Ярославской битвы, которая, какъ мы видѣли, случилась въ 1245 г. По этому и подчиненіе Даніила Татарамъ нужно отодвинуть назадъ. Е необходимость этого указываетъ также то, что, по возвращеніи Даніила Конрадъ Мазовецкій († 1247) былъ еще живъ (Ип., 537). Точно опредѣлить время Даніиловой поѣздки даетъ возможность Пано-Карпини. Въ то время, когда послѣдній проѣзжалъ чрезъ югозап. Русь, Даніилъ былъ въ ордѣ Пано-Карпини, по всей вѣроятности, видѣлъ его гдѣ-то за Днѣпромъ. Пано-Карпини прямо этого не говоритъ, но такъ можно думать. Онъ не упоминаетъ о встрѣчѣ съ Даніиломъ передъ Днѣпромъ (см. стр. 10), не причисляетъ его также къ лицамъ, которыхъ встрѣтилъ у Батия. (Въ Бергерономъ переводѣ послѣдняя глава Пано-Карпини читаемъ: «Il (Jean Carpin) fait mention des noms de tous ceux qu'il a trouvez ou rencontrez à, ou par les chemins. Comme le Roi Daniel de Russie, avec toute sa suite, étant près de Bathy, et Carbon qui avoit épousé une soeur de Bathy» (стр. 212); потомъ Пано-Карпини ссылается на провожавшаго его на нѣкоторомъ разстояніи Батю Могроша; послѣ этого онъ уже говоритъ о тѣхъ, кого заста-

Неизвѣстно, обязался ли онъ платить дань или нѣтъ, но несомнѣнно, что татары требовали ее ¹⁾.

Врагъ былъ обще-русскій. Но въ то время, какъ остальные русскія земли, молча, подчинились татарскому игу, Данилова область рѣшила сдѣлать попытку къ освобожденію себя отъ стѣснявшаго ее гнета.

Для князю болѣе, чѣмъ остальнымъ русскимъ князьямъ, казалось несноснымъ и было тяжело признавать надъ собою татарскую власть. Обратимъ вниманіе на то, что чувствовалъ этотъ прекрасно образованный европеецъ при встрѣчѣ съ татарами. »И прииде Переяславлю, и

у Батия и у великаго хана (стр. 314)]. Плато-Карпини проѣзжалъ черезъ Волынь въ 1 й разъ въ январѣ 1246 г.: 2-го февраля онъ былъ уже въ Кіевѣ [стр. 19]. Въ древнихъ рукописяхъ Плато-Карпини его путешествіе обозначается совершенно вѣрно то 1245, то 1246 г. См. «Критико литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи» Ф. Аделунга. Ч. I. М. 1864, стр. 58—59. Что мы правильно выставили 1246 г., видно изъ разныхъ упоминаемыхъ Плато-Карпини происшествій, имѣвшихъ мѣсто въ томъ году. При немъ скончался въ Азій Ярославъ Всеволодовичъ, а онъ, по нашимъ лѣтописямъ, умеръ 30-го сентября 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; *ib.* VII, 156; Ник. III, 26. Незадолго до Плато-Карпини (стр. 84) былъ убитъ въ ордѣ Михайль, а это случилось 20-го сентября того же 1246 г.: П. с. р. л., I, 201; Ник. III, 25; въ Воскрес.— П. с. р. л., VII, 156 — неправильно показано 23-е сентября]; у Батия же онъ былъ отъ великаго четверга до дня Пасхи 1246 г. (Плато-Карп., стр. 16 и 22). Папская була въ татарамъ помѣщена у Языкова и помѣчена: »*ponas Martii anno II.*« По словамъ нашей лѣтописи, Данииль отправился къ Батію »на праздникъ святаго Дмитрѣя«; въ то время Днѣпръ еще не покрывался льдомъ: »изыде изъ монастыря въ юды« (Ип., 535). Изъ сличенія этихъ данныхъ мы выводимъ, что Данииль выѣхалъ въ орду въ октябрѣ 1245 г. и не переправлялся на правую сторону Днѣпра, на обратномъ пути, до начала февраля 1246 г. Обращаясь затѣмъ къ подробностямъ, находящимся въ галицко-вол. лѣтописи, нельзя не придти къ тому же результату: во время поѣздки Даниила, въ Кіевѣ сидѣлъ еще намѣстникъ Ярославовъ (Ип., 535); Батия его также встрѣчалъ Ярославовъ человекъ (*ib.*, 536). — Послѣ свиданія съ Данииломъ, Батій считалъ его земли вполне покорными себѣ и къ подданнымъ Даниила, а не къ кому-нибудь иному, при возвращеніи папскихъ посланцевъ, онъ »послать грамоту за своею петагью, чтобы давали имъ лошадей и все нужное, а въ противномъ случаѣ угрожать имъ всѣмъ смертною казнію«. («Собр. пут. къ тат., гр. 217).

¹⁾ Ип., 536: »пынѣ сѣдигъ на колѣну и холопомъ называется, дань хотять, живота не чаеть и грозы приходять«.

стрѣтоша Татаровѣ. Оттуда же ѣха къ Куремѣсѣ, и видѣ яко нѣстѣ в нихъ добра. Оттуда же нача болми скорбѣти душою, видя бѣ обладаемы дьяволомъ: сквѣрная ихъ кудѣньская блядѣня и Чигизаконова мечтанья, сквѣрная его кровопитья, многыя его волнѣбы; приходящія цари и князи и велможѣ, солницю и лунѣ и землю, дьяволу, и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяше околъ куста поклонятися имъ. *О сквѣрная прелестъ ихъ! Се же слыши велми нача скорбѣти* 1)». Нужно вспомнить также гордую натуру Даниила (какъ горько должно было быть для нея униженіе! 2) и его горячую любовь ко благу и независимости родины. Не слѣдуетъ забывать и того, что это былъ могущественнѣйшій изъ тогдашнихъ князей 3).

Данииль задѣвалъ всю Батыеву орду. На успѣхъ въ борьбѣ с нею можно было рассчитывать только въ томъ случаѣ, еслибы удалось выставить противъ нея огромную массу. Путешествовавшій къ татарамъ Плато-Карпини говоритъ: «Нѣтъ такой области, которая сама собою могла бы имъ сопротивляться; ибо собираютъ они на войну изъ всѣхъ земель, которыми владѣютъ. Поэтому если христіане хотятъ сохранить себя и свои земли и все христіанство, то необходимо, чтобы короли князья и бароны и правители земель, соединясь, послали на нихъ и общему соглашенію, войско, прежде нежели начнутъ они разсѣваться по землямъ 4)». Сами татары кичились своимъ многочисленствомъ и потому именно и думали, что противъ нихъ не можетъ устоять никакое

1) Ibid. 535—536.

2) Не даромъ другихъ лѣтописцевъ «татарская честь» не оскорбляла такъ; а тутъ читаемъ: «О злѣ зла честь Татарская!... О зла честь Татарская!» (Ип., 537).

3) Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Данииль съ самаго начала не хотѣлъ покоряться татарамъ. До зова со стороны Батыева онъ и ѣхалъ въ орду, а собиралъ въ то время свѣдѣнія о татарахъ [Плато-Карпини говоритъ о Василькѣ: «venerat Dominus Wasilico, Dux Russiae a quo etiam prius de facto audivimus Tartarorum; quia nuncios illic miserat, qui jam redierant ad ipsum.» Стр. 8]. Къ хану онъ отправился только потому, что еще не достаточно приготовился къ защитѣ: «Бысть в печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ землѣ своей города; и думавъ съ братомъ своимъ, и поѣха къ Батыеви...» (Ип., 535). По возвращеніи изъ орды, онъ съ новымъ жаромъ принялся за планы касательно освобожденія татарскаго ига.

4) Собр. путеш. къ тат., 203.

пародъ¹⁾. Они двигались всегда въ полномъ составѣ орды, тогда какъ осѣдлые жители областей, на которыя они нападали, не всѣ противъ нихъ выходили; земское ополченіе являлось безсильнымъ. Этимъ объясняется легкое завоеваніе Руси татарами.

Вотъ почему Данииль почти съ той самой поры, какъ задумалъ борьбу съ ними, началъ хлопотать о составленіи противъ нихъ большаго ополченія изъ западно-европейцевъ²⁾; о соединеніи съ сѣверовосточ-

1) Ibid., 108.

2) По словамъ Стрыйковскаго (I, 291), Данииль отправлялъ къ папѣ пословъ уже въ 1245 г. (на Ліопскій соборъ), но это невѣрно: изъ Плато-Карпини видно, что, до проѣзда послѣдняго чрезъ юго-западную Русь, Данииль не заводилъ сношеній съ Римомъ. Папа первый вызвалъ его на это: онъ далъ посламъ, отправлявшимся къ татарамъ, грамоту, для врученія князьямъ юго-западной Руси, въ которой увѣщевалъ ихъ «возвратиться къ единенію со святою матерью церковію». Иннокентій IV интересовался привлеченіемъ Даниила въ лоно католицизма потому, что, съ обращеніемъ его, 1) увеличилась-бы папская паства, а во 2-хъ, католическій міръ въ лицѣ его приобрѣлъ-бы на границѣ съ невѣрными сильнаго государя; а папа такъ заботился объ охраненіи католическихъ земель отъ татаръ! Папскіе послы, при первомъ своемъ проѣздѣ чрезъ юго-западную Русь, не могли получить рѣшительнаго отвѣта, потому что не было дома Даниила (Плато-Карпини, 8). Безъ сомнѣнія, Василько разсказалъ брату (возвратившемуся, вѣроятно, въ февралѣ) объ ихъ словахъ. Они порѣшили вступить въ переговоры съ Римомъ и въ первые мѣсяцы 1246 г. (въ февралѣ, или въ мартѣ, или въ апрѣлѣ) отправили къ папѣ пословъ. Указаніе на это посольство мы находимъ въ папскихъ грамотахъ, датованныхъ «V. Nonas Maii» 1246. Въ одной изъ нихъ папа говоритъ: «*votis tuis libenter annuimus, et petitiones tuas quantum cum Deo possumus favorabiliter exaudimus. Tuis itaque supplicationibus inclinati...*» (Н. Р. М., I, LXII). Въ др. грамотѣ отъ того же числа, обращенной къ королю русскому Іоанну и ко всѣмъ вѣрнымъ, папа выражается уже не такъ опредѣленно: «*sicut accepimus...*» Очевидно, объ этомъ же посольствѣ упоминаетъ Плато-Карпини подъ 1247 г.: «*responderunt nobis communiter dicentes — confirmantes etiam omnia, quae prius de hac materia per Abbatem suum transmiserant*» (стр. 62). Райнальдъ не вдается въ подробности о томъ, по какому случаю написаны названные нами грамоты. Онъ говоритъ («*Annales Ecclesiastici*, XIII, ad a. 1246, № 28, p. 558): «*laetissimo primo nuntio excitatus Innocentius, Prussiae archiepiscopum, quem ex Armachana ad illam sedem ineunte anno transtulerat, Apostolicaeque sedis legati dignitate ornatum ad Russos misit*». — Второе посольство въ папѣ было отправлено Данииломъ въ 1247 г. — вмѣстѣ съ возвращавшимся въ Римъ Плато-Карпини («Собр. путеш. къ тат.», 62), и отвѣтомъ на него являются буллы, помѣченные: «*Lugduni VI. Kalendas*

ною Русью онъ не помышлялъ. Западъ не подалъ ему помощи, несмотря на то, что посланные папою къ татарамъ привезли грозную вѣсть о походѣ на Западъ, который послѣдніе намѣревались предпринять ¹⁾; не вліяли на католиковъ и постоянныя воззванія къ крестовому походу съ церковныхъ кафедр ²⁾. Даниилъ рѣшился выступить противъ татаръ съ однѣми собственными силами ³⁾. Послѣ первыхъ успѣ-

Septembris. Anno Va (1247) («Н. Р. М.», I, №№ LXXII—LXXI). Въ одной изъ папскихъ буллъ этого года (*ibid.* LXXII) упоминаются «*litterae speciales*» и «*punctii, quos — transmissit super ad nostram presentiam*», въ др. грамотѣ (LXXV) такими пунціями названы «*fratres H. et A. de ordine fratrum Predicatorum*», очевидно, тѣ самые, которыхъ папа послалъ въ предыдущемъ году для пребыванія при Даниилѣ (LXIII).

¹⁾ «Собр. путеш. къ Тат.», 200, 196; грамота Байотная у Асцелива, гл. 12, стр. 258 и 260.

²⁾ Едва ли не первою буллою, вызывавшею Западъ къ крестовому походу противъ Татаръ, была напечатанная у Райнальда подъ 1243 г. (№ № 36—37; р. 523). Пропуская слѣловавшій затѣмъ рядъ папскихъ мѣръ для защиты католичества отъ Татаръ, укажемъ на то, что папа приглашалъ вѣрныхъ къ ополченію противъ нихъ въ 1253 (по сообщенію со стороны Даниила объ угрожавшемъ набѣгѣ. Н. Р. М. I, LXXXVIII) и въ 1254 (*ibid.*, № XC; булла помѣчена: «XII. Kal. Junii») гг. Подобныя увѣщательныя грамоты папы издавали и послѣ разрыва съ Данииломъ [въ 1258: *Voigt, Gesch. Preussens* 4 s. 150, и *Cod. diplom.*, p. 121; въ 1260: *Cod. dipl.*, p. 131; въ 1261: *Raynald Ann.* XIV, ad a. 1261, № 6; въ 1262: *ibid.*, ad a. 1262, № № 29 — 32]; но онѣ не имѣли никакого значенія, равно какъ и буллы, побуждавшія къ крестовому походу противъ Литовцевъ (см. напр. «*Ann. Eccl.*» XIV, ad a. 1255, № 59, ad a. 1257, № 25); ополченія не могли организоваться; дѣло ограничивалось тѣмъ, что крестъ принимали одиночныя лица и послѣ того сидѣли дома; нѣкоторые даже старались потомъ снять съ себя обѣтъ (*Rayn.*, *ibid.*).

³⁾ Онъ предпринялъ противъ нихъ даже наступательное движеніе (см. въ I-й гл.).—Одинъ разъ, повидимому, Даниилъ могъ дѣйствовать опираясь на литовскія силы (Ип., 555—556), но онѣ не оказали ему никакого пособія.—Первые начали борьбу (въ концѣ 1253 или въ началѣ 1254 г.) Татары, должно быть, узнавше о сношеніяхъ Даниила съ Западомъ. Вскорѣ послѣ коронованія его они двинулись къ Бакоті (Ип., 549). Во время проѣзда Плато - Карнины, они кочевали еще у правой стороны Днѣпра. Щербатовъ догадывался, что въ 1252 г. Татары пошли на Даниилова зятя, Андрея Ярославича, потому, что она сались этой родственной его связи съ Данииломъ («Ист. Росс.», т. III Спб. 1774, стр. 65). Г. Трубецкой также думаетъ («*Le Russie soude*» 146), что Андрей началъ заявлять открыто неповиновеніе Татарамъ подѣ вліяніемъ Даниила. Но это не выдерживаетъ критики.

ховъ ¹⁾, онъ долженъ былъ поникнуть головою, когда на мѣсто баскака Куремсы былъ двинуть съ болѣе численными полчищами Бурандай. Силы послѣдняго были страшны Даниилу. »Данило же держаше рать с Куремсою, и николи же не бояся Куремсѣ: не бѣ бо могъ зла ему створити пкогда же Куремьса, дондеже приде Буранла со силою великою ²⁾«. Этотъ »безбожный, злый, оканный, проклятый« воевода, какъ называетъ его лѣтопись, заставилъ Данила въ концѣ концовъ отречься отъ мысли о борьбѣ съ татарами, приказавши скрыть почти всѣ воздвигнутыя въ югозападной Руси укрѣпленія. Чтѣ должны были чувствовать южно-русскіе князья при сденахъ слѣдующаго рода! »Пойде Бурандай ко Володимерю, а Василко князь с нимъ, и не допешу ему города, и ста на Житави на ночь. Бурандай же нача молвити про Володимерь: »Василко! розмечи городъ«; князь же Василко нача думать в собѣ про городъ, зане немощно бысть розметати вборзѣ его величествомъ, повелѣ зажечи и; и тако чересь ночь изгорѣ всѣ. Завѣтра же приѣха Буранла в Володимерь, и видѣ своима очима городъ изгорѣвши всѣ; и нача обѣдати у Василюка на дворѣ и пити; обѣдавъ же и пивъ и леже на ючѣ у Пятидна. Завѣтра же присла татарина, именемъ Баймура, Баймуръ же приехавъ ко князю и рче: »Василко! прислалъ) мя Бурандай. велѣ(ъ) ми городъ роскопати«. Рече же ему Василко: »твори повелѣиое тобою«. И нача роскопывати городъ, назнаменуя образъ побѣды ³⁾«. Князья собственными руками должны были разрушать то, въ чемъ велили послѣдній оплотъ противъ варваровъ, и послѣ того ихъ заставляли принимать участіе въ татарскихъ пиршествахъ!

Борьба съ восточными врагами, какъ и съ сѣверозападными, окончилась для югозападной Руси неудачею, въ силу малыхъ ея средствъ. И ей было суждено низринуть татарское владычество. Несчастная Россія принуждена была долго еще ожидать того момента, въ кото-

¹⁾ Мы говоримъ о борьбѣ Данила съ Куремсою, паблодавниимъ въ югозападномъ. Плато - Карпини передаетъ извѣстіе, что у Куремсы онъ называетъ его Коррензою) было 60000 человекъ (стр. 14; въ нѣкоторыхъ спискахъ неправильно: 600000; см. 46-ю стр. По изслѣдованіямъ повѣйшихъ историковъ (см. Hammer-Purgstall'я »Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak«. Цитата И. И. Шараневича), у него было всего 10000 человекъ.

²⁾ Ип., 561.

³⁾ Ibid., 562—563.

рый должно было наступить это освобождение для каждой из двух огромных половинъ (московской и литовской), на которыя она разбилась.

Попытка Даниила была однако не бесполезна для югозападной Руси. Татары стали побаиваться Даниила. Когда одинъ изъ претендентовъ на Галичь просилъ у нихъ помощи, они ему отвѣчали: »какъ идещи в Галичь, а Данило князь лють есть; оже отъиметь ти животъ, то кто ти избавить¹⁾«?—Побаивались они и того, чтобы онъ не двинулъ на нихъ Западъ, предъ силами котораго они чувствовали нѣкотораго рода страхъ²⁾. Потому-то даже Бурандай называлъ галицко-волынскихъ князей не иначе, какъ »мирниками«, т. е. находящимися въ союзѣ³⁾, и власть татаръ не была такъ прочно утверждена, какъ въ сѣверовосточной Россіи.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ въ защиту политики Даниила относительно татаръ противъ С. М. Соловьева. Этотъ ученый какъ-бы не одобряетъ ее, отдавая предпочтеніе, по своему обыкновенію, политикѣ сѣверныхъ князей. »Неудача предпріятій Данииловыхъ, говоритъ онъ⁴⁾, служить самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной покорности Александровой и выставляетъ съ выгодной стороны проицательность и осторожность влукъ Всеволода III«. Соловьевъ думаетъ какъ-бы, что Данииль не вполне благоразумно и расчетливо затѣялъ борьбу съ татарами. Но Александръ Невскій былъ далеко слабѣе Даниила по своимъ силамъ и не находилъ ни малѣйше опоры на Западъ. Данииль былъ въ иномъ положеніи. А что онъ и кидался въ борьбу, очертя голову, просто по чувству удалства, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ сѣверныхъ князей⁵⁾, это видно изъ того, что онъ не сразу началъ наступательное движеніе противъ татаръ.

1) Ип., 550.

2) »Собр. путеш. къ Тат.«, 44 п 228.

3) Ип., 560 — 562. »Мирникомъ« называлъ и Болеславъ Краковский Шварна. Ип., 571.

4) III, 232—233.

5) Андрей Ярославичъ. Когда пришли на него Татары, онъ »смѣлся въ себѣ глаголя: Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ с бою бранитсѣя, и наводити другъ на друга татаръ; лутче мнѣ събжати въ чужую землю, неже дружитсѣя и служити татаромъ. И с бравъ воинство свое иде противу ихъ, и срѣтнеше начаша битись,

IV.

Мы указали на все, заслуживающее, по нашему мнѣнію, вниманія въ княженіе Даниїла Галицкаго. Намъ предстоитъ теперь, на основаніи вынесказаннаго, сдѣлать общую оцѣнку всего совершившагося въ теченіе этого княженія.

При Даниїлѣ значительная по объему часть Руси, именно юго-западная, отдѣлилась отъ прочихъ русскихъ земель и начала жить особенною жизнію. Это обособленіе было вредно въ томъ отношеніи, что постепенно все больше и больше могло развивать чувство отдѣльности, и, при случаѣ, одна часть могла уже и не подумать о подавіи помощи другой, которая казалась ей чуждою; съ сѣвера уже не могъ придти на выручку Галича Мстиславъ; это мы и видимъ въ половинѣ XIV столѣтія, при покореніи Червонной Руси Польшею. Но не одни дурныя послѣдствія могло имѣть это отдѣленіе. Чѣмъ оно сопровождалось? Югозападная Русь не желала терпѣть участи, какую сносили остальные русскія земли, рвалась къ свободѣ, стремилась къ развитію вполне цивилизованной для своего времени жизни. Имѣй она успѣхъ на этомъ поприщѣ, она принесла бы великую пользу не только западной Руси, которую могла-бы притянуть къ себѣ, но и восточной, избавивъ ее собственными силами отъ враговъ, которые, борясь съ югозападною Русью, боролись потомъ съ Москвою; она могла-бы сообщить отставшимъ въ неволѣ отъ цивилизованной жизни братьямъ выработанную ею здоровую, самобытную и въ тоже время стоящую на уровнѣ времени гражданственность. Она могла-бы вторично сыграть роль, какаю однажды была уже выполнена ею,—роль, навсегда освятившую Кіевъ для всей Руси.

И изучающій время Даниїла, еслибы не познакомился съ тѣмъ, что было потомъ, былъ-бы почти увѣренъ, что такъ и случилось. При Даниїлѣ югозападная Русь претерпѣла много ударовъ и несчастій, но они не убили въ ней жизни, которая обѣщала въ будущемъ прекрасный разцвѣтъ. Въ моментъ Даниїловой смерти съ горизонта не сошли грозныя тучи, но при его жизни югозападная Русь боролась стойко и сравнительно удачно. »Крѣпости срыты по приказанію татарскаго

бысть битва велія и одолѣша татарове, и побежа кн. в. Андрей Суздальскій...» Ник. III, 33—34.

баскака, говоритъ С. М. Соловьевъ, по Холмъ сбереженъ, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжки на югѣ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо 1)». Впредь не нужно было ломать голову надъ средствами для борьбы съ неприятелемъ: они были указаны Даниломъ; эти средства были: единодупіе внутри и, при этомъ единогласіи, союзъ съ Нѣмцами --противъ Литвы 2) и союзъ съ западомъ вообще—противъ татаръ. Притомъ эти враги принуждены были значительно поостыть въ своихъ порывахъ. Еслибы послѣ Данила все шло, какъ при немъ, то югозападная Русь устояла-бы противъ всякой непогоды, дождалась-бы свѣтлаго неба и зажила-бы отрадною жизнію въ освѣженной атмосферѣ.

Но въ томъ-то и бѣда, что она не видѣла другаго Данила. Ни одинъ изъ оставленныхъ имъ и бывшихъ послѣ него князей не походилъ на него соединеніемъ въ себѣ огромнаго количества качествъ, которые были необходимы для государя въ то тяжкое время, не исключая и высоконравственного и симпатичнаго Владиміра Васильковича 3). Не было личности, которая умѣла-бы направлять постоянно къ одной цѣли политику всѣхъ князей югозападной Руси. Послѣ Данила между ея князьями уже нѣтъ преявляемаго единодушія, столь важнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и это обнаруживается сразу: когда пришлось воевать съ Поляками вскорѣ послѣ смерти Данила, Левъ не соединился съ братомъ и дядею 4); а при Данилѣ всѣ полки шли на враговъ, и это могло сдерживать послѣднихъ 5). Левъ, заратившись съ Литвою, не получилъ помощи отъ Василька, а просилъ ее у татаръ 6). Раздѣленіе югозападной Руси между нѣсколькими нерѣдко разобщенными въ политикѣ и вообще не возвышавшимися постоянно надъ мыслию о личномъ благѣ князьями не давало возможности дѣйствовать наступательно противъ враговъ. И вотъ татарское вліяніе усиливается 7). Русь

1) »Исторія Россіи,« III, 233.

2) Въ этомъ отношеніи преемники Данила исполнили его завѣтъ.

3) Посвященную его дѣятельности статью см. въ IV-й кн. »Вѣст. зап. Россіи« 1871.

4) Ип., 571—572.

5) Особенно замѣтно въ лѣтописи постоянное несогласіе и нерасположеніе между Львомъ и Владиміромъ Васильковичемъ.

6) Ип., 575.

7) Лѣтописецъ начинаетъ говорить: »тогда же бяху вси князи въ неволѣ татарской«. Ип., 575, 588, 591.

не крѣпла, а между тѣмъ Литва и Польша усиливались отъ сплоченія, противъ котораго югозападная Русь не принимала мѣръ, и въ концѣ концовъ подѣлились ею. И она томилась подъ чужеземнымъ гнетомъ четыре съ половиною вѣка; значительная часть ея неосвободилась отъ него и до сихъ поръ.—Время Даниила было самое блестящее время югозападной Руси, начиная съ основанія русскаго государства; съ его смертію она видѣла мало такихъ свѣтлыхъ сравнительно моментовъ.

С. М. Соловьевъ ¹⁾ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ²⁾ объясняютъ ея паденіе иначе. Они утверждаютъ, что въ ней не было задатковъ и возможности крѣпкой жизни. Если согласиться съ ними, то выйдетъ, что Данииль строилъ свое зданіе на пескѣ (что и утверждаетъ Бестужевъ-Рюминъ), и что его труды тратились по напрасну, и принесли мало пользы. Но въ сѣверовосточной Руси не было элементовъ, особенно благоприятствовавшихъ развитію крѣпкаго государства, и оно образовалось такъ нескоро не по одной причинѣ татарскаго владычества. Кто знаетъ, не случилось-ли бы этого еще позже, еслибы не подвернулось татарское нашествіе? Съ другой стороны, въ югозападной Руси не было элементовъ разложенія. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ видитъ все зло въ Галичѣ, въ его аристократіи. Но Галицкая область послѣ Даниила не была первенствовавшею въ югозападной Руси, и Галичь, и Львовъ не были исключительными столицами послѣдней. Напротивъ, мы имѣемъ основанія думать, что Владиміръ Волинскій имѣлъ болѣе значенія, нежели Львовъ. Это видно изъ дошедшихъ до насъ грамотъ послѣдняго времени самостоятельнаго существованія югозападной Руси ³⁾. Что же касается галицкаго боярства, то, какъ мы видѣли, оно было подавлено при Даниилѣ и не воскресло съ прежнею силою, сколько намъ извѣстно до конца XIII столѣтія; когда наши свѣдѣнія о Галицко-Волинскихъ княжествахъ дѣлаются крайне скудными, по случаю прекращенія мѣстной лѣтописи.

Не исполнилась мечта Даниила о самостоятельной жизни югоза-

¹⁾ См. I-ю гл. XIII-го тома.

²⁾ «Русская исторія», I, 293—299.

³⁾ Въ грамотѣ Юрія II отъ 1327 г. Владиміръ названъ *civitas capitans*. Во Владиміръ же писаны грамоты: 1316, 1320, 1335; изъ Львова выдана грамота 1334; объ одной (1325) неизвѣстно, гдѣ писана.—Въ то время перѣдко даже вся югозападная Русь объединялась юдъ названіемъ Волинъ. См. «Гал. истор. сбѣрн.», вып. 3.

падной Руся, съ блестящимъ положеніемъ ея среди сосѣдей и съ цѣлующимъ видомъ внутри: она не сыграла роли, какую ей можно было сулить. Несмотря на то, княженіе Данила не было безплоднымъ. Оно отсрочило на цѣлое столѣтіе паденіе югозападной Руся, на цѣлое столѣтіе отдалило отъ нея тягости чужеземнаго ига. Западныя ея враги, чуть чуть было не овладѣвшіе ею, были отбиты, и она значительно окрѣпла при Данилѣ благодаря тому, что на время представляла какъ бы одно цѣлое. Едипленіе это долго не продолжалось, но все-таки весьма важно было то, что она сосредоточилась въ рукахъ меньшаго числа лицъ, притомъ—лицъ, принадлежавшихъ къ одному роду. Благотворно также должно было дѣйствовать и то, что князья осѣлись на своихъ мѣстахъ. Существова же въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ татарскаго нашествія, югозападная Русь отвлекала вниманіе Литвы отъ востока, принимала на себя ея удары и давала Москвѣ возможность крѣпнуть, въ то время какъ Псковъ и Новгородъ не допускали къ Москвѣ ливонцевъ.

V.

Указавъ важнѣйшія событія этого замѣчательнаго княженія, опредѣливъ историческое его значеніе, мы не въ правѣ еще окончить свой трудъ. Онъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули о томъ громадномъ благотѣльномъ вліяніи, какое имѣла на судьбы юго-западной Руся того времени сообщившая ему свое имя личность Данила Романовича.

Слишкомъ тяжело и трудно было для югозападной Руси то время, въ которое онъ жилъ. Она со всѣхъ попятъ сторонъ могла опасаться за свою независимость.

Если, несмотря на то, она удержала свою самостоятельность въ отношеніи къ западнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ и даже, напротивъ, сдѣлалась для нихъ болѣе или менѣе грозною, если сразу же не вполне подпала татарскому игу и сколько-нибудь пришла въ цѣлующее состояніе послѣ всѣхъ бѣдствій, то этимъ она обязана въ громадной степени именно Данилу; мы говоримъ: въ громадной степени, а не вполне потому что ни одному человѣку нельзя приписать что-нибудь вполне. Исполнясь когда-нибудь замыселъ враговъ Данила на его жизнь, ставъ въ

качества въ вождя во главѣ юго-западной Руси кто-нибудь другой; ходъ ея исторіи былъ бы совершенно иной. Она не сплотилась бы, что случилось при Данилѣ, и не имѣла бы оттого силы, которая весьма много помогала Данилу; никто другой, кромѣ его, не сумѣлъ бы и такъ прекрасно устроить политическія отношенія ея. Мы просимъ при этомъ читателя всомнѣть, что ей помочь весьма мало даже Мстиславъ Удалой. И это не наше только мнѣніе. М. О Кояловичъ говоритъ: «Галицко-Волынское княжество просуществовало послѣ татарскаго нашествія (мы скажемъ: послѣ смерти Романа, потому что серьезной опасности оно подверглось имеппо съ этого времени) еще цѣлое столѣтіе, — еще цѣлое столѣтіе группировало около себя западно-русскія силы. Этимъ столѣтнимъ существованіемъ оно особенно было обязано необыкновенному западно-русскому человеку—Данилу Романовичу, Галицко-Волынскому князю»¹⁾. Одиный довольно почтенный польскій историкъ также называетъ «королество Руси» «wzbrojonymъ dzielnoscią jęgo»²⁾.

Такое крайне благотѣльное и чрезвычайно сильное вліяніе Данила Галицкаго на судьбы югозападной Руси происходило изъ того, что это была личность не изъ обыкновенныхъ, — личность, совмѣщавшая въ себѣ почти всѣ тѣ качества, которыя нужны были для спасенія Руси: онъ былъ по плечу тому трудному времени, когда «въ Русской землѣ возсталъ великій мятежь» и наступили «безчисленныя рати... частыя войны и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятежи».

Но станемъ указывать на отличавшую Данила отъ его соперниковъ, безкорыстную горячую любовь къ русской землѣ, которую онъ желалъ видѣть вполнѣ счастливою страной, прекрасно устроенною внутри, какъ то доказываетъ его внутренняя дѣятельность, и занимающую почетное положеніе и славную среди окружающихъ государствъ; онъ усердно старался о возможно большемъ распространеніи у нихъ этой доброй о ней славы³⁾. Одиной горячей любви къ отечеству, составляю-

1) «Лекціи по ист. Зап. Россіи», 84.

2) Каз. Сладницкій въ соч. «Synowie Gedyminów» (I. II. str. 1).

3) Видно, что говоритъ онъ своимъ воинамъ, когда они однажды хотѣли возвратиться съ похода на Литву: «срамоту имѣемъ отъ Литвы и отъ всихъ земель, аще не пойдемъ и вратимся» (Ил., 543). Для славы Руси, съ которою возрастала и его слава, а не для чего иного, онъ такъ охотно принималъ участіе въ войнахъ сосѣдей, помо-

щей достойнѣе всякаго честнаго дѣятеля, было еще мало. Не будемъ говорить и о томъ, что онъ ставилъ для себя высшею цѣлью благо находившихся подъ его властію и властію его брата русскихъ земель, не давалъ себѣ ни минуты отдыха и всю жизнь ревностно и неуклонно къ нему стремился, такъ что лѣтописецъ говоритъ о немъ и объ его братѣ, что «измлада не быхима покоя»¹⁾, а С. М. Соловьевъ²⁾ справедливо ставитъ его на ряду, съ страдальцемъ за русскую землю, Владиміромъ Мономахомъ. Весьма важно было то, что Даниилъ обладалъ при этомъ и качествами, весьма много могшими помогать ему при выполнении этой высокой задачи.

Прежде всего скажемъ, что это былъ весьма ловкій и проницательный политикъ, отлично умѣвшій найтись во всякомъ положеніи, всегда отыскать средства для борьбы. Далѣе, это былъ человекъ горячо относившійся ко всякому дѣлу. Пылкость его характера обнаружилась уже въ дѣтствѣ. Когда однажды выгоняли его мать изъ Галича, Даниилъ не хотѣлъ ее оставить «и плакашеса по ней, младъ сый. И приѣхавъ

гая своимъ друзьямъ. Вотъ что читаемъ въ лѣтописи при описаніи его похода на Чеховъ: «Данилови же князю хотящу, ово короля ради, ово славы хотя, не бѣ бо въ землѣ Рускѣй прежде иже бѣ воевалъ землю Ченьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимѣръ святый (лѣтописецъ забылъ Владиміра Мономаха). Богъ хотѣше его исполни, спѣшаше бо и тосняшеса на войну...» (Ип., 545). Въ случаѣ побѣды, Даниилъ водружалъ свое знамя на стѣнахъ побѣжденнаго города (Ип., 547).—Когда была взята дань съ ятвяговъ, часть ея Даниилъ удѣлилъ польскому воеводѣ Сигиѣву, «послушества ради, да увѣсть вси земли Лядская, яко дань платили суть Ятвязи королеви Данилу, сынови великаго князя Романа» (Ип., 554). Даниилъ любилъ показаться иностранцамъ въ возможно лучшемъ видѣ. Вотъ какъ явился онъ однажды въ венгерскую землю, будучи приглашенъ на помощь ея королемъ: «бѣ похвѣвъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася... бѣ конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жъжепа, и стрѣлы и сабля златомъ украшены, иными хитростями, якоже дивитися, кожую же оловира Грѣцкаго и круживы златыми плоскими ошить, и сапоги зеленого хѣза шити золотомъ. Немцемъ(ъ) же зрящимъ, много дивящимся.» (Ип., 540 — 541). Соблюдя честь своей земли, Даниилъ не желалъ разговаривать въ Краковѣ съ папскими послами, явившимися съ короною, и сказалъ имъ: «не подобаетъ ми видитися с вами въ чужей земли, нѣ шаки» (Ип., 548).

¹⁾ Ип., 501.

²⁾ Въ ст. подъ заглавіемъ: «Даниилъ, король Галицкій», помѣщенной въ 1-мъ № «Современника» 1847.

Олександръ, тивунъ Шюмавиньскій, и и и за поводъ; онъ же измокъ мечъ, тя его, и потя конь его подь пимь...»¹⁾. Горячность Данила не принадлежала къ числу скоро остывавшихъ. Во всякомъ дѣлѣ онъ до конца сохранялъ энергію, былъ неумолимъ, не медлилъ, работалъ даже въ Пасху. Данилъ получаетъ отвѣтъ отъ Мстислава Удѣлаго, признающій за нимъ права на Черторыйскъ. «Дѣмяню же приехавшу в великую субботу, наутрѣя же на великъ день приехаста Данилъ и Василько къ Черторыйску, въ понедѣльникъ на ночь обѣсѣдоста градъ»²⁾. Когда Данилъ узналъ о бѣгствѣ Александра Белзскаго по направленію къ Кіеву, онъ «изыде на нѣ из Галича, угопи и въ Полономъ, и япа и в лузѣ Хоморьскомъ, *Данилови же не спавшю три дни и 3 ноци*, такоже и во емъ его»³⁾. Бѣдствіе не приводило Данила въ уныніе, которое онъ считалъ качествомъ невѣрныхъ. «Людемъ же видяцимъ, яко отъ татаръ зажъженъ бѣ градъ, и вѣжана в мѣста лѣсна и тѣмъ не могоша сбиратися; Данило же снися с братомъ и тѣни и, якоже отъ Бога бывшій бѣдѣ не имѣти *жемь* (X. II. «жалѣ») *поганьскы*, но на Бога надѣятись и на нь возложити печаль»⁴⁾; что Данилъ самъ слѣдовалъ этому, видно изъ всей его бiографіи. Онъ отличался удивительною любовью къ дѣятельности, что особенно бросается въ глаза при чтеніи галицко-волинской лѣтописи подь 1235 г.: походы предпринимаются имъ одинъ за другимъ; помѣшало половецкѣ войнѣ съ Лтвягами — Данилъ вспоминаетъ, что у него есть другой еще врагъ, и онъ идетъ на него⁵⁾. При этомъ онъ любилъ собственнымъ глазомъ все осмотрѣть, ко всему приложить и свою руку: осаждалъ ли онъ городъ, или вообще велъ войну, самъ осматривалъ мѣстность, укрѣпленіе, препятствія⁶⁾, и раздѣлялъ черѣдко труды съ воинами⁷⁾. Не послѣднюю роль играло и его блестящее мужество, обнаруженное имъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ⁸⁾, но особенно ярко выказавшееся въ несчастный для Руси 1223 г. Данилъ первый, изъ любонитства, что за люди были

1) Ип., 486.

2) Ibid., 502.

3) Ibid., 514.

4) Ibid., 557.

5) Ibid., 517.

6) Ibid., 504 и 506.

7) Ibid., 553.

8) Ibid., 491.

пришельцы, бросился за ними вслѣдъ, первый перенелъ, по желанію Мстислава, Калку и сталъ впередъ своихъ полковъ. Приведемъ это довольно характерное мѣсто изъ лѣтописи. «Съразившимся полкомъ на мѣсто, Даниль же выѣха на передъ, и Семьонъ Олшевичъ и Василко Гавриловичъ, поткоша в полкъ Тогарьскыя; Василкови же сбодену бывшу в перси, младства ради и буети не чюяше рать бывшихъ на телеси его: бѣ бо возрастомъ 18 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Данилови же крѣпко борююдися, избиваюдци Тогары видявтъ то Мстиславъ Нѣмый, мнѣвъ яко Даниль сбодепъ буеть, потче и самъ въ нѣ, бѣ бо мужъ и отъ крѣпнокъ: понеже ужика сый Роману отъ племени Володимера, прирокомъ Мономаха, бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, далъ князю Данилови Татаромъ(ъ) же бѣгаюдцямъ, Данилови же избиваюдци ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Курьскыму, крѣпко бившимся, инѣмъ полкамъ сразившимся с ними, грѣхъ ради нашихъ Рускимъ полкомъ побѣжденымъ бывшимъ: Даниль видявтъ, яко крѣпцѣйши брань належить в ратныхъ стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляюдцимъ крѣпцѣ, обрати конь свой на бѣгъ устрѣляюдци ради противныхъ. Бѣваюдю же ему, и вжада воды, пивъ почюти рану на телеси своемъ, во бранцѣ не позна ея крѣпости ради мужества возраста своего: бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногъ его не бѣ на немъ порока¹⁾. Даниль считалъ постыднымъ удаленіе отъ неприятеля безъ битвы. Онъ не совѣтовалъ однажды Владиміръ Рюриковичу идти на Подовцѣвъ, когда же его упросили на то, а по томъ, встрѣтившись съ ними, уговаривали къ отступленію, Даниль отвѣчалъ: «подобаетъ вонну устремившуся на брань или побѣду прияти или пастися отъ ратныхъ; азъ бо возбраняхъ вамъ, ниѣ же вижю яко страстливу душо имате; азъ вамъ не рѣхъ ли, яко неподобаетъ изыти труднымъ воемъ противу цѣлымъ? ниѣ же почто смущаетеся? изыдетъ противу имъ²⁾. Его удалъ простиралась до того, что онъ готовъ былъ вмѣшиваться въ борьбу и помогать слабѣйшимъ, когда его и не звали такъ, онъ хотѣлъ однажды пособлять австрійскому герцогу против императора, но былъ отговоренъ королемъ³⁾. -- Будучи храбрымъ воиномъ, онъ былъ искуснымъ полководцемъ. Во время одного похода и

1) Ип., 496—497.

2) Ibid., 515.

3) Ibid., 517.

Итвяговъ Даниилу говориши: «вѣси ты воиничьскій чинъ, на ратяхъ бычай ти есть»¹⁾. Впрочемъ, Даниилъ былъ способенъ не къ одной полетической дѣятельности, онъ не увѣкался однимъ военными предпріятіями, не былъ только рыцаремъ. Не одни военныя предпріятія являлъ онъ дѣломъ государя. Онъ обнаруживалъ особенную способность и къ устроению государства. Вѣроятно, за это дѣтское называлъ его «княземъ мудрымъ», «вторымъ по Соломонѣ»²⁾. Нельзя при томъ не указать на его свѣтлыя понятія. Мы привнесемъ принципъ Даниила съ дующее: Русь бо бѣаху половалѣ многу челядь и оарыиѣ; створиша же межн собою клятву Русь и Лихове: аще по смь коли будетъ межн ими усобица, не воевати Лихомъ Руское челяди, на Русн Лядьской»³⁾. Къ сожалѣнію, это условіе не выполнялось; первые нарушили его поляки⁴⁾ Даниилъ долженъ былъ отступать отъ этого правила и въ борьбѣ съ поляками⁵⁾, и въ борьбѣ съ друими врагами⁶⁾, потому что таковъ былъ духъ времени и такъ поступали съ нимъ его враги. Даниилъ, къ сожалѣнію, не понималъ только на удѣловъ и не могъ разстаться съ старыми понятіями о столонаслѣіи, а вѣдь могъ бы безъ особеннаго труда водворить единовластіе въ гоганадной Руси. Вообще, по своимъ воззрѣніямъ, онъ оставался княземъ дотатарской Руси и не внесъ въ ея государственную жизнь новой идеи, хотя и носилъ на головѣ королевскій вѣнецъ; онъ не былъ *значительно* стремившимся къ какимъ-нибудь *реформамъ*. Но при томъ, въ величайшему счастью юго западной Руси, удѣльныя понятія несколько е отразилъ дурно на ея судьбѣ. Это потому, что Даниилъ отличался дивительнымъ безкорметіемъ по отношенію къ меньшему брату и удивительною братскою любовью; дѣлился съ нимъ землями, по мѣрѣ прио-

1) Ип., 551.

2) Ibid., 570.

3) Ibid., 505.

4) Ibid., 516: «Кондратови же ставшу кде ныиѣ градъ Холмъ стоу, *пославшу ему ко Червону воевати...*»

5) Наур., Ип., 529.

6) Наур., Ип., 526, 546 — 547; сильныя оутошенія, произведенныя русскими въ чешской землѣ, подтверждаются и письмомъ Богемскаго короля Премыслава (1255), помѣщеннымъ у Догеля: «*Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Litvaniae. T. I. Vilnae BCCV VIII, № 1.*»

брѣтєіа пхъ 1); младшій братъ платилъ ему тою же предапностію, и они оставались друзьями во всю свою жизнь; между ними никогда не пробѣжало ни одно облачко. Ни одинъ не предпринималъ чего нибудь безъ совѣта другаго 2); во всѣхъ походахъ братья дѣйствовали дружно, во время битвъ каждый изъ нихъ боялся за другаго и постоянно наблюдалъ, не грозилъ ли ему опасность 3); одерживалъ который нибудь изъ нихъ побѣду — непременно посылалъ брату сайгати 4).

Обратимъ еще вниманіе на имѣвшія меньше значенія, но тѣмъ не менѣе прекрасныя качества Даніила.

Онъ отличался любовью къ правдѣ. Когда Мстиславъ Удалой просилъ Даніила, чтобы тотъ не оставлялъ его, Даніиль отвѣчалъ: «имамъ правду въ сердца своихъ 5)». Какъ онъ былъ разборчивъ въ этомъ отношеніи, показываетъ слѣдующій случай. Даніиль отправился на богомолье въ Жидичинъ, находящійся вблизи Луцка. «И зва и Ярославъ к Луческу; и рѣша ему боаре его: прими Луческъ, zde ими князи пхъ»; оному же отвѣщавшу, «яко приходихъ zde молитву створити святому Николѣ, и не могу того створити», иде въ Володимерь. Оттуда же, собравша рать, посласта пиль...» 6). Нѣкоторые изъ его сыновей пошли въ этомъ отношеніи по его дорогѣ. Когда австрійскій герцогъ убѣждалъ Романа Даниловича отстать отъ венгерскаго короля, который его обманывалъ, Романъ сказалъ: «правдою обѣщавъ отцю си королєви Угорьскому, не могу послушати тебе, яко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта 7)». Даніиль никогда не оставлялъ своихъ союзниковъ и всегда усердно помогалъ имъ. — Съ другой стороны, относясь строго къ себѣ, не позволяя себѣ уклоненія отъ правды, Даніиль мягко относился къ другимъ и легко прощалъ оскорбленія. Съ галицкими боярами онъ поступалъ совершенно не такъ, какъ его отецъ 8); одинъ разъ только онъ позволилъ себѣ свершить убійство; это случилось при послѣдней попыткѣ боярства и Венгровъ отнять у него Галичь, когда

1) Ип., напр., 501.

2) Ibid., 535, 537, 566.

3) Ibid., 502, 512, 534.

4) Ibid., 530, 531, 566—567.

5) Ib., 500.

6) Ib., 501.

7) Ibid., 554—555.

8) Ibid., 509, 518.

его гнѣвъ достигъ, вѣроятно, высшей мѣры, и когда онъ убилъ, знаменитаго по своимъ частымъ походамъ на Русь венгерскаго воеводу Фильня и многихъ другихъ венгровъ и боярина Владислава¹⁾. Ревностно борясь противъ враговъ, не уступая имъ ни въ чемъ, онъ забывалъ зло, какое причинялъ ему Александръ Белзскій, когда тотъ самъ просилъ его о мирѣ, простилъ даже Михаила Черниговскаго и готовъ былъ возвратить ему Кіевъ, а его сыну дать Луцкъ. Если отъ врагъ имѣлъ какія-нибудь благодѣянія, то не забывалъ ихъ и послѣ того, какъ тотъ причинялъ ему вредъ. Взявши однажды Галичь, Данилъ, «помянувши любовь короля Андрѣя», «пусти сына его и проводи и до рѣкы Днѣстра»²⁾. Вообще онъ не забывалъ благодѣяній. Получивши въ кievской области Торцкій гор., «да и дѣтемъ Мьстиславимъ, шпоритомъ своимъ, рекъ имъ: «за отца вашего добродѣанье примете и и держите Торцкый городъ»³⁾.—Заслуживаетъ также вниманія отсутствіе тщеславія, любовь прежде всего къ сущности дѣла. Это особенно выказалось въ сношеніяхъ Данила съ Римомъ. Усердно награждавшій королевскими вѣнцами Римъ⁴⁾ предложилъ подобную, довольно обольстительную, приманку и Данилу, думая, можетъ быть, замѣнить этимъ отчасти помощь, которой домогался отъ него Данилъ или, по крайней мѣрѣ, смягчить требованія послѣдняго о ней. Когда послы явились въ первый разъ къ Данилу съ вѣнцомъ, Данилъ его не принялъ, говоря: «ратъ татарская не престаеъ злѣ живущи с нами: то како могу прияти вѣнѣць, бес помощи твоей»? Потомъ онъ коробо-вался, но при какихъ условіяхъ? «Ониза же приде вѣнѣць нося, обѣщеваяся, яко «помощь имѣти ти отъ папы»; оному же одинако не хотящу и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовить, и бояре Лядьсьые рекуще: дабы приялъ бы вѣнѣць, «а мы есмь на помощь противу поганымъ»⁵⁾.

1) Ип., 534.

2) Пв., 506.

3) Пв., 511.

4) На разстояніи 55 лѣтъ (1198—1253) онъ награждалъ королевскимъ титуломъ 7 владѣтельныхъ особъ.

5) Ип., 548. — Другошь, напротивъ, въ подробномъ разсказѣ утверждаетъ, что самъ Данилъ добывался короны и отправилъ знатныхъ пословъ къ папскому легату въ Польшѣ Кардиналу Онизю съ просьбою о ней, обѣщая отречься отъ греческаго обряда и защищать католиче-

Такимъ образомъ, Данииль представляетъ весьма отрадное явленіе, если разсматривать его и какъ человѣка вообще, а не только — какъ государя.

скія земли отъ Татаръ, и тотъ будто короновалъ его въ 1246 г., не имѣя на то полномочія отъ папы (lib. VII, col. 705—706). За Длугошемъ слѣдуютъ многіе новѣйшіе историки. Даже Д. И. Зубрицкій (III, 174) говоритъ, что Данииль въ Дорончинѣ »покорился преемнику св. Петра, принявъ отъ него діадиму, не изъ государственныхъ. пользу отечеству его приносящихъ, видовъ, какъ только въ угожденіе чуждымъ убѣжденіямъ и поддаваясь свойственной человѣку слабости честолюбія, ради поставленія себя на ряду съ первыми европейскими государями«. Длугошъ въ этомъ случаѣ совершенно извращаетъ дѣло; можетъ быть, ему непріятно было это событіе, возведеніе русскаго князя въ короли, тогда какъ польскіе князья оставались князьями: въ его вѣдь время Польша владычествовала надъ Русью. Не вдаваясь въ подробное опроверженіе его разсказа, заключающаго въ себѣ немало неточностей, — разсказа, которому онъ самъ противорѣчитъ ниже [см. lib. VII, col. 779, гдѣ онъ выражается такъ о Даниилѣ: »*adeptus coronam, qua fuit ob eam fidem et devotionem mandato Apostolico insignitus*], мы ограничимся только слѣдующимъ. Самъ папа въ буллѣ, изливающей гнѣвъ на Даниила за прерваніе имъ сношеній съ Римомъ, выражается такъ: *Ecclesia eadem (i. e. Romana) volens te in sui devotione congruis firmare favoribus, et condignis gratiis confovere, personam tuam ad Regalis dignitatis apicem sublimavit, faciendo te inungi sacri crismatis oleo, tuoque imponi capiti regium diadema. Sed tu, sicut ad audientiam nostram non sine cordis turbatione pervenit, tam spiritualium quam temporalium beneficiorum ipsius Ecclesiae immemor...*«; въ др. мѣстѣ читаемъ: »*Magnitudinem tuam monebam duximus atentius et hortandam, quatenus ad tuam memoriam revocans: quanto studio quantaque sollicitudine circa exaltationem tuam Sedes Apostolica laboravit?*« (Н. Р. М., I, XCV). Тутъ коронованіе Даниила представлено какъ-бы наградою со стороны великой церкви за общаніе подчиниться ей, а не условіемъ со стороны Даниила, которое она поспѣшила исполнить. Точно также самъ папа догадался наградить королевскимъ титуломъ и Миндове. По поводу взятія прусскимъ архіепископомъ съ новоосвященнаго литовскаго епископа присяги себѣ, папа, между прочимъ, говоритъ, что онъ не разрѣшаетъ этого »*pro ejusdem Regis honore, quem a sue conversionis initio assumpsimus in filium Ecclesiae specialem et regie dignitatis titulo fecimus insigniri*« (Тэйнеръ, I, № СХХІ; Н. Р. М., I, СХІ). — Считаемъ не лишнимъ сказать тутъ нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ Данииль готовъ былъ подчиниться Риму въ церковномъ отношеніи. Несомнѣнно, что онъ никогда не соглашался на полное отреченіе отъ православія. Чувствуя необходимость, какою сознавали и греческіе императоры, въ пособіи запада Данииль готовъ былъ согласиться на *унию*, подобно имъ, но не на от-

Какъ не пожалѣть послѣ всего этого о томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія неблагопріятныя условія, что, будучи безстрашнымъ о всю свою жизнь, на старости лѣтъ, за свои благородныя усилія къ спасенію отечества, долженъ былъ бѣгать отъ татаръ ¹⁾, чтобы не перпѣть отъ нихъ за это ²⁾?

реченіе отъ православія; онъ не хотѣлъ жертвовать религіею полиикѣ; можетъ быть, по его мнѣнію, эта почетная унія должна была только состоять въ признаніи верховной власти папы: онъ дѣйствовалъ, по словамъ Плато-Карпини, съ согласія вельможъ и духовенства, а они не согласились-бы на отреченіе отъ чего-нибудь православнаго. Папа долженъ былъ сразу сдѣлать Даниилу уступку въ религіозномъ отношеніи, разрѣшивъ епископамъ и пресвитерамъ совершать службу на завашенныхъ просфорахъ и удержатъ другіе обряды, не противорѣчившіе католической вѣрѣ (Н. В. М., I, LXVIII). Вѣроятно, изъ-за стремленія папскаго легата привести Даниила и его земли къ полному подчиненію римской церкви, не поладили съ нимъ въ 1249 г. Данииль *Dñg. ad a. 1249, nb. VII, col. 713.* Въ буллѣ къ архіепископу прусскому, папскому легату, помѣченной сентябремъ 1247 (LXXII), папа, поручая ему лично отправиться къ Даниилу, говоритъ: *»si prelatus Rex n tam sancto proposito (разум. намѣреніе Даниила приступить къ союзу съ Римскою церковью) perseverans, tam ipse, quam Archiepiscopi, et Episcopi, et alii Magnates Regni sui, scismate quolibet penitus abjurato, promiserint et iuraverint se de cetero in unitate fidei quam Ecclesia Romana predicat, et observat, ejusque Romane Ecclesie devotione permansuros, eos auctoritate nostra et reconcilies, et tanquam speciales et devotos filios incorporeos predicte Romane Ecclesie, que mater est omnium, unitati«*]. Этотъ разрывъ продолжался еще въ 1250 г. См. Карашевича «Ист. прав. у. на Волини, стр. 15, прим. 42. Примиреніе произошло въ 1252 г. Кар. IV, прим. 56. Около 1246 г. Данииль посылалъ митрополита Кирилла въ Грецію для поставленія (Ип. 537). Вопросъ о мѣрѣ подчиненія Риму Данииловой Руси, во всякомъ случаѣ, не былъ еще окончательно рѣшенъ и при коронаваніи Даниила. Это доказываютъ слѣдующія слова лѣтописи: «Некентий бо кляняше тѣхъ хулящимъ вѣру Грѣцкую православѣрную, и хошящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ, воединены церкви» (Пп., 549), и вообще при Даниилѣ мы не взяли отъ Римской церкви ничего до самаго прекращенія сношеній съ нею; велась только переговоры. — О глубокой религіозности Даниила мы не упоминаемъ. Она постоянно видна въ лѣтописи; см. Ип., 501, 507, 509, 511, 516, 524, 525, 532, 535, 548, 558—560. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ не возвышался особенно надъ современниками. Проводивъ брата къ явившемуся въ первый разъ Бурандаю, Данииль ѣдетъ въ Мѣлннѣ, молится предъ иконою Спаса Избавника, при чемъ «общца ему Данило король украшениемъ украсити и» (Ип., 560; сл. 558).

¹⁾ Ип., 562.

²⁾ Ип., 560: «вѣдахуть бо, аще Данииль поедеть (къ Бурандаю), а не будетъ с добромъ».

Личныя качества Даниіла и его заслуги снискали ему любовь весьма многихъ, напр. Мстислава Ярославича ¹⁾, Мстислава Удалого ²⁾, Галичанъ, и были оцѣнены его соотечественниками, которые воспѣвали его подвиги. Вотъ какъ заключаетъ лѣтописецъ рассказъ объ одномъ походѣ Даниіла на ятвяговъ: »Оттуда же князь Даниль приде ко Визьнѣ и пройде рѣку Наровъ, и многи крестьяны отъ пленения избависта, и *тѣмь славну пояху има, Богу помогшу има*, и придоста со славою на землю свою, наследавши путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изоострился на поганья, яко левъ, им(ъ) же Половца дѣти страшаху« ³⁾. Самая лѣтопись показываетъ, какъ относились къ Даниілу современники.

Слава Даниіла разнеслась и по окрестнымъ землямъ Батый зналъ о немъ еще до вступленія въ Волынскую землю: »Батый же вземши градъ Кыевъ и слышавъшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю...« ⁴⁾. Возвращаясь изъ-за Карпатъ, Батый хотѣлъ поймать Даниіла ⁵⁾; наконецъ, когда послѣдній явился въ орду, онъ принялъ его съ почетомъ, хотя и горькимъ для гордаго князя ⁶⁾. Относилась съ уваженіемъ къ Даниілу и нѣмцы. Они говорили ему »тебе дѣля мѣръ створимъ со Выкынтомъ, зане братью нашу многъ погуби« ⁷⁾.

И мы думаемъ, что, если правъ хронографъ, сказавшій, по словамъ лѣтописца: »якоже добродѣяны въ вѣкы святятся« ⁸⁾, то съ чувствомъ благодарности отнесутся къ этому дѣятелю и потомки, которые будутъ помнить его, какъ самую замѣчательную русскую личность XIII вѣка, затмѣвающую собою даже знаменитаго Александръ Невскаго, в вообще какъ одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ политическихъ дѣателей, бойцовъ за народъ и вождей его въ трудныя минуты.

1) Ил., 491, 501.

2) Ил., 501, 517.

3) Ил., 539. Слѣды такого народнаго поэтическаго творчества и которые открываютъ въ самой лѣтописи.

4) Ил., 523: Ник. III, 8.

5) Ил., 528.

6) Ibid., 536.

7) Ibid., 542.

8) Ibid., 554.

ОПЕЧАТКИ *).

строч.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно было быть.
3	20	XVIII	XIX
4	16	Угрево	Угре во
5	24	голицко-волынской	галицко-волынской
—	45	то на	топа
8	22	прим. 11-е.	прим. 3-е на пред. стр.
9	17	прим. 14-е.	прим. 6-е на стр. 7.
10	20	Ник. (III, 317); о томъ же	Ник. (III, 317) о томъ же
15	4	Баяку	Балку
16	34	(III, 2478)	(III, 247—248)
20	19	Кенятина	Кснятина
—	—	Ип., 385.	Ип., 335.
21	35	стрятеть	стряпать
22	36	Елуичь	Е.ицичь
—	37	Кенятинъ	Кснятинъ.
23	10	будешь	будеть.
24	18	ее	ея.
25	16	Ярославскіе	Ярославовскіе.
26	26	невелико	не велико.
27	27	Владиміръ	Владиславъ.
28	30	MDDCLIV	MDCCLIV.
29	36	сгиреге	егиреге.
32	29	помоташа	пометаша.
47	44	Апп.	Апп.
58	38	мон. изслѣд.»	мон. и изслѣд.»
59	13	вышелъ вѣроятно	вышелъ, вѣроятно.
—	19	главнымъ обра- зомъ вѣроятно	главнымъ образомъ, вѣроятно.
64	29	in Alterthum	im Alterthum.
—	34	Нечюнь	Нечюпъ.
66	20	(i. e. Bieszczad,	(i. e. Bieszczad),
67	36	Вослокою, Słupice	Вислокою, Słupiec.
—	37	Nista	Niska.

*) Здѣсь перечисляются только *важнѣйшія* изъ нихъ. Авторъ не въ со-
лпн былъ предотвратитъ ихъ, потому что не имѣлъ возможности все время
дѣль за печатаніемъ своего труда.

На стран.	Строка сверху	Напечатано.	Должно было быть.
72	36	1229	1289.
73	24	i stoków	u stoków.
74	45	компани	Команіи.
77	19	Пересопницю	Пересопницю.
81	7	Mon. g.	Mon. G.
	8	XX	XIV.
86	6	sout	sont.
—	27	повторилъ	повторилъ.
92	18	бумага	булда.
94	5	украшены	украшелы.
100	4	познакомимся	познакомился.
114	2	Пересопницы	Пересопницы.
115	22	шла	има.
—	29	pol.«	Pol.«
116	13	порабщения	порабощенія.
120	23	Полотьского	Полотьскою.
121	19	русской	русскихъ.
—	20	лѣтописи«	лѣтописей«.
—	21	Msislaus	Mscislaus.
—	45	s. 405	S. 405.
122	13	Рогвольдъ	Рогволодъ.
—	25	1231	1281.
124	23	пѣмьцѣ	пѣньцѣ.
—	30	»попѣманскія	по-Нѣманскія.
—	32	Мояввиловичъ	Моятвиловичъ.
—	34	сказали, Брестъ	сказали; Брестъ
125	11	exercitus	exercitus
—	20	sa Dźwina	za Dźwiną.
126	26	»Jaczwingi	»Jaczwingi
—	35	quandam	quendam.
—	37	capitaneos	capitaneos.
128	11	Юборкъ и Купасевъ	Юрборкъ и Кунасовъ.
—	13	Эрдзивиляъ Немель	Эрдзивиляъ. Немель.
—	22	Викинтъ	Викинтъ.
—	22	Пуссимуптъ	Писсимувтъ.
129	4	тѣмн	тѣмн.
—	27	см. стр. 248	сл. стр. 248.
130	18	Mindiowa	Mindowa.
—	27	własnego	własnego.
—	31	grodzińskiego	grodzińskiego
131	14	Миндове Выкыптѣ	Миндове. Выкыптѣ.
—	17	Трепята Товтивиль	Трепята. Товтивиль.
—	19	Войшелкъ Рукль Репскій	Войшелкъ. Рукль. Репскій.
—	32	Стропы	Стропы.
133	34	предыд. гл., прим. 32-е.	предыд. гл., стр. 85—86.
134	15	кляженіе	кляженія.
136	40	socur	soeur.
—	42	Монгроша	Монггота.
140	23	Preussens 4 s.	Preussens 4 S.
151	12	на Русн	ни Русн.

За страл.	Строка сверху	Напечатано.	Должно было быть.
153	36	Опизо	Опизо.
154	7	Дороичипъ	Дорогичивъ.
—	31	великой церкви	римской церкви.
155	27	прав. у.	прав. ц.
156	8	наследавши	наследивши.
—	33	Іѵ., 52З: Нѣк	Іѵ., 52З; Ник.

